

АФГАНИСТАН В ЭПОХУ БРОНЗЫ

§ 1. Памятники эпохи бронзы
Давлетабадского оазиса

Как видно из предыдущего изложения, все наши сведения относительно становления и развития оседло-земледельческой жизни населения Афганистана эпохи энеолита и бронзы относятся исключительно к югу страны. Только начиная со II тысячелетия до н. э. эти процессы захватывают и области Северного Афганистана, где складывается несколько древнеземледельческих оазисов, из которых к настоящему времени известны: Давлетабадский, Дашлинский, Фарукабадский и Ничкинский. Изучение этих оазисов ввело в научный оборот большой, а главное — разносторонний материал, еще не ставший достоянием науки в своем полном объеме. Именно поэтому в настоящей главе основной упор делается на характеристику всего облика материальной культуры севера страны, с кратким привлечением хорошо известных и опробованных данных, происходящих с юга (и в первую очередь — Мундигака). Наш обзор мы начнем с давлетабадской группы памятников эпохи бронзы, фиксирующей наиболее западный пункт из всех известных к настоящему времени. Примерно на полпути между городами Меймене и Андхой располагается крупное селение Давлетабад. И именно здесь р. Ширин-Тагао из узкого каньона, зажатого лёссовидным нагорьем, вырывается на ровное плато, ширина которого достигает 6—8 км. Плодородная аллювиальная долина представляла благоприятные возможности как для ведения земледельческого, так и скотоводческого хозяйства. И не удивительно, что около современного Давлетабада располагаются наиболее западные из известных памятников эпохи бронзы Северного Афганистана. В настоящее время здесь открыто пять небольших поселений, вытянутых в цепочку по левому берегу р. Ширин-Тагао; разведочное обследование по правому берегу реки выявило лишь памятники средневекового периода. Очевидно, что рассматриваемые поселения эпохи бронзы базировались на водной магистрали

р. Ширин-Тагао, которая, по крайней мере во II тысячелетии до н. э., протекала несколько западнее относительно ее современного русла.

Вместе с тем показательно, что в предгорьях, окаймляющих долину с обеих сторон, не обнаружены памятники эпохи бронзы, что лишним раз подчеркивает ирригационную направленность древнеземледельческого хозяйства¹. Не исключено, что уже в это время здесь существовали небольшие оросительные каналы, выводившие воду из Ширин-Тагао на прилегающие к ее левому берегу поля. Хотя специальные исследования древней системы ирригации этого района проведены не были, рассматриваемые памятники располагаются в средней части реки, имеющей глубокое русло, что почти полностью исключает паводковые разливы.

Параллельно долине Ширин-Тагао через небольшое нагорье тянется вторая долина, вдоль р. Маймене, однако здесь каких-либо древних памятников обнаружено не было. Видимо, именно долина Ширин-Тагао представляла оптимальные условия для ведения поливного земледельческого хозяйства.

Естественно предполагать, что, хотя на отрезке Давлетабад — Андхой другие памятники эпохи бронзы пока неизвестны, они могут быть обнаружены последующими обследованиями. Вместе с тем следует отметить, что специальные разведки, проведенные от Гератского оазиса вплоть до Давлетабадского, других памятников эпохи бронзы не обнаружили. Правда, в Гератском оазисе бурная р. Герируд так часто меняла направление, что могла полностью уничтожить небольшие поселки интересующего нас времени.

Давлетабадская группа памятников эпохи бронзы включает четыре небольших поселения, получивших условное обозначение: Тикар-1, Тикар-2, Тикар-3 и Тикар-4; поселение Тикар-4 имеет местное название Гирдай-Тепе (Круглый холм). Поселения этого оазиса представляют

¹ Отметим, что даже в настоящее время местное население не практикует посевы под богару.

исключительный интерес потому, что они единственные пока из известных сохранили многометровую стратиграфию культурных слоев, дающую возможность проследить эволюцию керамических комплексов.

Поселение Тикар-1 расположено к юго-западу от селения Давлетабад. Памятник вытянут с севера на юг, сильно запахан и расположен среди современных полей. Его сохранившиеся размеры 75×65 м при высоте 3,5 м. На поверхности, среди вспаханных борозд найдены обломки керамики, в том числе сливы от сосудов типа сосунок, не встреченных при раскопках. На памятнике заложено два шурфа: шурф 1 в центре поселения и шурф 2 на его северной окраине, выявившие несколько строительных горизонтов.

Первый (верхний) строительный горизонт сохранился плохо, что отчасти объясняется нарушением культурного слоя запашкой; тем не менее выявлена кирпичная стена и отходящий от нее пол.

Следующий, второй строительный горизонт сохранил толстую стену с отходящим от нее полом, на котором идет слой белой слежавшейся золы. Выше пола идет мощный мусорный слой характерного зеленоватого цвета.

Самый древний, третий строительный горизонт сохранил лишь стену, покоящуюся на материке, состоящем из уплотненных слоев песка, перемежающихся с горизонтальными глинистыми прослоями наносных аллювиальных отложений.

Как видно, центральная часть холма состоит из трех строительных горизонтов, причем самые нижние культурные напластования в целом соответствуют современному уровню окружающей поверхности. Несмотря на немногочисленность находок, вся керамика производит впечатление единого комплекса.

Вся найденная посуда (исключая кухонную) изготовлена на гончарном круге, черепок по преимуществу красного цвета, хорошего обжига, большая ее часть покрыта с обеих сторон светлым ангобом. Среди основных керамических форм имеются вазы (возможно, вазы на ножках), чайники с носиками, глубокие миски, хумы, хумчи с подкошенной придонной частью.

Обращают на себя внимание единичные фрагменты керамики с прочерченным волнистым орнаментом, известным на памятниках Северо-Восточного Ирана и Южного Туркменистана.

Кроме керамики, встречены каменные зернотерки, пестики, кремневые желваки со следами отщепов.

Шурф 2 на склоне холма выявил толщу культурных наслоений в 2,5 м, не сохранивших строительных остатков, что не удивительно для окраинной части поселения. Керамический ма-

териал немногочислен и сильно фрагментирован: вся посуда, исключая кухонную, гончарной выделки, отдельные венчики, возможно, принадлежат вазам. В верхнем слое выделяется тонкостенный сосуд с плавным перегибом, идущим к донцу, аналогии которому имеются в Дахистане и Мургабе (Южный Туркменистан). В нижележащих наслоениях встречены единичные фрагменты керамики с нацарапанным орнаментом, а также ножки от высоких ваз. Соотношение абсолютных уровней обоих шурфов показывает, что уже в древности на месте будущего поселения находился естественный бугор, на верху которого и были возведены кирпичные строения; пониженная часть холма в этот ранний период, возможно, являлась местом скопления мусорных слоев.

Поселение Тикар-2 состоит из двух частично распаханых всхолмлений, вытянутых с севера на юг и соединенных пониженной седловиной. Сохранившиеся размеры — 80×50 м при высоте около 2 м.

Шурф выявил сверху очаг с золой, так что, по-видимому, на этом уровне располагались помещения первого строительного горизонта. От второго строительного горизонта сохранились три стены, причем две из них имеют общий пол, состоящий из глиняных промазок с саманом. Культурный слой представлен строительным завалом, в юго-западной части шурфа имеются толстые мусорные слои зеленоватого цвета.

От самого древнего, третьего строительного горизонта сохранилась лишь одна стена, основание которой покоится непосредственно на материке, состоящем из слоев уплотненного песка, перемежающихся с глиняными прослоями, вероятно, аллювиального происхождения.

Керамический материал немногочислен и в целом соответствует комплексу с Тикар-1. Основные керамические формы: вазы, в том числе вазы на ножке, глубокие миски, хумчи, в верхних слоях встречено два фрагмента стенок с прочерченным орнаментом.

Поселение Тикар-3 не раскапывалось. Его размеры — 65×55 м при высоте около 3 м. На поверхности холма встречены обломки ваз, ножки от ваз, хумчи с подкошенной придонной частью, т. е. тот же керамический комплекс, что и на других памятниках.

Тикар-4 (Гирдай-Тепе), наиболее северное поселение в исследуемой группе, в плане имеет почти квадратную форму, размером 100×95 м при высоте 3,8 м. Судя по микрорельефу, поселение, видимо, имело обводные стены; по четырем углам расположены небольшие всхолмления, возможно, остатки башен; центральная часть более пониженная. Еще до раскопок на поверхности были встречены обломки керамики того же типа, что и на вышеописанных поселе-

ниях. Это вазы на ножках, миски, кремневые желваки и наконечники стрел, обломки каменной «колонки».

Шурф на наиболее возвышенной части поселения был доведен до материка и выявил четыре строительных горизонта.

В первом горизонте расчищены стены, имеющие общий пол, что указывает на принадлежность их к одному строительному комплексу. Ямка на полу оказалась забитой костями мелкого рогатого скота, рядом стояла целая кринка и лежали обломки бронзового браслета.

Керамический материал первого строительного горизонта имеет следующие ведущие формы: вазы на ножках, глубокие миски, горшки с плавно и сильно отогнутыми наружу венчиками, хумы с округлыми в сечении венчиками. Характерным признаком столовой посуды следует считать рельефные «воротнички», идущие непосредственно после венчика.

Нижележащий, второй строительный горизонт сохранил кирпичные стены с общим полом, на котором устроено два прямоугольных очага. Следует отметить следующие находки: целый череп кабана-секача и рога джейрана; кроме того, костяной шпатель и биконическое пряслице из зеленоватого стеатита.

Керамический материал немногочислен и включает тонкопрофилированные венчики, но уже (за редким исключением) со слабо выраженным «воротничком», ножки от ваз, миски, хумы, венчики которых выделены кольцевым углублением. Кухонная посуда в основном представлена котлами и горшками.

В третьем строительном горизонте стены не выявлены, однако по всей площади шурфа идет четко выраженный уровень пола, покрытый керамической выстилкой, а в восточной и южной частях сохранились очаги, заполненные золой. Керамические формы в основном повторяют вышеописанные. Некоторые видоизменения отмечаются у венчиков сосудов типа хумчей, которые приобретают удлиненно-вогнутую форму с рельефным выступом по нижней части. Наряду с округлыми венчиками имеются заостренные; «воротнички» столовой посуды менее выражены и более сглажены по профилю. В единичных экземплярах встречены тонкостенные, конической формы краснофонные сосуды с частичным вертикальным лощением и грубые, тяжеловесных форм ножки от сосудов типа ваз. Плоское костяное орудие, залощенное до блеска, дополняет общую характеристику материала третьего строительного горизонта.

Четвертый строительный горизонт мощностью 2,5 м сохранил кирпичную стенку; однако непосредственно на аллювиальных материковых отложениях оконтурилась еще одна, более мощная стена, свидетельствующая о на-

чальном периоде обживания памятника на этом месте.

Показательна керамика, находившаяся непосредственно на материковых отложениях: тонкостенная, хорошего качества и обжига, преимущественно покрытая светло-зеленоватым ангобом, реже — кремовым и красным. Обращают на себя внимание сосуды средних и мелких размеров с треугольным в разрезе венчиком, плавно, почти без перегиба переходящим в тулово сосуда. Выделяется хумча, у которой переход от тулова к дну сильно скошен и имеет «шершавую» поверхность, что характерно для посуды эпохи бронзы.

Не совсем ясным остается вопрос, существовали ли в этот период вазы на ножках. Возможно, они были уже известны, но эта форма еще не стала такой массовой и ведущей, как это наблюдается позднее.

В целом керамическая последовательность на Гирдай-Тепе производит впечатление единого генетического комплекса, развивающегося во времени на протяжении семиметровой толщи культурных напластований. Вместе с тем отдельные формы, присущие ранним слоям, видимо, исчезают на уровне второго строительного горизонта, как, например, цилиндрические сосуды с почти невыделенным венчиком, выявленные в шурфе лишь в самом нижнем горизонте.

Материалы поселений Тикар-1 и Тикар-2 весьма близки, если не сказать идентичны. Их роднит широкое распространение основных керамических форм и в первую очередь — вазы на ножках. Намечается и внутренняя стратиграфия, находящая отражение в наличии в верхних слоях этих двух памятников керамики с процарапанным орнаментом. Показательно также, что в более глубоких слоях подобные фрагменты встречены не были, что, скорее всего, имеет хронологическое различие. В этом отношении показательно отсутствие нацарапанной посуды в Гирдай-Тепе, так что не исключено, что верхний строительный горизонт Гирдай-Тепе соответствует нижним слоям Тикар-1 и 2. Подтверждением тому может служить и различная мощность слоев: на Гирдай-Тепе толщина культурного слоя достигает 7 м, на Тикар-1 и 2 — не более 3 м. Учитывая вышеприведенные наблюдения, представляется возможным подразделить керамический комплекс Давлетабадского оазиса на два хронологических этапа: гирдайский и тикарский. Более ранний, гирдайский этап знаменует начальный этап заселения исследуемого оазиса, когда широко бытует преимущественно гончарная, ничем не украшенная керамика. Ее основные формы: хумчи с подкошенной придонной частью, иногда с песчаной подсыпкой, глубокие миски с высокими, вертикально поставленными бортиками и резким су-

женнем придонной части, оанковидные сосуды со слабо выделенным венчиком, вазы на ножках, хумы с округлыми (реже эллипсоидными) в разрезе венчиками.

Частично совпадающий, но продолжающийся и позднее тикарский этап характеризуется в основном теми же формами, но более широко распространяются вазы на высоких ножках и появляется керамика, украшенная процарапанным орнаментом. В таком случае можно допустить, что если поселения типа Гирдай-Тепе свидетельствуют о начальных этапах освоения Давлетабадского оазиса, то памятники типа Тикар-1, 2, 3 указывают на сложение новых, возможно отпочковавшихся от старых, поселений.

В общей форме археологические материалы Давлетабадского оазиса входят в круг сходных комплексов эпохи бронзы Северного Афганистана и южных областей Средней Азии. Так, керамические комплексы Дашлинского оазиса достаточно близко перекликаются с материалами давлетабадской группы, причем, как кажется, эти соответствия более всего отмечаются с материалами строительных горизонтов 1—2 Гирдай-Тепе, так как ни в том, ни в другом комплексе практически еще не представлена керамика, декорированная процарапанным волнистым орнаментом. Предложенная синхронизация документируется также характерными сосудами типа кринки с Гирдай-Тепе, точная аналогия которым имеется в материалах поселения Дашлы-3.

Между рассмотренными двумя оазисами, около г. Шиберган располагается поселение Тилля-Тепе, керамический комплекс которого характеризуется как лепной расписной, так и гончарной посудой. Для керамики наиболее древнего строительного горизонта Тилля-1 весьма показательны тонкостенные, прекрасного качества фрагменты гончарной посуды с волнистым процарапанным орнаментом² и треугольные в разрезе венчики, в ряде случаев со сложным профилем³, близко напоминающим аналогичные профили верхнего слоя Гирдай-Тепе. Указанные параллели, с одной стороны, дают право синхронизировать керамику нижних слоев Тилля-Тепе с посудой преимущественно тикарского периода, с другой — намечают возможность объяснения наличия гончарной керамики в комплексе лепной расписной посуды восточнорасанской культуры.

Столь же показательные аналогии дают памятники Южного Туркменистана, где посуда времени Намазга-V (первая половина II тыся-

челетия до н. э.) до определенной степени перекликается с северо-афганской, причем в первую очередь отмечается сходная светлоангобированная фактура черепка. Полное отсутствие посуды с процарапанным орнаментом в керамическом комплексе Намазга-V дает основание сопоставлять его с ранними слоями памятника типа Гирдай-Тепе, хотя отмечаемые соответствия носят самый общий характер, намечая лишь контуры возможных аналогий и очерчивая территорию распространения сходных археологических комплексов.

Следующий период — Намазга-VI при сохранении предшествующих керамических традиций характеризуется добавлением сероглиняной керамики и практикой декорирования сосудов на поздних этапах процарапанными, чаще всего волнистыми линиями. Показательно, что слои тикарского этапа достигают мощности около 3 м (Тикар-1), периода Намазга-VI имеют толщину в 4,5 м⁴, что, видимо, не случайно.

В настоящее время установлена более дробная стратиграфия памятников Северо-Восточного Ирана и в первую очередь такого столбчатого центра, как Тюренг-Тепе, где для самых поздних периодов выделены фазы III-C-1 и III-C-2. В фазе III-C-1 появляются некоторые новые керамические формы, как, например, соусники⁵ того же типа, что и на Тикар-1, глубокие миски с вертикальными бортиками, неизвестные ни в Шах-Тепе, ни в Гиссаре⁶, но достаточно широко представленные на Гирдае. Количество подобных сходных форм можно увеличить, однако в лучшем случае они лишь намечают хронологическую корреляцию, но не решают проблему происхождения давлетабадского археологического комплекса в целом.

То же самое следует сказать и касаясь материалов Тепе-Гиссар, где имеются весьма показательные каменные «миниатюрные колонки»⁷, появляющиеся лишь с периода Гиссар-III-C; один такой фрагмент встречен на поверхности Гирдай-Тепе.

В результате имеющихся данных представляется возможным составить таблицу, показывающую взаимную корреляцию вышеприведенных археологических комплексов.

Сложнее обстоит вопрос с хронологическими рамками исследуемого давлетабадского комплекса, так как радиоуглеродные даты

² Сарияниди В. И. Раскопки Тилля-Тепе в Северном Афганистане. Материалы к археологической карте Северного Афганистана. М., 1972, рис. 38, 6, 10; рис. 56, 19.

³ Там же, рис. 36, 6, 20.

⁴ Шетенко А. Я. Раскопки «вышки» Намазга-Тепе. — В кн.: Успехи среднеазиатской археологии, вып. 1. Л., 1972, с. 53.

⁵ Deshayes J. Tureng-Tepe et La Periode Hissar III-C. — «Ugaritica», 1959, VI, fig. 49.

⁶ Там же, рис. 51.

⁷ Schmidt E. Excavations of Tepe-Hissar. Philadelphia, 1937, pl. LXI.

Таблица 1

Северный Афганистан	Туркмения	Иран
Тилия-1 Тикарский этап Гирдайский этап	Дашлинский период	Намазга-VI Тюрент III-C Шах-Тепе II Гиссар III-C

здесь отсутствуют. Учитывая корреляционную таблицу 1, можно допустить, что тикарский период соответствует второй половине II тысячелетия до н. э., в то время как гирдайский этап относится к предшествующему времени.

Заканчивая обзор памятников Давлетабадского оазиса, можно сделать вывод, что люди, обитавшие здесь во II тысячелетии до н. э., вели земледельческое хозяйство, базировавшееся на водной системе р. Ширин-Тагао, а также занимались скотоводством; охота на кабанов и, видимо, джейранов служила дополнительным источником мясного рациона. Небольшие поселки состояли из домов, сложенных из сырцового кирпича; не исключены оборонительные стены на некоторых из них. Вся посуда, за исключением кухонной, изготовлялась на гончарном круге, отличалась высоким качеством и обжигалась в специальных гончарных горнах. В целом же Давлетабадский оазис выступает как периферийный, может быть, промежуточный пункт по пути передвижения племен в восточном направлении.

§ 2. Памятники эпохи бронзы Фарукабадского оазиса

Фарукабадский оазис, расположенный к северу от современных деревень Фарукабад и Култаг, представляет собой типичный пустынный ландшафт: выжженные плоскости такыров, перемежающиеся с участками надувного песка. Примерно в 4—5 км от названных деревень начинаются сплошные высокие барханы, переходящие в приамударьинские пески. Таким образом, южную границу исследуемого оазиса составляют современные деревни Фарукабад и Култаг, северную — сплошная гряда барханных песков; в восточную и западную стороны продолжают те же такыры, местами засыпанные надувным песком. Хотя в настоящее время водные источники (каналы, идущие из р. Балх) заканчиваются у вышеупомянутых деревень, еще в начале века вода доходила почти до современных барханов, причем местами остатки бывших арыков и валиков полей, полусасыпанных песком, прослеживаются

около исследуемых памятников до настоящего времени. Очевидно, что и в древности водотоки доходили до этих участков, где и располагаются памятники, относящиеся к эпохе бронзы. К сожалению, все они оказались почти полностью развеянными так, что сейчас почти не выражены в рельефе⁸.

Центральным среди них было поселение Фарукабад-1, границы которого трудно подаются точному определению, и лишь россыпи мелких фрагментов керамики на такыре намечают общую конфигурацию бывшего поселения размером 1100 × 800 м. Хотя на большей части культурный слой не сохранился, отмечено несколько естественных возвышений, приспособленных под могильники, но полностью разграбленных. В настоящее время они представляют собой сплошные отвалы земли с большим количеством разбитой погребальной посуды, полузасеянной надувным песком. Наиболее крупный могильник располагается в центре поселения, еще три — по окраинам. Большая часть поселения занята громадными барханами или надувным песком, и лишь на небольших участках прослеживаются пятна с битой керамикой. На западной окраине памятника сохранилось естественное всхолмление, покрытое большим количеством мелкофрагментированной керамики; ниже по склону идут сплошные зольные отвалы, по-видимому, от гончарных печей.

Из разграбленных могил происходит большое количество частично составляющих сосудов, дающих достаточно полное представление об основных керамических формах. Это разнообразные виды ваз, в том числе на высоких ножках, кубков, чайников, мисок и других сосудов, находящихся в полном соответствии в керамическом комплексе эпохи бронзы. Некоторым исключением являются широкие, с низким бортиком блюда и крупные сосуды с резким подкосом и треугольным в сечении венчиком, профили которых более распространены в ахеменидский период.

Основная масса керамики сделана на гончарном круге, глина плотная, красного цвета; сосуды покрыты светло-зеленым ангобом; в тех случаях, когда неангобированы, они имеют ярко-красный цвет. Отдельные вазы и кубки сохранили на нижних частях донцев нацарапанные знаки-метки, преимущественно в виде крестов. Хотя решительно преобладает ничем не украшенная посуда, отдельные вазы и кубки на ножках покрыты красной краской. В единичных случаях отмечен нацарапанный

⁸ Когда рукопись находилась в типографии, экспедицией были выявлены дополнительные памятники Фарукабадского оазиса, а также новый Ничкинский оазис.

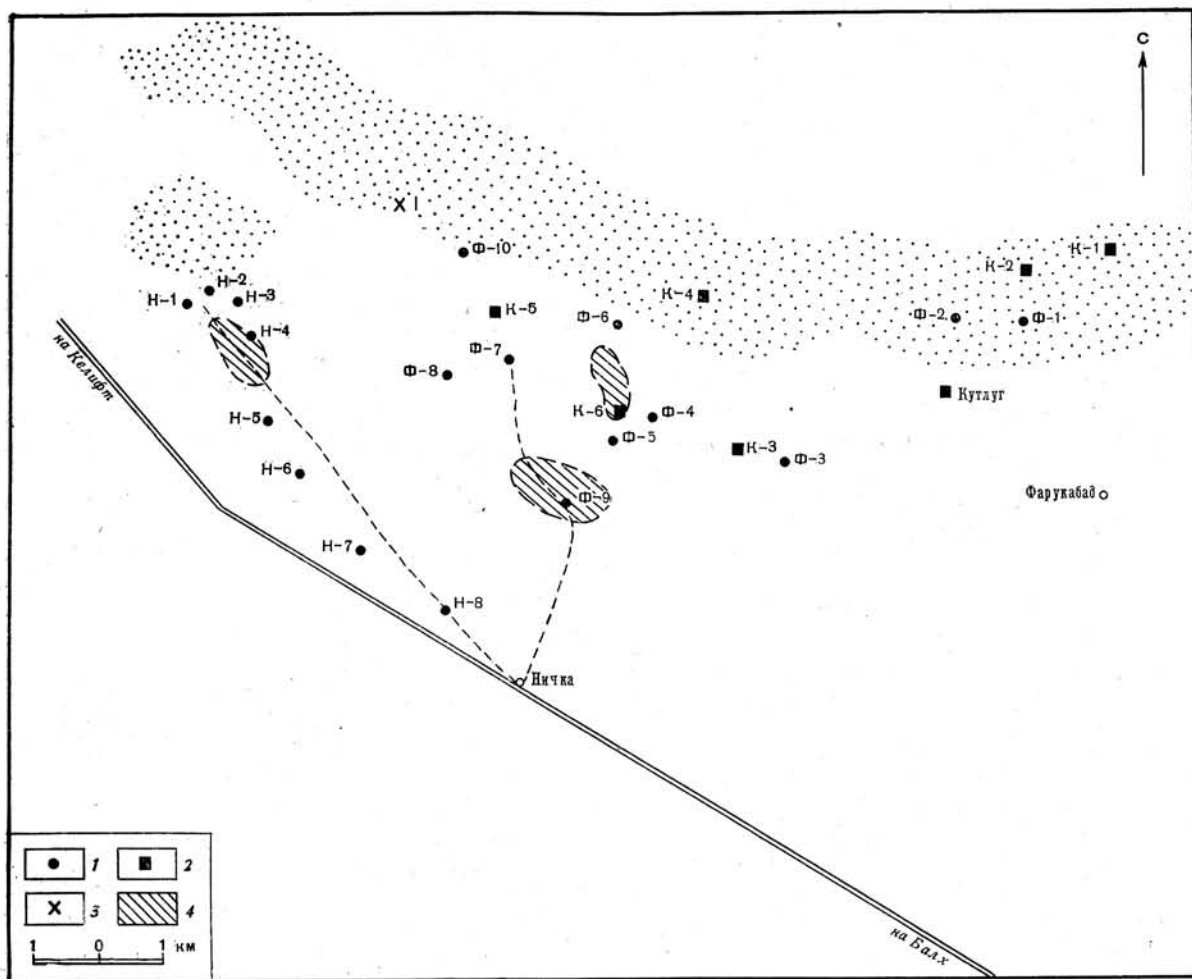

Рис. 5. Схема расположения фарукабадского (Ф), ничкинского (н) и кумлийского (к) памятников
 1 — поселения эпохи бронзы; 2 — поселения раннежелезного века; 3 — стоянки степной бронзы

Рис. 6. Керамика из разграбленного могильника Фарукабад-1

орнамент в виде простой волнистой линии, идущей по плечу сосуда; встречены единичные фрагменты сероглиняной посуды, а также соусники с вытянутыми сливами.

На поверхности памятника встречены кремневые пластины, наконечники стрел и характерной формы проколки; имеются крупные зернотерки, пестики, обломки бронзовых и медных изделий. В выбросах разграбленных могил встречены единичные каменные бусинки, медные обломки, возможно, от сосудов и браслетов. Особого интереса заслуживают медные зеркала до 9—10 см в диаметре и со слегка вогнутой плоскостью; всего встречены обломки от 5 зеркал, что указывает на достаточно распространенный обычай помещения зеркал в могилы в качестве заупокойных приношений.

Могильные ямы, вырытые в такырвидном материке, имели прямоугольную конфигурацию, а в тех случаях, когда это можно было определить, вытянуты по оси север — юг, что косвенно указывает на осевую ориентировку покойников.

Поселение Фарукабад-2 представляет собой россыпь мелкофрагментированной керамики на такыре, так что, судя лишь по ее распространению, можно думать, что поселение было вытянуто с севера на юг примерно на 100 м при ширине 60—70 см. В центре сохранилось естественное всхолмление, приспособленное под могильник и полностью разрушенное хищническими раскопками. Керамика из отвалов соответствует поверхности материка и относится к эпохе поздней бронзы и раннего железа. Сохранилась керамическая печь, относящаяся к типу двухъярусных горнов, у которых обжигательная камера располагалась над топкой, так что жар через продухи в поде попадал в камеру, где стояли полуфабрикаты, приготовленные для обжига⁹.

§ 3. Памятники эпохи бронзы Дашлинского оазиса

Дашлинская группа памятников располагается в 30 км к северу от г. Акча и примерно на таком же расстоянии от р. Амударьи. В настоящее время эта часть Бактрийской равнины представляет собой обширную степь, протянувшуюся от г. Балха до Келифта, окаймленную с севера высокими барханами приамударьинских песков, а с юга — современными оазисами, базирующимися на водной системе р. Балхаб, дельтовая часть которой доходит до г. Акча. По-видимому, в древности краевая часть дель-

ты проходила на 50—60 км севернее, где располагались поселения дашлинской и фарукабадской групп памятников. В настоящее время водотоки не доходят до дашлинской группы, заканчиваясь в 10—12 км южнее, у с. Мардиана.

В рассматриваемом оазисе имеются памятники трех хронологических периодов: эпохи бронзы, ахеменидские и, наконец, античные. Картографирование их показало, что наиболее северную часть оазиса представляют памятники эпохи бронзы; следующие по времени — ахеменидские располагаются к юго-востоку от них, частично совпадая; еще более к юго-востоку располагаются городища античного времени. Подобная микротопография связана с перемещением орошаемых земель в результате изменения древней гидрографии, когда краевая дельтовая часть р. Балхаб постепенно перемещалась в юго-восточном направлении. Миграция рек, связанная с неотектоническими явлениями, установлена для многих рек Юго-Западной Азии, что нередко приводило к перемещению культурных зон.

Наряду с этим всегда продолжали функционировать небольшие водные протоки, на которых могли существовать небольшие поселки, в то время как основной центр жизни переместился дальше, вслед за уходящей водой. В этом отношении показательно месторасположение поселения Алтын-5 на крайнем северо-востоке оазиса, а также наличие поселений, где имеется переходной материал доахеменидского и ахеменидского времени. И, видимо, не случайно эти переходные памятники (Алтын-6, 7, 8, 9, 10) располагаются по южной кромке бывшего оазиса, фиксируя постепенные этапы перемещения жизни. Столь же показательно и то, что основная масса подобных поселений расположена на крайнем юго-востоке оазиса, составляя огромное сплошное «пятно» россыпей керамики эпохи поздней бронзы и раннего железа, подходя вплотную к городским стенам античного города Дальверзина. В 1974 г. на этом «пятне» были обнаружены два могильника эпохи бронзы, условно обозначенные как Дашлы-19 и 20. Могильник Дашлы-19 расположен вдоль бывшего протока или небольшой речушки, четко выраженной сухим руслом. Могильные ямы устроены в материке и тянутся сплошной широкой полосой на много десятков метров, насчитывая несколько сотен разграбленных погребений.

Могильник Дашлы-20 — несколько меньших размеров и также состоит из грунтовых захоронений. Кроме того, к западу от Дальверзина тянутся аморфные россыпи керамики на такырах, относящейся к эпохе поздней бронзы и раннего железа вплоть до ахеменидов. Выделя-

⁹ Дополнительные обследования выявили в этом оазисе десять поселений эпохи бронзы.

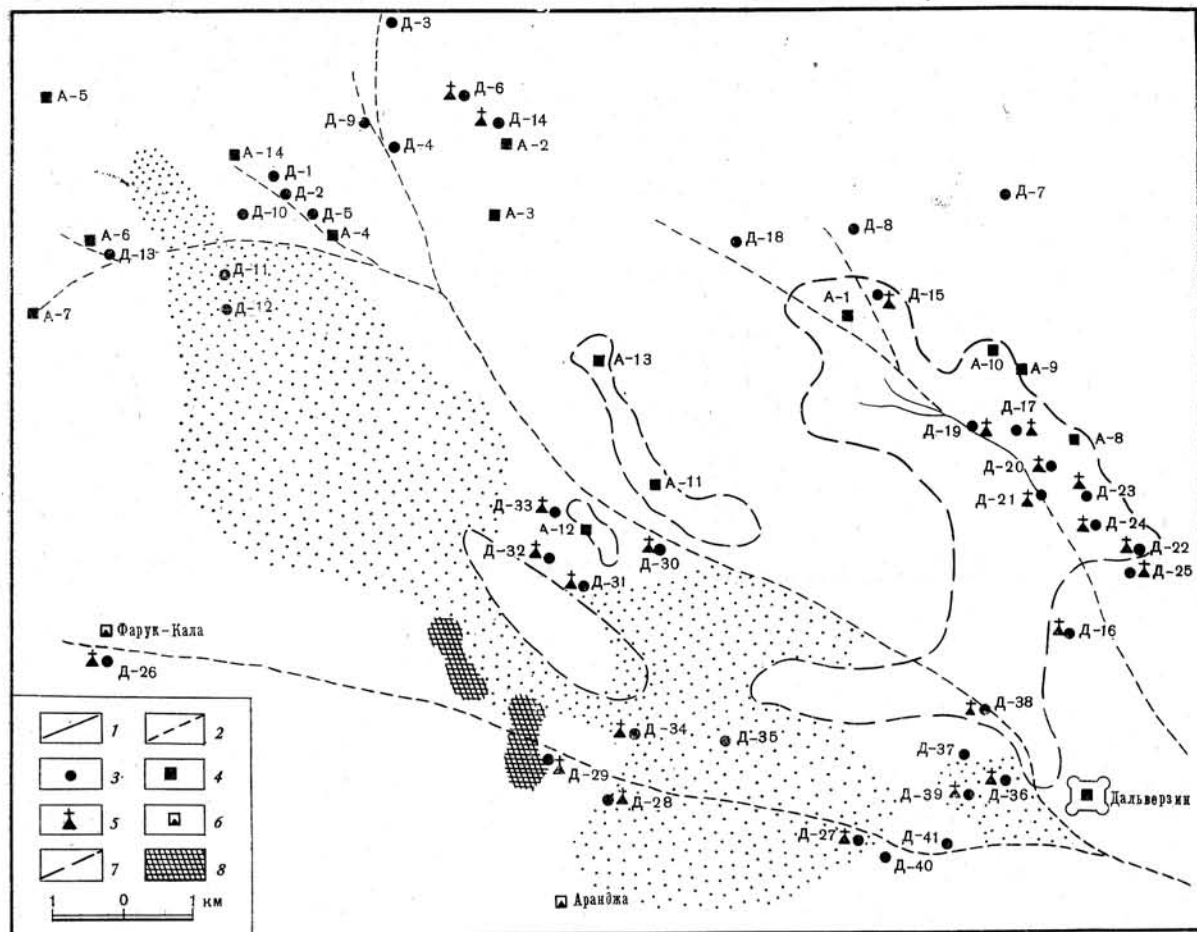

Рис. 7. Схема расположения памятников Дашлинского оазиса

1 — следы древних русел; 2 — предполагаемые русла; 3 — памятники эпохи бронзы; 4 — памятники ахеменидских времен; 5 — разграбленные могильники; 6 — современные селения; 7 — контуры россыпи керамики на такырах; 8 — россыпи керамики ахеменидских времен

ется пункт с большим количеством кусочков бирюзы и в меньшей степени — лазурита, фиксируя мастерскую по обработке этих камней.

Внутри памятников эпохи бронзы выделяются две группы, из которых западная включает поселения Дашлы-1-6, 9-14, а восточная — Дашлы-7, 8, 14-17. Хотя поселения западной группы практически не раскапывались, судя по поверхностному материалу, где чаще встречается посуда с нацарапанным волнистым орнаментом, думается, что западные памятники относятся к более позднему этапу¹⁰.

¹⁰ Когда рукопись находилась в издательстве, в Дашлинском оазисе были выявлены дополнительные поселения и в особенности разграбленные могильники эпохи бронзы.

Как видно, все три оазиса эпохи бронзы: Дашлинский, Фарукабадский и Ничкинский располагались в непосредственной близости друг от друга, фиксируя тем самым три последовательных ирригационных оазиса.

§ 4. Типы памятников, жилищная архитектура

Выявленные памятники достаточно четко подразделяются на два типа. Первый и наиболее распространенный — это неукрепленные, сильно расплывшиеся на многие десятки метров и слабо выраженные в рельефе блинообразные возвышения. В ряде случаев памятники этого типа вообще не сохранили культурного слоя и выделяются лишь по россыпи керамики, обломкам металлических и кремневых изделий на такыре.

Второй тип — это единичные укрепленные поселения, состоящие из холма-крепости и примыкающего через седловину более низкого поселения. Представляется вероятным, что укрепленные поселения служили местом обитания наиболее влиятельных и зажиточных се-

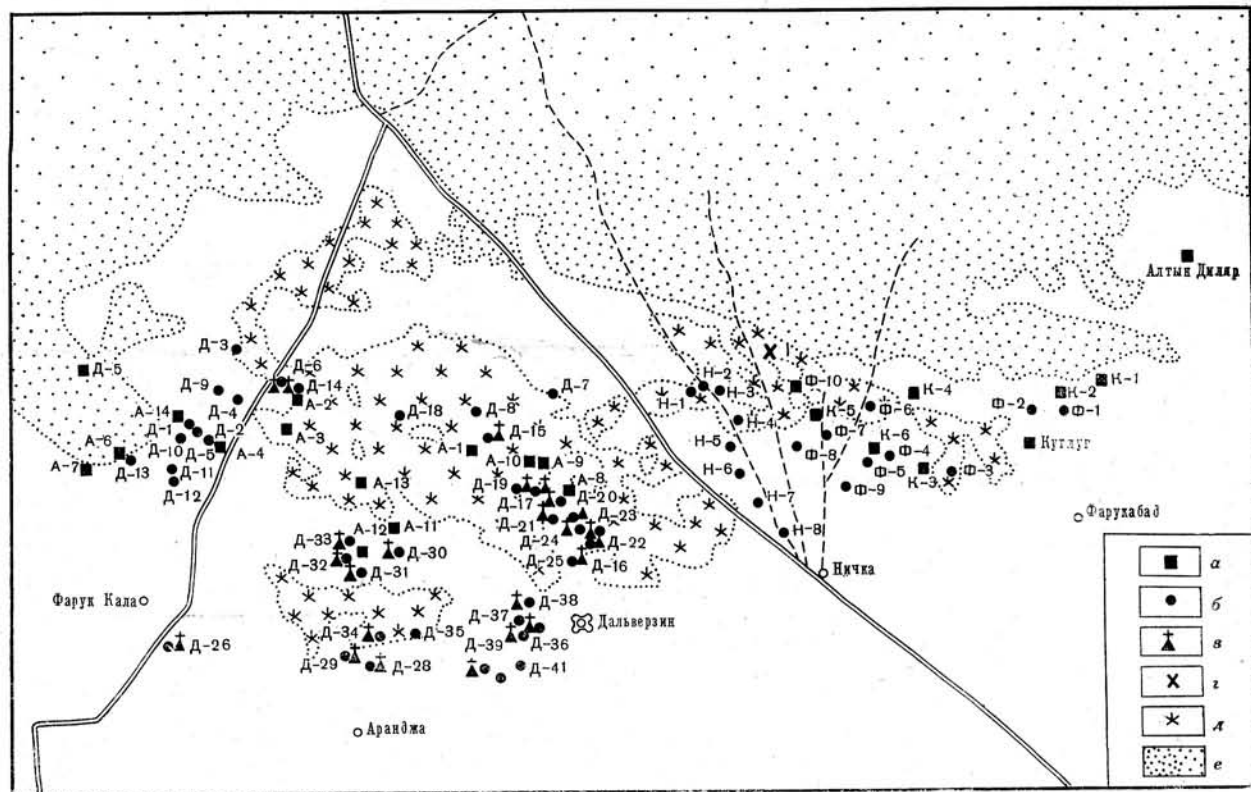

Рис. 8. Схема расположения памятников Дашлинского, Фарукабадского и Ничкинского оазисов

а — памятники ахеменидского времени; б — памятники эпохи бронзы; в — разграбленные могильники; г — стоянки степной бронзы; д — тақыры; е — пески

мей или кланов. Так, например, в восточной группе это могло быть Гирдай-Тепе, а в западной группе — Дашлы-1 и, возможно, Дашлы-14, в то время как остальные неукрепленные поселения могли быть населены рядовыми общинниками.

В восточной группе выделяются как размерами, так и планировкой (прослеживаемой по микрорельефу) Дашлы-7 и 8, по-видимому, являвшиеся центральными среди остальных. Показательно, что в обеих группах памятники второго типа располагаются на северной периферии, как бы отграничивая рядовые, неукрепленные поселения от зоны распространения приамударьинских песков, вероятно, населенных охотниками и рыбаками «пережиточного неолита». Но бесспорным остается тот факт, что крепости Дашлинского оазиса несут ярко выраженные оборонительные функции, когда их обитатели, скрываясь за мощными кирпичными стенами, могли выдержать осаду от возможных врагов.

Крепостные сооружения лучше всего изучены на примере поселения Дашлы-1, где была

выявлена крепость с внутренней застройкой. Прямоугольная в плане крепость размером 99×85 м обнесена по внешнему краю мощными стенами, которые имеют разную ширину, варьирующую от 3 м (северная и южная стороны) до 4 м (восточная и западная стороны). Сами стены сложены регулярной кладкой стандартного сырцового кирпича размером $50 \times 22 (24) \times 12$ см, достигая местами высоты до 2 м. По углам крепости устроены округлые в плане башни, возведенные сложной системой кладки сырцового кирпича, причем лишь одна угловая башня оказалась полой, три остальные сплошь заложены кирпичом. Кроме угловых, имеются дополнительные башенки, полуовальные в плане и много меньших размеров, расположенные по периметру оборонительных стен.

Наиболее полно изучена западная стена, рисующая сложную картину в истории ее существования. Так, в направлении от юго-западной к северо-западной башне на расстоянии 22 м идет сплошная стена, сохранившаяся на высоту девяти рядов кирпича. Подошва этого отрезка стены покоится на культурном слое толщиной всего в 15—20 см, но зато сама угловая юго-западная башня стоит непосредственно на материковой основе. Таким образом, уже этот участок оборонительной стены показывает, что поселение было обнесено обводной стеной не сразу, хотя и вскоре после его основания. Весь этот отрезок стены обмазан снару-

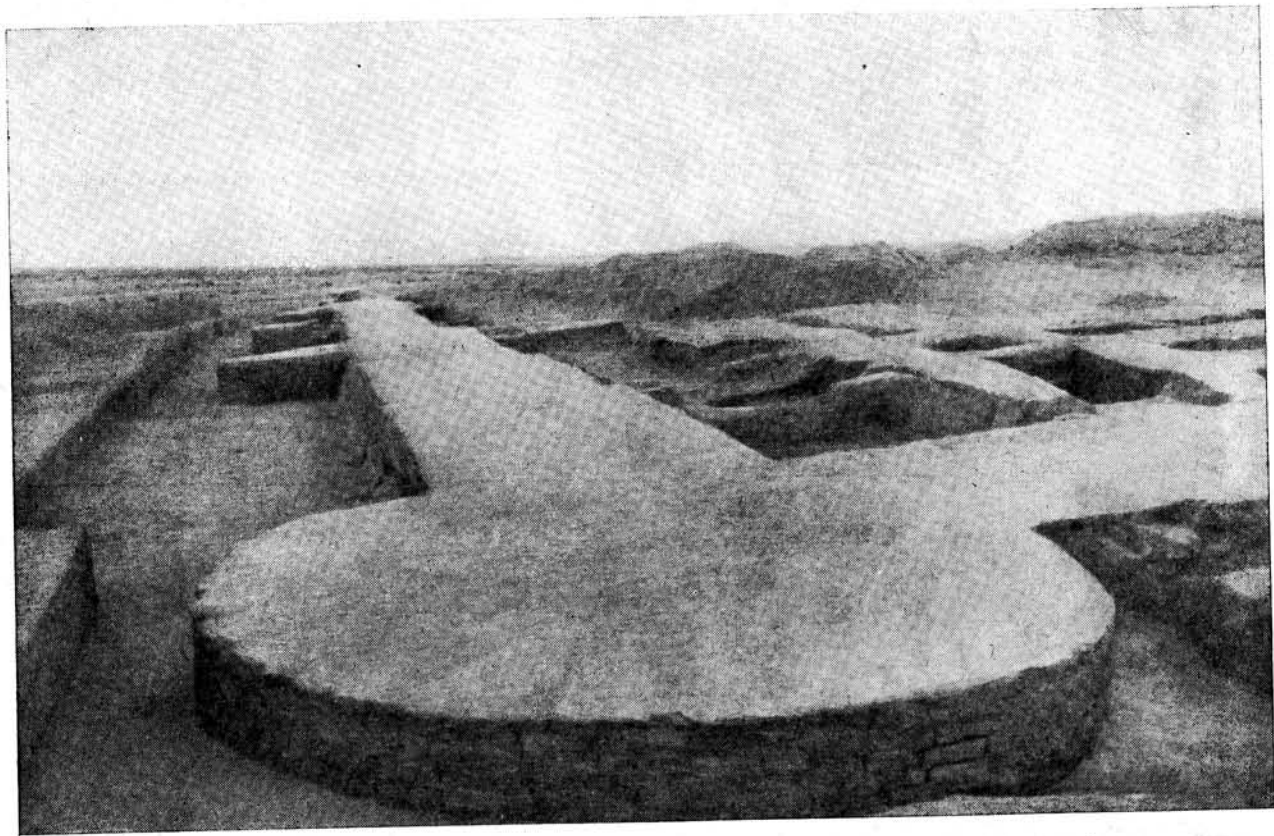

Рис. 9. Дашлы-1. Оборонительная стена с угловой башней

жи глиняной штукатуркой. В этом месте устроена башня, стоящая на мощном культурном слое так, что кирпичи сохранились всего на высоту двух рядов от дневной поверхности.

На расстоянии 10 м от нее располагается следующая башня, полая внутри, также сохранившаяся всего на высоту двух рядов кирпича. Десятиметровое расстояние между обеими башнями сохранило кирпичную кладку на высоту от одного до трех рядов кирпича, покоящуюся на мощном, обожженном до красноватого цвета культурном слое. Не исключено, что на каком-то этапе существования крепости здесь были устроены ворота, фланкированные с обеих сторон оборонительными башнями. Во всяком случае, следуя дальше в северном направлении, стена опять имеет высоту в девять рядов кирпича и еще одну башню, по-видимому, пристроенную позднее, так как она сохранилась всего на два ряда кирпичей. Остальной отрезок внешней стены вплоть до северной угловой башни имеет высоту в один-два ряда кирпича, ниже которого идут культурные наслоения. Как видно, детальное исследование только одного фаса поселения показывает

сложную картину неоднократных ремонтов и перестроек.

Северная стена крепости по всей длине сохранилась на высоту восьми рядов кирпича (от подошвы до дневной поверхности). Примерно в середине стены на расстоянии в 5 м друг от друга устроены две башни, между которыми, возможно, также находились ворота, но уже в последний период, так как одна из башен сохранилась на высоту 0,5 м, а другая — 1 м.

Отметим, что отрезок северной стены, прилегающий к северо-западной башне, имеет, вероятно, специальный откос наружу, достигающий наклона до 15° .

Юго-западная угловая башня сохранилась к моменту раскопок на высоту почти 2 м, а верх стен раскопанных помещений в центральной части холма показал высоту около 4 м. Башни, оборонительные стены и раскопанные помещения внутри крепости взаимосвязаны между собой и относятся к одному периоду существования, так что можно предполагать, что оборонительные стены имели высоту около 4 м, а учитывая уровни полов в раскопанных комнатах, заключить, что общая высота стен достигала 6—8 м. Как видно, крепость Дашлы-1 выступает как небольшой, но максимально укрепленный памятник, причем тип прямо-

Рис. 10. Дашлы-1. Общий вид раскопок

угольной крепости с угловыми башнями впервые отмечен для столь раннего времени. Общая планировка и фортификация свидетельствуют о большом значении, которое придавалось крепости.

Жилые строения также наиболее полно исследованы на примере раскопок внутри крепости Дашлы-1. В качестве строительного материала, как правило, используется стандартный прямоугольный кирпич, варьирующий в размерах от $45 \times 24 \times 10$ см до $50 \times 25 \times 12$ см. Кладка производилась на жидком глиняном растворе, причем стены обмазывались штукатуркой из смеси глины с саманом; полы помещений представлены толстыми глиняными промазками в несколько слоев. Дверные проемы нередко имеют кирпичные пороги, снабженные в ряде случаев каменными подпятниками. Стены смежных помещений построены вперевязку, а не пристроены друг к другу, что указывает на существование общего плана перед самим строительством.

Вскрытая планировка демонстрирует сплошную застройку, что препятствует четкому выделению отдельных жилых комплексов, что объясняется сравнительно небольшой раскпан-

ной частью сооружения, а также спецификой, диктуемой типом застройки в крепости. Тем не менее на поселении Дашлы-1 узкие помещения (35, 36, 39, 40, 41, 50), непосредственно примыкающие к оборонительной стене крепости, несколько отличаются от остальных. Все они заполнены горелым слоем и, наверное, погибли в результате пожара. Не исключено, что эти помещения (судя по их необычной конфигурации и расположению около оборонительной башни) были связаны с защитными функциями, тем более что именно в них встречено большое количество глиняных ядер яйцевидной формы; возможно, близкими по назначению являлись и помещения 42—48. Представляется, что в целом все помещения, непосредственно примыкающие к оборонительной стене, до определенной степени были связаны с защитными функциями. Именно отсюда, скрываясь за мощной оборонительной стеной, можно было отражать осаду. Есть основания предполагать, что вдоль всех крепостных стен Дашлы-1 тянулись помещения, имевшие преимущественно оборонительное назначение. Не исключено, что вышеотмеченные горелые помещения свидетельствуют о драматических событиях, тем более что обожженные слои частично прослежены и вдоль западной стены крепости.

Хотя трудно судить с уверенностью о назначении других вскрытых комнат, все же некоторую помощь могут оказать выявленные в них очаги. Выявлено два основных типа: пристенные очаги (помещения 10, 17, 43, 44), служившие для приготовления пищи, и специальные камни (помещения 18, 30) для обогрева; лишь в одном случае (помещение 27) отмечен очаг-выкладка. Предполагается, что помещения с камнями являлись в основном жилыми, в то время как с пристенными очагами — кухнями. В целом же перед нами сплошной жилой массив, состоящий из помещений жилого и хозяйственного назначения. Если учесть, что раскопки вскрыли пятую часть всего памятника, а древняя планировка в конечном счете отражает характер и внутреннюю структуру общественного устройства, то можно предполагать, что вскрытая часть крепости являлась местом обитания большой семьи. В таком случае в крепости Дашлы-1 могло проживать всего несколько таких большесемейных единиц, объединенных кровным родством.

При всей условности привлечения этнографических параллелей думается, что в данном случае они будут вполне уместны. В Северном Афганистане до сих пор около небольших деревушек располагаются своеобразные крепости (среднеазиатские — курган-ча). Они имеют строго прямоугольную конфигурацию, по углам располагаются круглые башни; добавочные башенки устроены по периметру внешних стен, причем сближенные башенки франкируют входы с деревянными двухстворчатыми воротами. Если добавить, что подобные крепостцы по размерам приближаются к Дашлы-1, то станет очевидной их взаимная близость.

В настоящее время в таких крепостцах совместно проживает несколько поколений кровных родственников — наиболее зажиточные и влиятельные семьи. Приведенные сопоставления дают право определять памятники типа Дашлы-1 как укрепленные крепости, в которых обитали выделившиеся семьи в системе местного общества. Тип памятника, состоящего из крепости и прилегающего поселения, не является присутствием только исследуемому оазису, но известен и в Северной Бактрии¹¹, и в Маргиане¹². Налицо сформировавшийся тип поселения, закономерно прослеживаемый на этой огромной территории и отражающий в конечном счете сходную линию развития древнего общества.

¹¹ Аскарлов А. А. К вопросу о выделении культуры Сапалли. — В кн.: Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973, с. 21.

¹² Сарияниди В. И. Древности низовий Мургаба. — АО 1972 г. М., 1973, с. 483.

В целом же вскрытая планировка находит прямые аналогии на поселении Сапалли-Тепе, где сходство проявляется не только в общем плане, но и в таких характерных деталях, как устройство внутривоздушных очагов-каминов¹³.

Другим памятником, на котором была вскрыта обычная жилая планировка, является холм Дашлы-3, где первоначально располагалось монументальное здание, по-видимому, дворец. После того как он оказался заброшенным, на его руинах складывается небольшое поселение, которое затем, увеличиваясь в размерах, в последний, третий период занимает площадь размером 40×40 м внутри бывшего двора. Как установили раскопки, третий строительный горизонт состоит из сплошной застройки помещений жилого и хозяйственного назначения, причем почти посередине, по линии север—юг идет улица, делящая всю планировку на две части. Северный конец улицы упирается в поперечные прямоугольные помещения 24 и 29 и двумя узкими улочками продолжается далее на юг.

Планировка, расположенная к западу от улицы, состоит из помещений 1—23 с общим двором «Б». Почти во всех помещениях имеются небольшие очаги двух типов: очаги-выкладки, вероятнее всего, служившие для обогрева, и тогда такие комнаты являлись жилыми, и очаги устроенные в стенах и предназначенные для приготовления пищи (помещения 1,81). Отдельные помещения сохранили вкопанные в полы почти целые хумы и имели преимущественно хозяйственное назначение. Правда, в одном случае вместе имеются и очаг-выкладка, и хум, что указывает на более широкое назначение подобных комнат. Хотя многие комнаты к моменту раскопок не сохранили дверных проемов, это, скорее всего, объясняется плохой сохранностью самих стен, когда пороги оказались разрушенными.

К востоку от улицы располагается в общем сходная планировка: система взаимосвязанных помещений, группирующихся вокруг внутреннего двора «А». В северо-восточном углу двора располагаются крупная печь и большие отвалы золы; аналогичная печь обнаружена в помещении 30. Обе они, видимо, являлись хозяйственными очагами, где в течение долгого времени приготавливалась пища для большого круга людей.

В целом вскрытая планировка достаточно показательным образом ограничивается четырехугольником стен бывшего двора в единый комплекс, разделенный улочкой на две части. Налицо дуальный принцип деления поселка, что дает ключ к некоторым предварительным выводам

¹³ Аскарлов А. А. Сапалли-Тепе. Ташкент, 1973, с. 44.

относительно семейных и общественных форм социальной жизни местных племен в рассматриваемое время.

§ 5. Монументальная архитектура

Благодаря широким и планомерным раскопкам в пункте Дашлы-3 впервые для Бактрии было открыто существование особых дворцово-культовых сооружений, имевших общественное назначение. Уже отмечалось, что Дашлы-3 состоит из высокого холма и рядом расположенного, слабо выраженного в рельефе блинообразного возвышения. В 1970 г. на этом возвышении по микрорельефу удалось проследить остатки стен, образующих круг. С целью уточнения столь необычной планировки в том же году здесь были проведены разведочные раскопки, выявившие остатки монументального сооружения, получившего в дальнейшем условное название «круглого здания». Раскопки были продолжены в 1971—1973 гг., в результате чего полностью раскопана четвертая часть всего комплекса. Установлено, что круглое здание является центром огромного сооружения и состоит из двойного кольца стен, образующих вместе своеобразный обводной коридор с проходами, ведущими в выступающие наружу башенки. Круглое здание было выстроено сразу по единому плану, так как основные стены стоят непосредственно на материке; внутренняя планировка претерпела частичные перестройки. Причем отмечаются по крайней мере два периода в истории существования круглого здания.

Обводная галерея выделяет круглое здание в самостоятельный комплекс, ограничивая его от прилегающей архитектуры. Доказательством тому служат помещения за внешней стеной круглого здания (19, 21, 106), как бы вписанные между башенками, но практически нигде не соприкасающиеся.

Перегородки внутри галереи образуют серию глухих отсеков, всегда сообщающихся с башенками; кроме того, имеются проходы как во внешнем кольце стен (между башенками II и III, V и VI), так и во внутреннем (помещения «Е», «З», «М»). Не исключено, что обводной коридор выполнял роль той промежуточной зоны, через которую круглое здание сообщалось с прилегающими сооружениями. Но и в таком случае не совсем ясным остается назначение самих башенок: либо они имели культовое назначение, либо оборонительное, что представляется более вероятным. В этой связи отметим не случайное совпадение, когда во внешнем и внутреннем кольцах стен имеется по три прохода, которым соответствуют девять башенок. Главный вход располагался в северной части

здания между башенками V и VI — единственное место, где имеется свободный проход через оба кольца стен, ведущий прямо к внутреннему ансамблю помещений. Через главный вход можно было попасть в обширный двор (помещение 13), где позднее на уже накопившихся мусорных слоях был возведен двухчастный очаг. Кирпичный забор ограничивает следующий двор (помещение 8), где также на мусорно-зольных отложениях сохранились остатки небрежно вылепленного глиняного очажка.

Судя по косвенным наблюдениям, помещение 7 было выстроено несколько позднее, чем остальной комплекс. В помещении 5 обращает на себя внимание проход, оформленный с двух сторон очагами — прямоугольным и овально-вытянутым. Еще два очага устроены за внешней западной стеной, причем выделяется сложной конструкции трехчастный очаг, возведенный на высокой кирпичной платформе; вокруг прослежен мощный зольный отвал. Если учесть своеобразные дворы (помещения 10 и 15), то окажется, что внутри круглого здания, полукругом огибая центральный комплекс, идет незастроенный участок. Зато западная часть оказалась тесно застроенной длинными параллельными стеночками, образующими серию узких отсеков, условно выделенных как помещения 4 и 11. Назначение их остается неясным; можно лишь вспомнить близкие по типу строения, известные как в Месопотамии (от Джармо до Гавра), так и в Южном Туркменистане (от Джейтуна до Кара-Тепе). По-видимому, прямо связан с описанными конструкциями целый хум, аккуратно вставленный в кирпичный футляр, обмазанный изнутри штукатуркой. В целом же пока остается очевидным, что помещения 4 и 11 были тесно связаны с центральным комплексом (помещения 1—3, 6, 16) системой узких коридоров и проходов.

Центральный комплекс отличается от всей остальной вскрытой площади в двух отношениях: вместо обычных мусорных слоев все эти помещения оказались заполнены (а скорее забутованы) глинистой массой желтоватого цвета с большой примесью самана (разложившийся кирпич?). Вся эта желтая глинистая масса почти не содержала никаких находок, исключая единичную, мелко фрагментированную керамику. Судя по всему, сохранившиеся к моменту раскопок помещения были специально забутованы и надстроены, однако процессами дефляции более поздние строения оказались полностью развеянными.

Второе отличие заключается в необычно тщательной отделке интерьеров тонкоотмученной штукатуркой настолько характерной, что

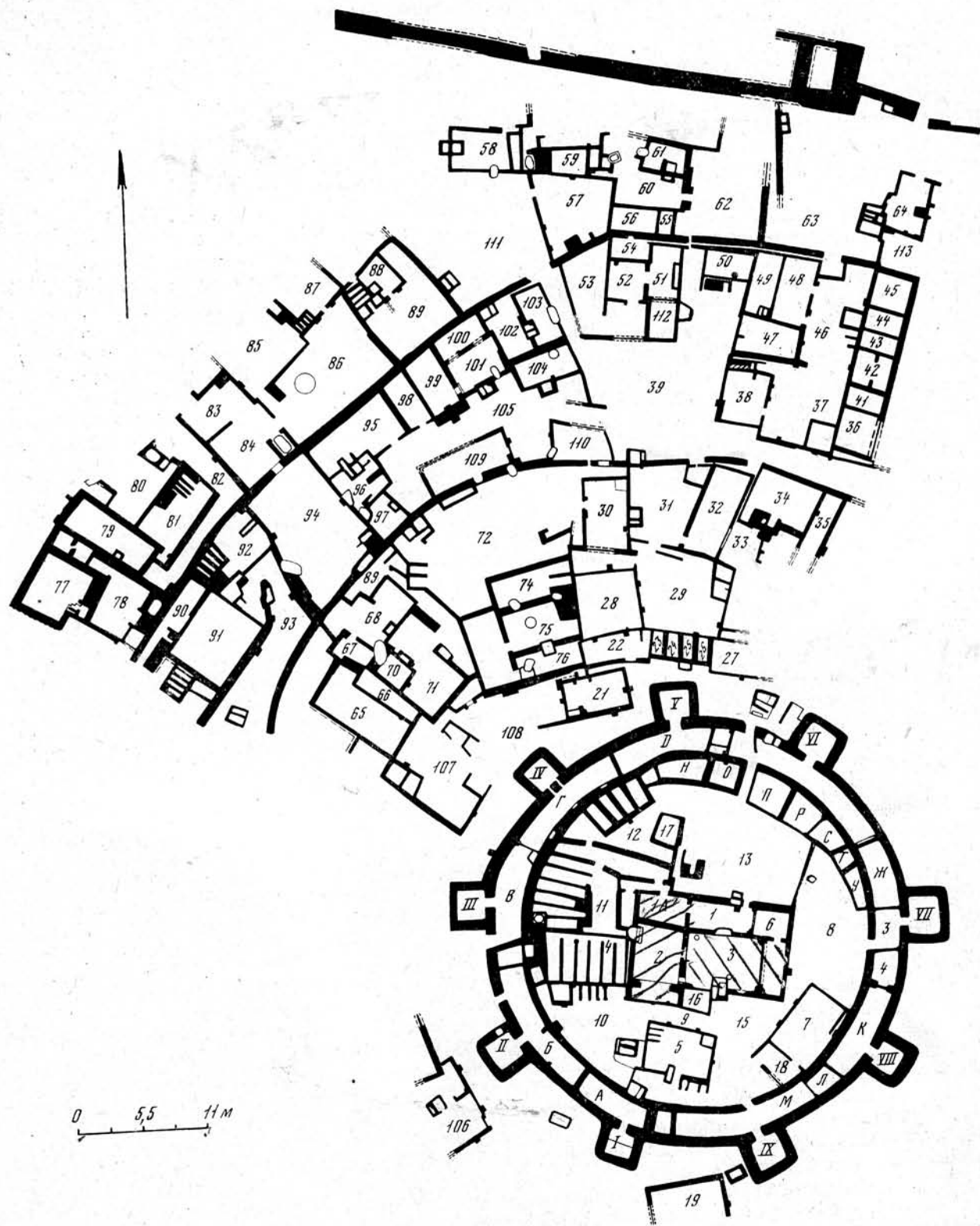

Рис. 11. Дашлы-3. Круглый храм. План раскопанной части

при зачистке дернового слоя именно по этой обмозке были оконтурированы сами помещения. Кроме того, интерьеры комнат сохранили достаточно сложный архитектурный декор — также пока более нигде не отмеченный.

Прежде чем обратиться к их назначению, отметим общие стратиграфические наблюдения. Как оказалось, на месте круглого здания находился естественный бугор (в виде желтого лёссовидного материка) высотой 70—80 см от окружающей поверхности. На его верху располагались центральные помещения 1—3, 6. Показательна их стратиграфия: все они сохранили два уровня полов, располагающихся на высоте 50 см друг от друга. Промежуточный слой между полами состоит из кусков разложившегося кирпича, небольших горизонтальных зольников. В помещении 1 наиболее ранний пол сохранил ямки, впущенные в материк, сплошь заполненные угольками и сожженными костями животных. Интересна стратиграфия помещения 2, где в центре комнаты, ниже самого раннего пола, на глубину 145 см идет огромная яма, впущенная в материк и заполненная угольками, красными кусками печины и обломками сырцового кирпича вперемежку с мелкими фрагментами керамики. Между первым и вторым полом этого помещения из ямки-лунки был взят уголь на радиоуглеродное определение. Этот образец датируется 3060 ± 70 или 1110 г. до н. э. Показательно, что самые ранние полы сохранили ямки-лунки, заполненные золой и сожженными костями мелких рогатых животных, на всей площади, так что обнаружены они и под суфами, которые были возведены позднее на уровне вторых полов. Очевидно, что в первый период круглое здание имело более простую планировку, но наличие ямок на уровне обоих полов указывает на устойчивые ритуалы предполагаемых культурных обрядов.

В рассматриваемом комплексе помещения 2 и 3 имеют принципиально сходную планировку, и, видимо, именно они являлись центральными. В помещении 2 в южной части устроено возвышение — суфа, отграниченная от остальной комнаты двумя фигурными пилястрами, соединенными тонкой стеночкой. В северном углу устроен двухчастный очаг, возведенный на кирпичной платформе высотой около 80 см; устье его обращено внутрь комнаты и тремя четкими ступеньками опускается к полу.

Не менее интересно и помещение 3 с суфой, отделенной от остальной комнаты массивными фигурными пилястрами, соединенными общей стенкой. В восточной стене выявлены две ниши, имеющие в плане пирамидальную форму за счет устройства декоративных ступенчатых «уголков»; в середине противопо-

ложной, западной стены имеется еще одна ниша с двумя сквозными отверстиями. Еще две ниши устроены в северной и южной стенках, причем северная сильно обожжена и заполнена золой, так что, возможно, это своеобразный очаг.

Сложной конструкции трехчастный очаг на платформе из трех рядов кирпича устроен в середине южной стены; от устья до пола идет сплошной слой белой слежавшейся золы. На полу выявлено несколько ямок-лунок, как и у более ранних полов без следов воздействия огня, заполненных угольками и мелкими костями животных, сожженных «на стороне» и лишь затем засыпанных в лунки. Хотя конкретное назначение помещений остается не совсем ясным, представляется несомненным общее культовое назначение всего круглого здания. На это указывает и сама планировка, в основе которой лежит круг, и необычной отделки интерьеры центрального комплекса, и особые по конструкции и назначению очаги, вознесенные на кирпичные платформы и, скорее всего, являвшиеся алтарями. Последнее обстоятельство может указывать на большую, если не основную роль огня в культовых обрядах. В этом отношении можно допустить прямую связь между очагами-алтарями и сожженными костями животных в ямах-лунках. Думается, что прах жертвенных животных, сожженных в пламени алтарей, затем аккуратно засыпался в специально вырытые лунки в полу. Отметим так же находку здесь изделия в виде почки, выточенного из камня; предполагаемая связь подобных предметов с культовыми гаданиями представляется вполне оправданной.

Круглое здание с башенками составляет лишь центральное ядро, вокруг которого широким поясом и опять-таки по кругу располагается множество помещений, составляющих еще три кольца. Эти бытовые помещения нередко сохранили вкопанные в полы хумы, пристенные кухонные очаги, хозяйственные отсеки, ниши. Обращают внимание большие размеры помещений, сочетающихся с дворами. Первое кольцо помещений (помещения 21—35; 65—76; 107—108) раскопано недостаточно полно, чтобы можно было сделать общие выводы. Более полно раскопаны сооружения второго кольца, где может быть выделено несколько обособленных жилых комплексов. Один такой «жилой массив» (помещения 36—54, 112), достаточно компактный, сохранил помещения различного назначения, группирующиеся вокруг вытянутого внутреннего двора (помещение 37). В одной комнате имеется кухонный очаг (помещение 49), в другой (помещение 37) — вкопанные хумы. Видимо, к этому же

массиву относится серия помещений (51—54, 112), пристроенных позднее. Показательно, что это не был наглухо изолированный и полностью отграниченный комплекс: наоборот, три широких прохода ведут в смежные комплексы. Так, один проход ведет в помещение 105, по-видимому, двор, вокруг которого, в свою очередь, группируются помещения 95—110, составляющие следующий жилой комплекс. Здесь также име-

ступающих далее наружу: это могли быть упавшие мощные конструкции сырцовых кирпичей. Но одно остается несомненным — что в противоположность кольцевым это была бесспорно прямая стена, причем траншея за ее внешним фасом выявила глубокий ров, но заполненный мусором.

Судя по полученным данным, можно предполагать, что по внешнему фасу весь этот архи-

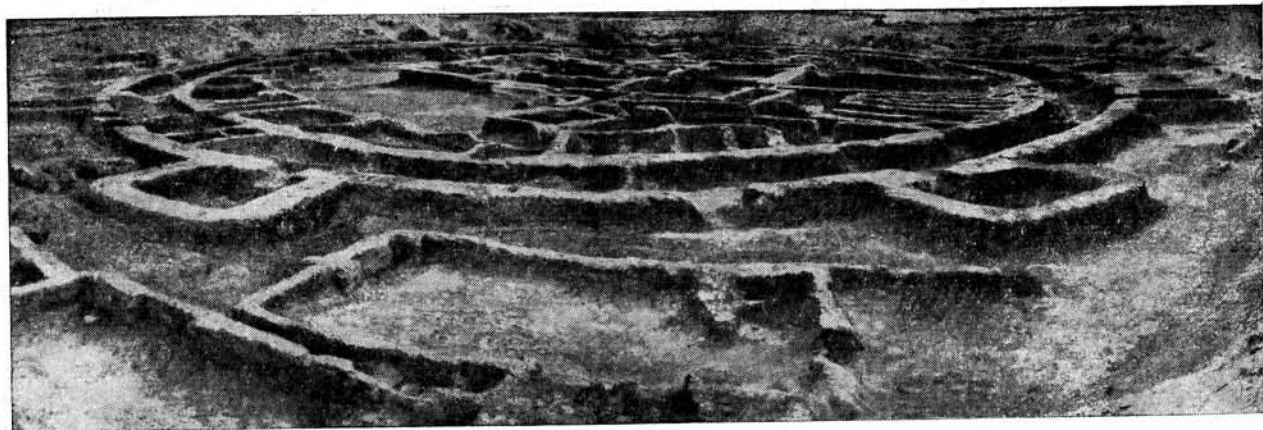

Рис. 12. Дашлы-3. Круглый храм. Общий вид центральной части

ются хозяйственные комнаты с хумами (помещение 104) и двойными кухонными очагами (помещения 95, 96, 103), предназначенные для приготовления пищи. Показателен очаг во дворе (помещение 105), по-видимому, предназначенный для общего пользования. Дверные проходы соединяют комнаты в серию взаимосвязанных помещений единого комплекса.

Строения третьего кольца помещений вскрыты частично, но и здесь как будто намечаются отдельные жилые комплексы, как, например, помещения 55—62; помещения 63, 64, 113. Возможно, помещения 76—89 полностью не обнаруживают следов многочисленных и неоднократных перестроек, а внутреннее заполнение их представляет обычные мусорно-золевые остатки, столь характерные для обычных бытовых поселений.

Периферийные по отношению к круглому зданию комнаты к моменту раскопок сохранились настолько плохо, что не всегда позволяют определить конфигурацию самих помещений. Это в особенности касается широкой прямой стены, определяемой как внешняя, от которой по существу сохранились лишь отпечатки самых нижних кирпичей характерного темного цвета на желтоватом фоне материкового такыра. Поэтому трудно судить с уверенностью о назначении широких «пилястр», вы-

ступенчатый комплекс был заключен в мощный кирпичный футляр, дающий в плане гигантский квадрат (со стороной 130—150 м), у основания которого проходил глубокий ров. Центральное, круглое здание играло сакральную роль — здесь проходили культовые церемонии и располагались помещения особого назначения, где совершались ритуальные церемонии. Иное впечатление производит обычная планировка выделенных комплексов, располагающихся далее по периферии вокруг центральной части. Здесь помещения жилого и хозяйственного назначения с обширными внутренними дворами по существу представляют собой планировку поселка. Думается, что это действительно была рядовая застройка, обитатели которой были связаны с самим храмом: это могли быть жрецы, храмовые служки, короче, лица, так или иначе принимавшие участие в его обслуживании.

С другой стороны, учитывая огромные размеры жилой части сравнительно с культовой в системе всего комплекса, кажется, что большая его часть была населена рядовыми обитателями, занимавшимися обычным земледельческо-скотоводческим хозяйством. Это до определенной степени напоминает храмовое хозяйство передовых центров Древнего Востока. В таком случае следует допустить существование храмовых земель, урожай с которых шли исключительно на нужды храма. Как бы то ни было, налицо общественное назначение раскопанного сооружения Дашлы-3, предназначенного для

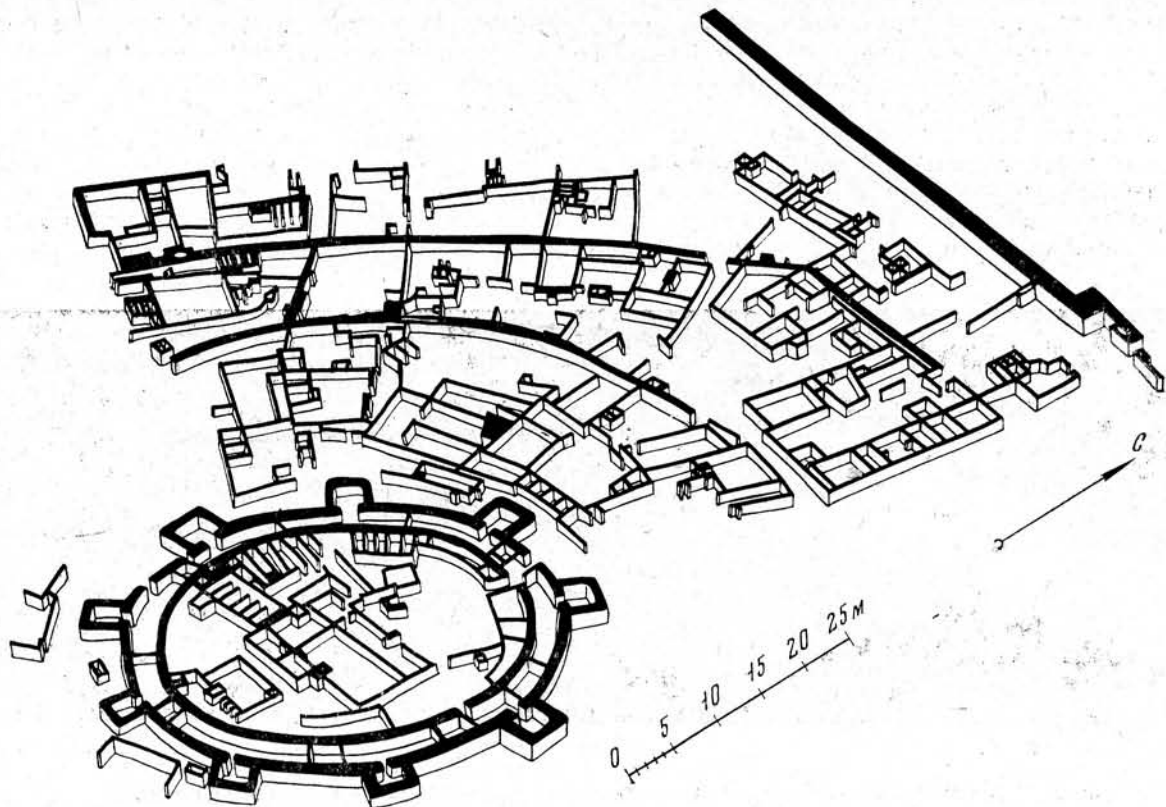

Рис. 13. Дашлы-3. Круглый храм. Аксонометрия

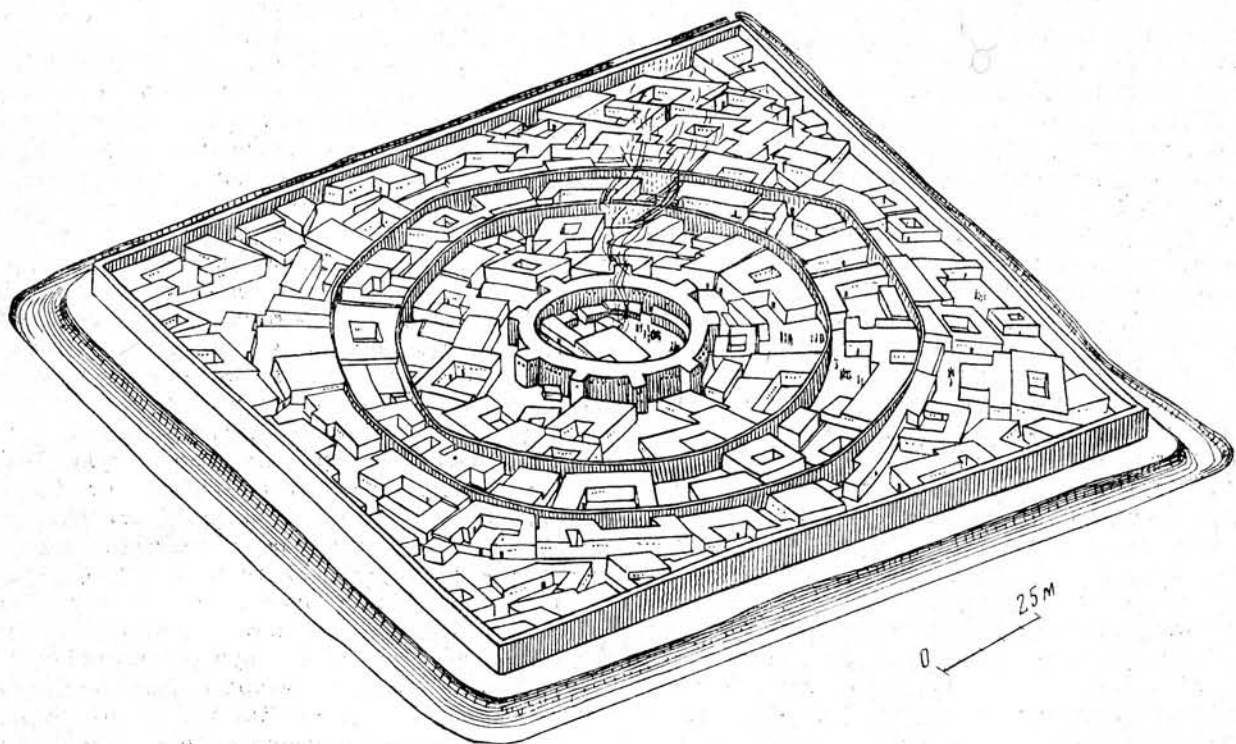

Рис. 14. Дашлы-3. Круглый храм. Реконструкция

нужд всех поселений Дашлинского оазиса¹⁴. Хотя трудно судить о конкретном характере самих обрядов, отметим, что ритуальные трапезы, по-видимому, играли в них едва ли не основную роль. В этом отношении показателен холмик, расположенный через небольшое понижение у северного фаса исследуемого комплекса. Шурф выявил здесь естественный слой, сплошь перекрытый зольно-мусорными слоями, причем наверху его мощность слоев достигает 40—50 см, а ниже по склону — до 130—140 см. Показательно, что сам слой состоит исключительно из зольников, угольков, большого количества костей животных вперемежку с мусорными отбросами и мелкими фрагментами керамики. Отметим, что в передовых центрах древневосточного мира рядом с храмами нередко устраивались обширные «кухни», являвшиеся «важной частью храма», где совершались жертвоприношения богам¹⁵, причем в месопотамских «кухнях» сохранились тексты, упоминающие «вечерние и утренние трапезы» и «большой горшок для варки пицци». Думается, что до определенной степени сходные обряды, тесно связанные с жертвенными трапезами (в жертву приносился в основном мелкий рогатый скот), распространены были и в Бактрии в эпоху бронзы.

Судя по той роли, какую играл огонь, а также по общему архитектурному принципу, думается, что это мог быть храм огня, так как сооружения в виде круга имели сакральное значение у многих народов мира¹⁶. Применительно же к рассматриваемому региону связь круга (солярный культ) и алтари (огненная космология) могут быть сопоставлены с индоевропейскими представлениями, нашедшими отражение в Ригведе и Авесте. Более того, сочетание в планировках культовых сооружений квадрата (символ четырех сторон света) и круга (символ солнца) может рассматриваться как священная ритуальная диаграмма, представляющая Вселенную и бытие в обоих аспектах¹⁷.

В целом же храм на Дашлы-3 выступает как общественное, культовое сооружение, предназначенное для всех обитателей Дашлинского оазиса. Наиболее характерная черта общего

планировочного принципа заключается в максимальной замкнутости, стремлении отгородиться от внешнего мира. Налицо та стадия развития культовых зданий, когда храм превращается в сакральное, уединенное место, в котором обитало божество. Применительно к Дашлы-3 этому назначению больше всего соответствует центральная часть круглого здания. Не исключено, что здесь проживали и главные жрецы, в то время как серия помещений далее по периферии, отгороженных круглыми в плане стенами, являлась местом обитания слуг и служек, а кроме того, в них могли проживать паломники во время культовых праздников и церемоний. Сходное назначение предполагается для «овального храма» в Хафадже, где между двух колец овальных в плане стен могли находиться дома священников. Близкую картину дает храм Шара в Телл-Аграбе, где и святилища и дома служек объединены и обнесены вокруг широкой стеной.

Если обратиться к культовой архитектуре ранней Месопотамии, то наиболее характерными признаками являются ограждение иерархических построек и особая техника отделки помещения¹⁸. То же самое отмечается и для храма Иштар, когда центральные помещения выделяются из остальных наличием фигурных пилястр в оформлении интерьеров¹⁹, а также наличием приподнятых суфф, которые нередко определяются как подиумы.

Как видно, все эти признаки полностью приложимы к помещениям 1—3 круглого здания, выделяя их в помещения особого назначения. В этом отношении показательна их общая планировка, состоящая из прямоугольного вытянутого помещения, заканчивающегося поперечной возвышенной суффой. Если обратиться к месопотамским материалам и в особенности к раскопкам в Уруке, то увидим, что в пору Урук-IV храм С отличает симметричный план и трехчленная целла, состоящая из центральной комнаты, заканчивающейся двумя меньшими, но поперечными комнатами. Налицо близкое сходство в решении планировочных принципов, дополняемое декоративными пилястрами, украшающими интерьеры. Все эти признаки продолжают в культовой архитектуре Месопотамии и в пору Урук-III — Джемдет-Наср, а возможно, и позднее, что сокращает существующий хронологический разрыв с бактрийской архитектурой.

¹⁴ Нелишне будет отметить общее сходство планировки круглого храма с печатями эпохи бронзы, рисунки которых представляют собой вписанные друг в друга круги, нередко с поперечными перемычками, в центре которых имеется изображение креста или розетки.

¹⁵ Вулпи Л. Ур халдеев. М., 1961, с. 110.

¹⁶ *Hautescoeur L. Mistique et Architecture Symbolisme du Cercle et de coupole.* Paris, 1954; *Robest F. Thymélé, Recherches sur la signification et la destination des monuments circulaires dans l'architecture religieuse de la Grèce.* Paris, 1939.

¹⁷ *Лелеков Л. А. К истолкованию погребального обряда в Тагискене.* — СЭ, 1972, № 1, с. 128—130.

¹⁸ *Gullini G., Struttura E. Spazio Nell'Architettura Mesopotamica Arcaica.* — «Mesopotamia», 1970—1971, v. V—VI, p. 200.

¹⁹ *Parrot A. Les Temples D'Ishtar Et De Ninni-Zaza.* — «Bibliotique Archeologique et Historique», 1967, t. LXXXVI, pl. III.

Если обратиться к аналогиям для круглого здания, то сравнительные данные представляют опять-таки преимущественно месопотамские сооружения, например, план «овального храма» в Хафадже, где, как полагают, круглая стена отделяет сакральную часть от внешнего мира²⁰, что до определенной степени перекликается с назначением обводной галереи с башенками на Дашлы-3. Еще более показателен «круглый дом», встреченный на Тепе-Гавра в слое ХІА и представляющий собой круг с диаметром 18—19 м, в центре которого располагаются прямоугольные помещения, определяемые как святилища. Круглая обводная стена имеет один проход, причем прилегающие сооружения лишь частично соприкасаются с ней²¹.

Показательно, что если «круглый дом» находит лишь общие аналогии с круглым зданием в Дашлы-3, то несколько более ранние сооружения Гавры предоставляют более убедительные, а главное детализированные черты сходства. В этом плане показательны центральный и северный храмы слоя Гавра-ХІІІ, прямоугольные в плане, декорированные внутри уступчатыми пилястрами, образующими фигурные ниши-простенки. Особенно важно отметить, что оба храма, имея принципиально сходную планировку, расположены перпендикулярно друг к другу²², напоминая аналогичную картину для расположения помещений 2 и 3 круглого храма на Дашлы-3.

Если исходить из общих планировочных принципов (круг, лежащий в основе всего плана) и архитектурных решений (декорировка интерьеров фигурными пилястрами), то круглый храм с Дашлы-3 более близок культовым зданиям Северной Месопотамии и в первую очередь — Тепе-Гавра. Было бы соблазнительно поставить эти явления в прямую связь, однако уже для слоя ХІ предполагается приход нового населения извне²³, а для слоя ХІІІ — многочисленные параллели с Гияном, Бакуном, Сялком и Гиссаром, что может указывать на тесные и разнообразные связи с Ираном, где мог находиться источник многих преобразований во всех сферах жизни²⁴.

Приведенные данные, хотя еще и недостаточные для общих выводов, дают право сделать два заключения: о бесспорно культовом назначении круглого здания на Дашлы-3 и об очевидных аналогиях с культовой архитектурой Месопотамии. В настоящее время протягиваются вполне

ощутимые линии связей между культовыми сооружениями Двуречья и Бактрии, причем месопотамское влияние наблюдается в основных архитектурных решениях бактрийского монументального зодчества. Вместе с тем не следует преувеличивать эти аналогии, учитывая большой хронологический, а главное территориальный разрыв, когда на промежуточной территории располагается такая обширная страна, как современный Иран, где открытие монументальной архитектуры на широких площадях является делом будущего.

Сложнее обстоит вопрос с конкретизацией назначения круглого здания как храма огня. В настоящее время имеется полная сводка по иранским храмам огня, где с завидной тщательностью собраны все известные сведения, касающиеся этого вопроса²⁵. Из всех известных памятников культового назначения, по К. Шипману, лишь Нуши-Джан (VIII—VII вв. до н. э.) и Дахани-Гуламан (VII—VI вв. до н. э.) могут быть сопоставлены с храмами огня²⁶, но и в этом случае они относятся к несравненно более позднему времени, чем бактрийский. Выделены наиболее ранние памятники, которые могут быть отнесены к древним храмам огня, возникшим не ранее мидо-ахеменидского периода²⁷. В настоящее время благодаря раскопкам на холме Нуши-Джан, расположенном в 70 км к югу от г. Хамадана, выявлен архитектурный комплекс, включающий западное здание, форт и храм огня²⁸. Храм огня имеет в плане крестообразную конфигурацию с проходом с южной стороны, ведущим в обширный вестибюль, и затем — спиральное возвышение. Вход из вестибюля ведет в обширное помещение с алтарем, представляющим собой ступенчатое возвышение с полусферическим углублением верха; стены изнутри украшены фигурными нишами. Если сравнить общий план известных культовых сооружений Бактрии, Месопотамии и Ирана, то следует отметить предпочтительную близость к религиозным зданиям Месопотамии. По существу лишь функциональное назначение роднит между собой Дашлы-3 и Нуши-Джан, что в первую очередь объясняется большим хронологическим разрывом между ними. И, наоборот, как будет показано, Нуши-Джан, как и Дахани-Гуламан, находят параллели с монументальной архитектурой Бактрии ахеменидского времени (Алтын-10).

Второе монументальное сооружение, условно обозначенное как дворец, было выявлено в

²⁰ Moortgat A. The Art of Ancient Mesopotamia. London — New York, 1969, p. 20, fig. 16.

²¹ Tobler A. Excavations at Tepe Gawra, v. II. Philadelphia, 1950, p. 17—22, pl. VI.

²² Speiser E. A. Three Reports on the Joint Assyrian Expedition.— BASOR, 1937, N 66, p. 4—6.

²³ Tobler A. Excavations..., v. II, p. 13.

²⁴ Там же, с. 141.

²⁵ Schipman K. Die Iranischen Feuerheiligtümer. Berlin, 1971.

²⁶ Там же, с. 55, 437.

²⁷ Там же, табл. I.

²⁸ Roaf M., Stronach D. Tepe-Nush-i-Jan, 1970, Second Interim Report.— «IRAN», 1973, v. XI, p. 129—140.

том же пункте Дашлы-3, на рядом расположенном с круглым храмом высоким холме. Здесь в первый (основной) период по единому архитектурному плану было возведено монументальное здание с общими размерами 84×88 м и центральным внутренним двором размером 38×40 м. Во второй промежуточный период дворец перестает существовать, а в восточной части двора возводятся обычные жилые и хозяйственные помещения рядовых общинников. Наконец, в третий (последний) период, на руинах дворца, но в пределах квадрата стен бывшего внутреннего двора складывается небольшое периферийное поселение. Судя по обрывкам стен и полам, зафиксированным почти на самой дневной поверхности холма, существовал еще один строительный горизонт, но к моменту раскопок он оказался практически полностью развееваемыми процессами дефляции. Судя по косвенным данным, во второй и третий периоды, помимо двора, частично использовались и заброшенные помещения бывшего дворца. Так, внутри двора в помещении 51 находилась печь для плавки металла и рядом, на полу, — глиняная форма для отливки топора-тесла. Глиняный тигель и следы выплавки металла из руды были обнаружены в помещении 38 северного фаса. Наконец, использовались под хозяйственные и обширные помещения (например, 3, 33, 34), в которых стояли вкопанные и частично нарушившие основные стены большие хумы.

Рассматриваемое монументальное здание возведено из сырцового кирпича (размером $52 \times 24 \times 10$ см; $50 \times 23 \times 11$ см; $51 \times 24 \times 11$ см) на глиняном растворе. Как правило, стены с обеих сторон покрыты глиняной штукатуркой характерного желтоватого цвета.

Установлено, что в ряде помещений (например, 13, 37) основание стен выложено кирпичными блоками, длина которых варьирует от 70 до 130 см, так что между ними образованы сквозные «продухи» шириной 15—20 см.

Если учесть, что торцовые части блоков также покрыты штукатуркой, то станет очевидным их специальное назначение, возможно, действительно для вентиляции в жаркую погоду. Видимо, не случайно такие продухи обнаружены в Г-образных помещениях, что указывает на их особое функциональное назначение. Кроме того, в ряде помещений (21, 39) стены оказались облицованными кирпичами, поставленными плашмя. Шесть аналогичных, но несквозных ниш обнаружены в западной стене помещения 7, где они так же расположены в стене у самого пола на расстоянии 70—75 см друг от друга и имеют размеры: высота — 40 см, ширина — 10 см и глубина в стене 60—65 см. Сразу же отметим, что внутри основного периода отмечается несколько этапов, связанных в первую

очередь с ремонтными перестройками. Дело в том, что длинные прогоны стен, к которым нередко пристраивались поперечные без перевязки кирпичей, привели к тому, что уже вскоре стены стали отклоняться от первоначального положения. Все это привело к необходимости возведения дополнительных подпорных стен и контрфорсов, призванных предотвратить падение длинных стен, как, например, подпорные стены в помещениях 6 и 14.

Отличительной чертой всей архитектуры является чрезвычайно большое количество пилястр; особенно по внешнему фасаду, где они местами (например, восточный угол) имеют ступенчатую конфигурацию. Думается, что пилястры выполняли как конструктивную (в виде контрфорсов), так и декоративную роль в общем оформлении всего здания.

В ряде случаев, особенно в коридорах, сохранились «осевшие» сводчатые перекрытия, свидетельствующие о знакомстве бактрийских строителей с техникой возведения ложных сводов.

Центральную часть всего сооружения составляет почти квадратный внутренний двор с однотипной планировкой. В центре каждого из четырех фасадов устроен Г-образный коридор, по обе стороны от которого располагаются обширные помещения типа залов, внутрь которых вписаны Г-образные помещения.

Уже отмечалось, что общая планировка всех четырех фасадов построена по принципу симметрии и взаимного абсолютного сходства. Некоторым отклонением от этой нормы является южный угол. Здесь от помещений 11 и 15 навстречу друг другу под прямым углом отходят две прямые стены с пилястрами, так что в месте предполагаемого пересечения они образуют предвратные сооружения, состоящие из трех вытянутых помещений (45, 46, 47). Среднее из них, помещение 46, сохранило внешний проход, оформленный с обеих сторон пилястрами; на полу имеется узкая длинная канава, видимо водосток. Думается, что именно здесь располагался центральный въезд в исследуемый комплекс, причем две боковые комнаты могли выполнять оборонительные функции.

Особый интерес вызывают завершения внешних углов всего здания, образованные за счет широких поперечных соединительных стен, нередко с проходами, в ряде случаев оказавшихся заложёнными. Такие соединительные стены, сформляющие внешние углы, хорошо прослежены в восточном (между помещениями 25 и 30, 42 и 43) и западном углах (между помещениями 13 и 15); лишь в северном углу, видимо из-за ошибки строителей, помещения 42 и 32 смыкаются между собой без стеноперемычки. Очевидно, что, помимо централь-

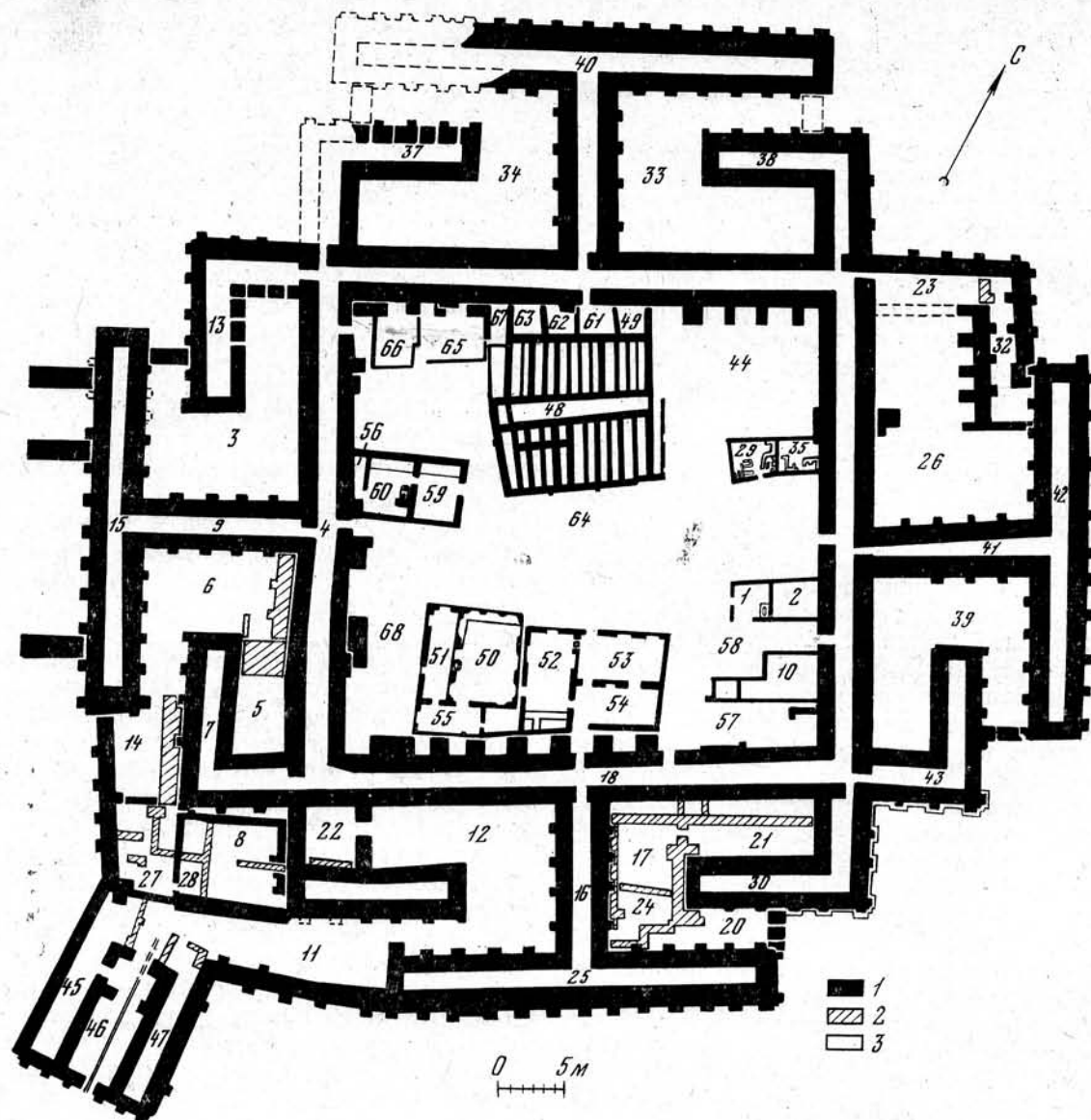

Рис. 15. Дашлы-3. Дворец. Общий план раскопок

ного входа, имелись узкие проходы по углам, которые в случае необходимости наглухо закладывались кирпичами. Вместе с тем нельзя исключать, что этот въезд был встроен не сразу, хотя и вскоре после завершения всего строительства. В таком случае в первоначальном виде весь комплекс был выдержан в идеально симметричном плане, когда все четыре фаса с точностью повторяли друг друга, а входами являлись поперечные соединительные стенки.

О многочисленных перестройках и ремонтах, помимо встроенных стен-контрфорсов (например, в помещениях 5, 6, 14), можно судить по трем контрфорсам, сохранившимся по внеш-

нему фасау западной стены. Основания их покоятся не на материке, а на тонком культурном слое, так что встроены они были уже вскоре после завершения строительства из-за наклона всего внешнего западного фаса. Вдоль подошвы внешних стен проходил ров (достигающий местами 10-метровой ширины при высоте в 3 м), заполненный глинистыми аллювиальными отложениями; не исключено, что ров охватывал водным кольцом все сооружение, как бы отграничивая его от внешнего мира.

Почти квадратный внутренний двор отграничен со всех четырех сторон обводным коридором, причем по западному и восточному обводу имеются встроенные поперечные стеночки, образующие глухие отсеки. Видимо, посередине каждого обвода имелось по одному проходу, которому соответствовал проход, ведущий в Т-об-

разные коридоры. В свою очередь, из всех четырех углов обводного коридора имелись проходы, соединявшие его с Г-образными коридорами. В течение достаточно длительного периода обживания некоторые из проходов закладывались и вместо них пробивались новые, как, например, проход в помещении 1.

Внутри двора, преимущественно вдоль стен, располагаются три строительных микрокомплекса, имевшие особое назначение. Так, южный микрокомплекс состоит из двух достаточно однотипных сооружений, но построенных последовательно. Наиболее ранний из них включает три помещения (52, 53, 54), среди которых последнее играло роль своеобразного вестибюля. В него можно было попасть из обводного коридора и затем — в соседние помещения 52 и 53, из которых, в свою очередь, — во внутренний двор. Первоначально обе эти смежные комнаты сообщались друг с другом двумя проходами, позднее оказавшимися заложенными. Выделяется помещение 52, по-видимому центральное, с глубокими нишами и пристенной суфой. В его западной стене имелся проход, оказавшийся застроенным при строительстве следующего сооружения, также включавшего три помещения (50, 51, 55). Как и в рядом расположенном сооружении, здесь также имеется вестибюль (55); два прохода из него ведут в смежные помещения, из которых помещение 50 является центральным. Интерьер его украшен фигурными нишами, идущими от пола и покрытыми тонкоотмученной штукатуркой в несколько слоев. Размеры ниши поражают абсолютным соблюдением пропорций, свидетельствующих о существовании у местных архитекторов особого модуля. У западной стенки, на полу, за счет глиняного валика устроен очаг-выкладка, но без следов обожжения, что может указывать не на бытовое, а особое его назначение. У северной и частично западной стен имеется пристенная суфа. Длинное, узкое помещение 51 также имеет ниши, но более просто оформленные; в один из последующих периодов здесь была устроена мастерская по металлообработке, свидетельством чего является печь и глиняная форма для отливки топора-тесла. У входа на полу находилась целая «миниатюрная колонка». Все помещения южного микрокомплекса имеют полы, выстланные регулярной кладкой кирпича, а интерьеры их покрыты тонкоотмученной штукатуркой.

Следующий, западный микрокомплекс также включает три помещения (58, 59, 60), из которых роль вестибюля могло играть помещение 58 (не сохранившее проходов), и своеобразный тамбур, сообщающийся с обводным коридором (помещение 4). Интерьеры комнат ничем не украшены; на их особое назначение до опреде-

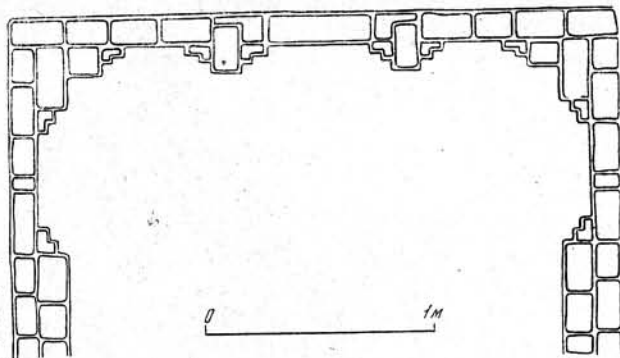

Рис 16. Дашлы-3. Дворец. Помещение 50. Система кладки северной стены

ленной степени могут указывать пристенные суфы в помещениях 59 и 60. На полу последнего располагается очаг со следами огня, однако его хронологическая принадлежность внутри трех выделенных периодов с точностью не устанавливается.

В целом западный и южный микрокомплексы по планировочному признаку весьма близки между собой, что может указывать и на их функциональную близость.

Наконец, у северного фаса располагается сооружение оригинальной планировки. От былого сооружения сохранились лишь фундаменты в виде неправильного прямоугольника, разделенного узким коридором (помещение 48) на две части, каждая из которых состоит из серии чрезвычайно узких отсеков (10 в южной и 12 в северной частях). Сверху отсеки перекрыты поставленными на ребро и наклоненными друг к другу кирпичами, образующими как бы двускатные крыши в миниатюре. Внутри отсеки оказались заполненными обычными мусорными наслоениями, но с чрезвычайно большим количеством костей животных и золы. Кроме того, здесь встречено несколько миниатюрных сосудов типа детских игрушек. Поверх кирпичных перекрытий узких отсеков по всему участку идет кирпичная вымостка, скорее всего служившая полом самого несохранившегося здания. Именно на этом полу встречены фрагменты составной наборной мозаики, по-видимому, от облицовки интерьеров каких-то парадных комнат. Назначение всего этого сооружения остается не совсем ясным; отметим лишь, что до сих пор в Афганистане существуют так называемые табахана, т. е. особые здания, под полом у которых устроена отопительная система, предназначенная для обогрева всех помещений. Возможно, близкое назначение имела и эта конструкция, хотя каких-либо следов сильного воздействия огня внутри отсеков не обнаружено.

Восточная часть двора сохранила остатки небольших помещений, видимо наиболее ран-

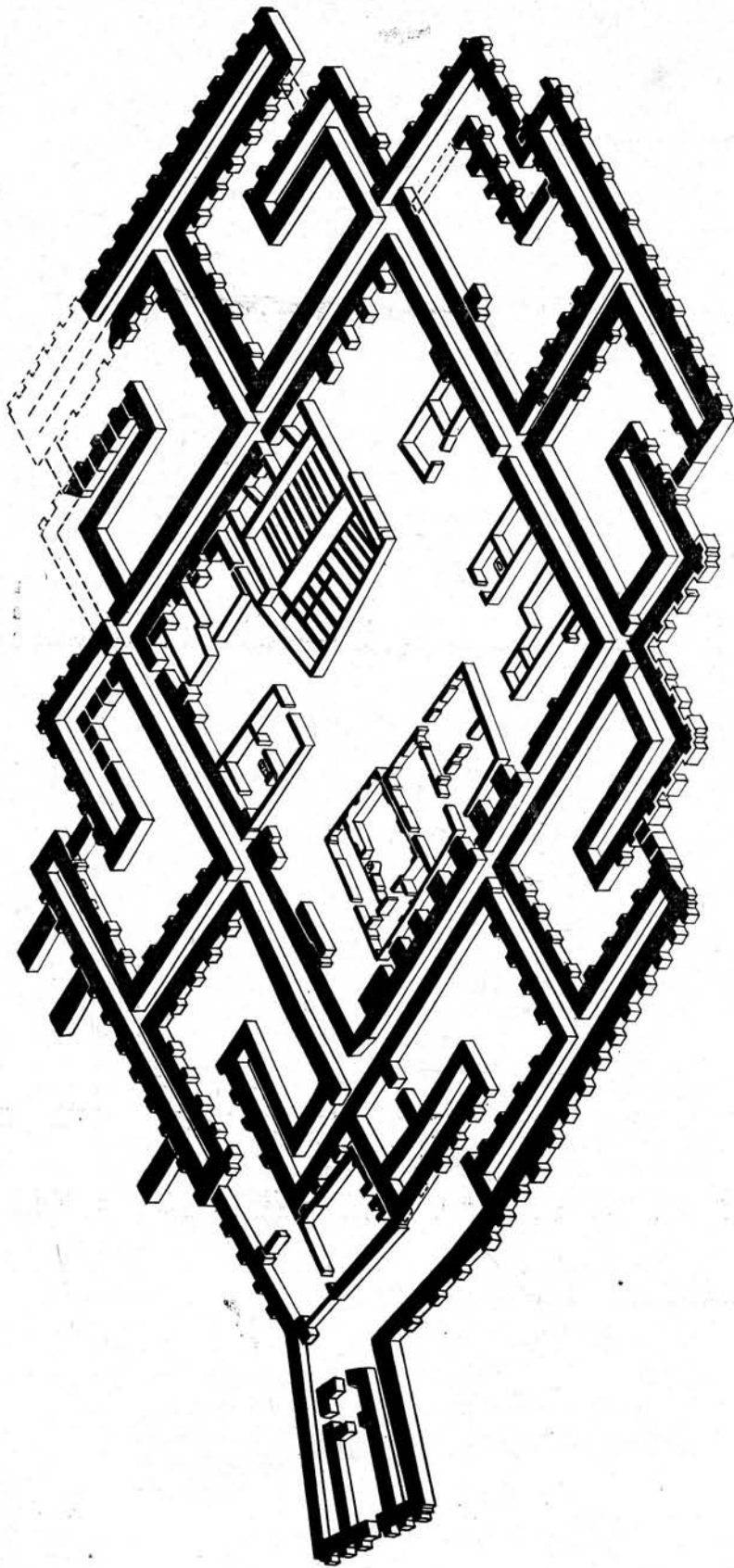

Рис. 17. Дашлы-3. Дворец. Аксонометрия

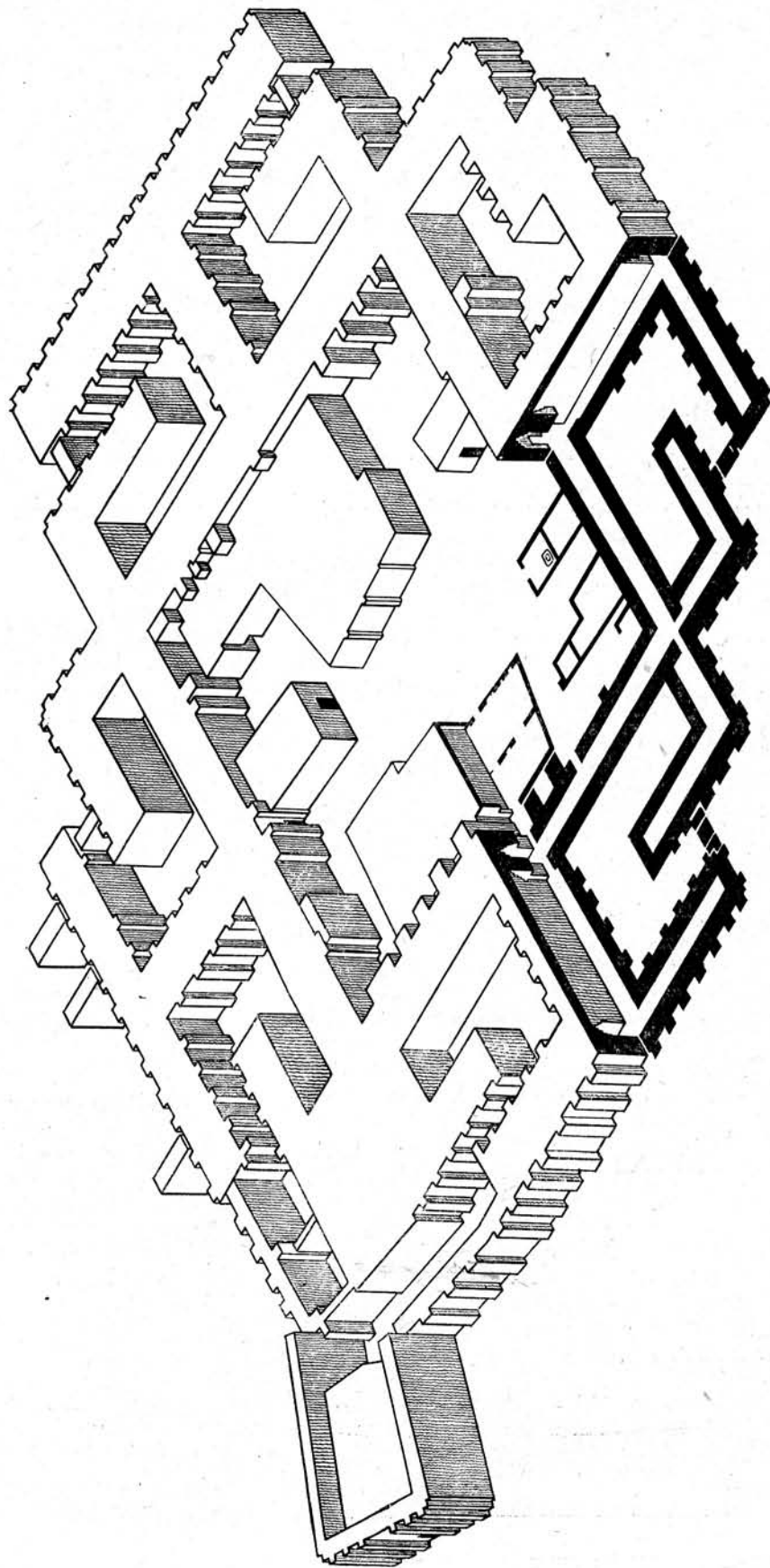

Рис. 18. Дашлы-3. Дворец. Реконструкция

них из раскопанных. Их основания покоятся на материке.

Оценивая в целом всю вскрытую планировку, следует отметить, что «обжитая» часть располагалась во внутреннем дворе, все четыре фаса прилегающей архитектуры имели особое назначение. В этом отношении показательны чрезвычайно узкие Т-образные коридоры, в которых не всегда мог протиснуться даже один человек. Создается впечатление, что они имели «ложный» характер, не несли никакой функциональной нагрузки, а являлись тем архитектурно-ритуальным «каноном», который должен был неукоснительно присутствовать в монументальных зданиях подобного назначения. То же самое можно сказать о всех четырех фасах, выдержанных в определенных традициях, но как бы формально воспринятых бактрийскими строителями.

Организирующим ядром всего комплекса являлся внутренний двор, который за счет обводных коридоров сообщался со всеми четырьмя фасадами всего комплекса. Здесь, у северной стены, на месте «табахана» могла располагаться жилая застройка, отдельные парадные комнаты которой могли быть украшены наборной мозаикой. Микрокомплексы у западной и особенно южной стен двора, скорее всего, имели культово-церемониальное назначение в качестве храмов, на что указывают их однотипная планировка, а также интерьеры, украшенные нишами (в ряде случаев фигурными), и суфы, всегда устроенные вдоль северных стен²⁹.

Приведенные наблюдения дают основания в предварительном порядке определить исследуемый комплекс как здание дворцово-культового назначения. Здесь могла обитать местная администрация, возможно, совмещавшая одновременно и религиозные функции.

Обращаясь к сравнительным материалам, в первую очередь необходимо упомянуть храм и дворец Мундигака-IV. В самом общем плане они проявляют сходство, выражающееся в декорировке внешних фасадов пилястрами либо полукруглыми, либо остроугольными в плане³⁰. Оба эти сооружения сохранились лишь частично, но в целом дворец Дашлы-3 по планировочному принципу ближе стоит не к дворцу, а к храму Мундигака, где также имеется обводной коридор с поперечными стеночками³¹.

Обращаясь к возможным аналогиям монументальной архитектуры сопредельных стран, следует прямо отметить, что пока точные пла-

нировочные соответствия нам неизвестны. С другой стороны, налицо определенные архитектурные приемы, роднящие монументальные сооружения Бактрии и Месопотамии. В этом плане показательны чрезвычайно широкое использование пилястр, в том числе ступенчатых, а также устройство ниш — едва ли не наиболее показательные внешние признаки месопотамской архитектуры особого не бытового назначения³².

Первые и бесспорные дворцы пока известны в Кише, где они состоят из внутреннего двора, застроенного с трех сторон необычно длинными комнатами, а с восточной — серией комнат-шек³³, напоминая до определенной степени планировку двора дворца на Дашлы-3. Взаимная перекличка отмечается также и в наличии коротких поперечных стеночек внутри обводных коридоров, как, например, в храме Ашура³⁴. Но особенно показателен план дворца в Агар-Куфе (1176—1164 гг. до н. э.), где внутри двора располагается возвышение, от которого отходят узкие длинные отсеки, перекрытые сводами³⁵, что достаточно близко напоминает «табахана» с Дашлы-3. С другой стороны, показательно, что уже древнейшая монументальная архитектура Месопотамии, как, например, Телл-Савван, имеет в плане форму Т-образного здания³⁶, причем этот принцип устойчиво выдерживается в Урук-VI—IV и Джемдет-Наср³⁷, в связи с чем нельзя не вспомнить Т-образные коридоры сооружений с Дашлы-3. Отметим также, что в период Урук-IV (3350—3150) впервые появляются в месопотамской архитектуре сводчатые галереи, декоративные пилястры, а в раннединастический период — обширные дворы как организующий центр всего комплекса. Высказано даже мнение, что «двор» олицетворял собой новый архитектурный тип, выражающий идею необходимости централизованной власти.

Уже эти далеко не полные афганомесопотамские параллели не оставляют сомнений в реальности взаимного сходства, причем, учитывая хронологический приоритет Месопотамии, эти влияния распространялись отсюда далее, в восточном направлении. Представляется, что имелись такие сооружения и на промежуточной территории древнего Ирана, которые пока еще не открыты археологическими исследованиями.

²⁹ Моортгат А. The Art..., p. 2—18.

³⁰ Mackay E. Sumerian Palace in Kish, v. II, Chicago, 1931, pl. XXXVI, 1.

³¹ Моортгат А. The Art..., fig. 51.

³² Bagir T. Iraq Government Excavations at Agar Quf.— «IRAQ», 1946, v. III, pl. VI—IX; Bagir T. Iraq Government Excavations at Aqar Quf.— «Iraq», 1945, Supplement, pl. XVI.

³³ Gullini G. Struttura E..., p. 190—191, fig. C.

³⁴ Моортгат А. The Art..., p. 1—5.

²⁹ Отметим, возможно, не случайное совпадение, когда древние захоронения также имеют преимущественно северное направление.

³⁰ Casal J. M. Fouilles de Mundigak.— MDAFA, 1961, t. XVII, v. I—II, fig. 24, 36.

³¹ Там же, рис. 36.

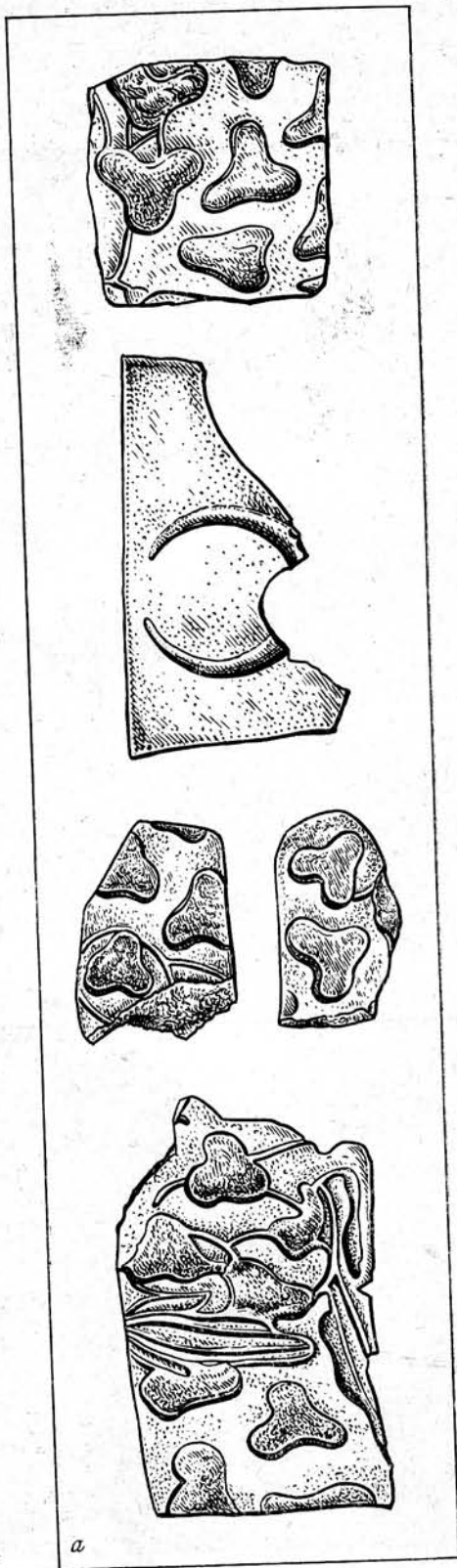

Рис. 19. Дашлы-3. Дворец. Фрагменты алебастровой мозаики
 а — фотография; б — прорись

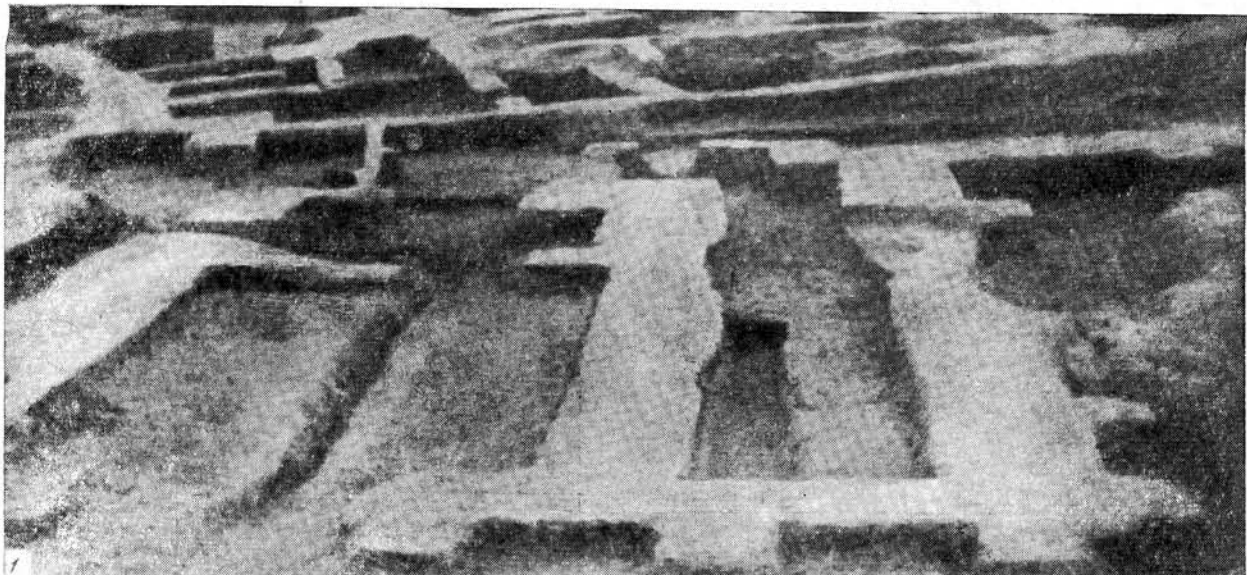

Рис. 20. Дашлы-3. Дворец. Вид с юга

1 — главный въезд; 2 — юго-восточный фас; 3 — коридор юго-восточного фаса

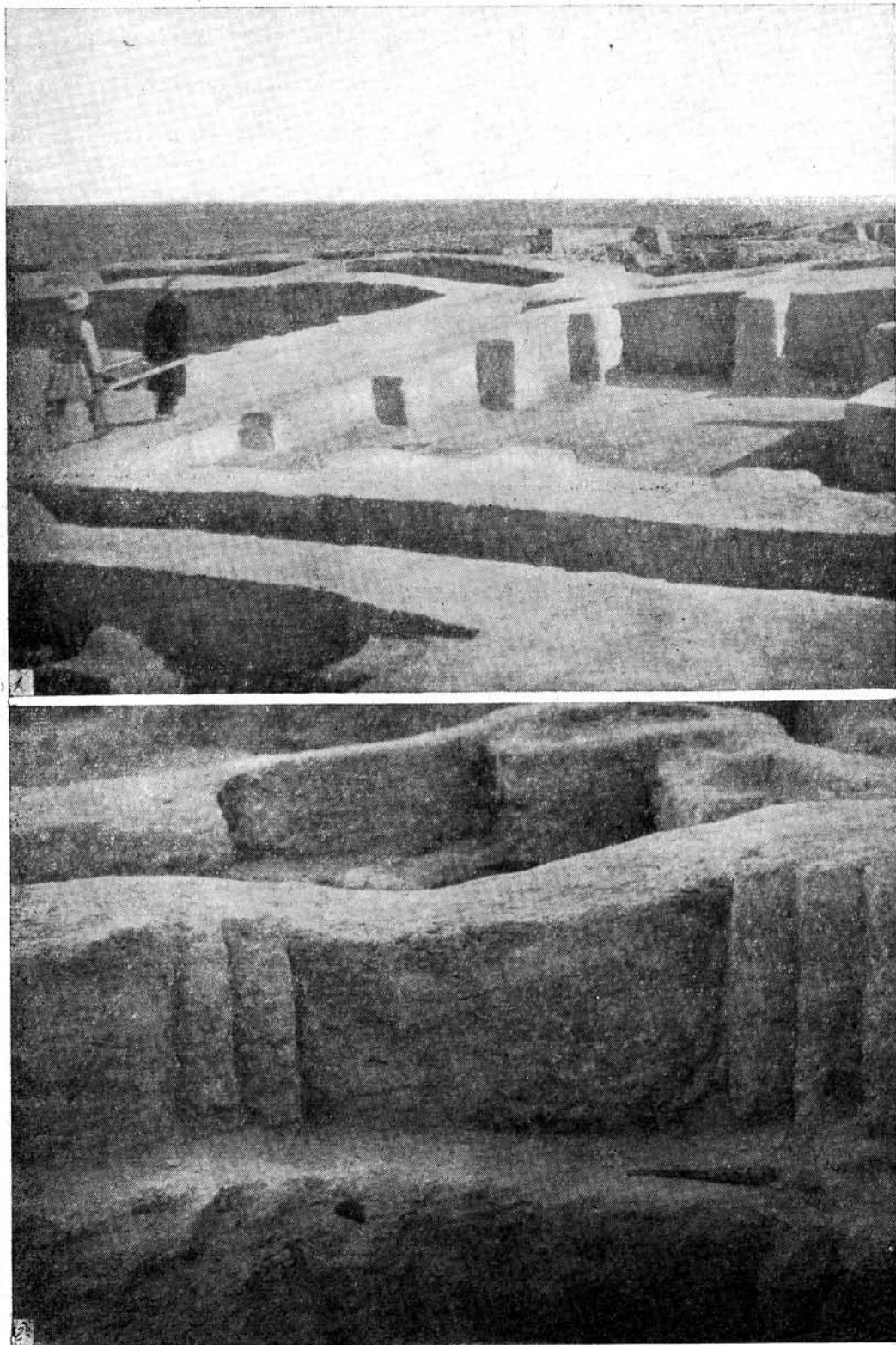

Рис. 21. Дашлы-3. Дворец

1 — общий вид раскопок; 2 — ниша с фигурными плитами в помещении 50

Косвенным свидетельством этого является архитектура Чоха-Занбиль (Сузиана), где подножье Зиккурата имеет обводные коридоры, фасированные пилястрами³⁸, и особенно соответствующая архитектура в Персеполе (терраса)³⁹, дающая определенную переключку как с Востоком, так и с Западом.

Подводя итог бактрийской монументальной архитектуре, можно утверждать, что, как и для месопотамской⁴⁰, для нее характерен строгий линейный ритм ниш и пилястр, создававший игру светотени и разбивавший однообразие плоскостей, отсутствие криволинейных элементов, сочетание плоских перекрытий со сводчатыми. Все это придавало таким зданиям особую торжественность, которой были лишены обычные частные дома. Показательно, что если сравнить хорошо известный план дворца Гудени середины III тысячелетия до н. э. с планом дворца Дашлы-3, то нетрудно увидеть определенную взаимную близость, начиная от богатой декорировки внешних фасов выступами-пилястрами вплоть до завершения внешних углов в виде «ласточкина хвоста».

Возможно, не случайно также, что, подобно месопотамским, бактрийские сооружения ориентированы углами по странам света, что, например, не характерно для монументальной архитектуры Мундигака. Думается, что основные планировочные принципы монументальной архитектуры Бактрии в конечном счете восходят к месопотамским, но получившим местную переработку. Последнее обстоятельство наиболее полно проявляется в четкой симметрии и поразительной однотипности каждой из сторон, фасирующих обширный внутренний двор. Пока такой планировочный принцип зафиксирован лишь для Бактрии, что, однако, не исключает существования подобных зданий на смежных территориях — от южных областей Средней Азии до южного побережья Каспийского моря.

Дворцово-культовый комплекс и круглый храм на Дашлы-3, по-видимому, существовали одновременно, хотя это и трудно пока доказать на имеющихся данных. Во всяком случае, думается, что оба они были оставлены практически одновременно в связи с перемещением на юго-восток основной водной артерии, на которой базировалось хозяйство их обитателей. Правда, в небольшом количестве вода еще имела в этом месте в течение достаточно длительного времени, однако ее хватало лишь на орошение весьма незначительной площади, за счет чего здесь и складывается периферийный поселок на руинах бывшего дворца. Думается, что именно

эти жители хоронили своих умерших в рядом расположенном, но уже заброшенном к тому времени круглом храме.

Возвращаясь к начальной поре расцвета этой части оазиса, следует признать, что круглый храм и дворец не случайно располагались рядом, а, дополняя друг друга, выполняли особые функции в общественной и культовой жизни местного населения. Выше уже отмечалось, что, исключая «табахана», остальные микрокомплексы внутри двора могли выполнять роль своеобразных храмиков. В таком предположении нет никакого противоречия, если вспомнить одновременное существование в Шумере наряду с основными храмами квартальных храмиков, а также домашних святилищ, имевшихся в каждом доме⁴¹.

Впредь до конкретизации назначения каждого из обоих зданий думается, что в противоположность круглому храму второе сооружение целесообразнее всего считать дворцово-культовым, не исключая возможности уточнения этого вопроса на новом археологическом материале.

Как видно из имеющихся фактов, уже в эпоху бронзы в Бактрии сосуществуют два различных по архитектурному решению планировочных принципа: в основе одного лежит круг, в основе другого — сочетание квадратных и прямоугольных помещений. Такое сочетание не является случайным, свидетельством чему служат монументальные сооружения Бактрии раннеахеменидского времени типа Алтын-10 и Кутлуг-Тепе.

Открытие этих зданий особого назначения имеет принципиальное значение для утверждения тезиса о существовании особой бактрийской школы монументального зодчества, традиции которой устойчиво продолжались на протяжении почти целого тысячелетия.

§ 6. Древние захоронения

Основные сведения⁴² о характере древних захоронений эпохи бронзы представляют раскопки могильников с Дашлы-1 и 3. На Дашлы-1 обнаружено всего девять погребений, причем захоронения были произведены в то время, когда сам памятник уже был оставлен жителями. Об этом свидетельствуют могильные ямы, перерезавшие стены бывших помещений, а в двух случаях они были устроены на верху оборонительных стен

⁴¹ Дьяконов И. М. Проблемы Вавилонского города II тысячелетия до н. э. (по материалам Ура). — В кн.: Древний Восток. Города и торговля. Ереван, 1973, с. 61.

⁴² На юге Афганистана основные захоронения относятся к эпохе энеолита и ранней бронзы, где они известны в слоях Мундигака-III и отчасти IV. Погребения периода развитой бронзы в пределах раскопов встречены не были.

³⁸ Ghirshman R. Tchoga-Zanbil, v. I.—MDA en Iran, 1966, t. XXXIX, fig. 27.

³⁹ Schmidt E. Persepolis II.—OIP, 1957, v. LXIX.

⁴⁰ Всеобщая история архитектуры, т. I. М., 1970, с. 204.

крепости Дашлы-1. Налицо использование руин заброшенного поселка в качестве некрополя для близлежащих небольших поселений оазиса.

Но наиболее полную информацию о характере древних захоронений дают раскопки Дашлы-3, выявившие грунтовый могильник и некрополь на заброшенном к тому времени комплексе круглого здания. Всего здесь выявлено 92 захоронения, из которых пять происходят из грунтового могильника, а 87 встречены при раскопках круглого здания. В последнем случае это могли быть погребения, принадлежавшие обитателям рядом расположенного дворцового комплекса, когда на руинах былой монументальной архитектуры складывается небольшое периферийное поселение. На это может указывать тот факт, что при раскопках дворца, за исключением единичных детских захоронений, других встречено не было, зато они в большом количестве обнаружены на руинах заброшенного уже круглого здания. Не исключено, что именно эти жители приспособили заброшенные к тому времени сооружения круглого здания под небольшой некрополь⁴³.

Сразу же отметим, что древние захоронения под влиянием процессов дефляции сохранились настолько плохо, что развеянными оказались не только погребальные приношения, но и сами скелеты. В ряде случаев дно могильной ямы почти совпадает с дневной поверхностью, что затрудняет реконструкцию погребальных сооружений и обрядов. Лучше сохранившиеся захоронения, обнаруженные на глубине до 50—70 см от поверхности, дают возможность установить несколько типов могильных устройств. Это, во-первых, прямоугольной формы с закругленными углами могильные ямы со средними размерами 170 × 100 см и максимальной глубиной до 60—70 см. Нередко они обложены кирпичами и, возможно, имели кирпичные же перекрытия, так как были пустотелыми внутри. На это указывает тот факт, что нередко погребальные сосуды сохранили на донышках лишь небольшие глинистые натеки от дождевых смывов. Кроме того, отмечены могильные ямы округлой, овальной и в единичных случаях неправильной подтреугольной формы, возможно, также имевшие перекрытия, в том числе кирпичные. В ряде случаев для могил использовались сохранившиеся углубления внутри оплывших руин помещений, заброшенные очаги и бывшие хозяйственные ямы.

⁴³ Аналогичная картина отмечается для Сапалли-Тепе, где обнаруженные погребения были осуществлены не бывшими обитателями этого конкретного памятника, а какого-то другого близ расположенного поселения. В таком случае эти погребения относятся к несколько более позднему времени, чем само поселение Сапалли-Тепе.

Для устройства могильных ям использовались также частично разрушившиеся стены заброшенных помещений, когда у их оснований вырывались ямы, уходившие под фундаменты и прикрытые наклонно поставленными кирпичами. Эти своего рода «подбойные» захоронения отмечены также и на Сапалли-Тепе. Наконец, в единичных случаях имеются детские захоронения — в сосудах. Закачивая обзор могильных устройств, отметим, что лишь в двух могилах на полу имеется подсыпка из угольков саксаула.

Погребальный обряд представлен преимущественно одиночными погребениями; из общего количества (около 100 захоронений) лишь три парных, причем последовательных, а не одновременных. В одном случае парное захоронение состоит из взрослого и детского костяка, причем последний был захоронен позднее.

В тех случаях, когда это можно установить, скелетам придана скорченная поза (в ряде случаев пятки подтянуты к тазу), руки около лица. Как правило, покойники лежат на боку, левом или правом, в единичных случаях — ничком на животе или спине. Типы положений: на левом боку — 20, на правом — 18, на животе — 3, на спине — 4.

Думается, что положение на левом или правом боку не имело существенного значения, что наглядно видно на примере парного захоронения 54, демонстрирующего оба вида труположения.

В погребальных обрядах строго выдерживалась северная ориентировка, являвшаяся преобладающей. Типы ориентации погребенных: на север — 41, на юг — 1, на восток — 1, на запад — 2.

Погребальный инвентарь включает сосуды (от 1—2 до 15—20), причем наряду с совершенно новой нередко в могилы помещали и посуду, уже бывшую в употреблении, и даже частично поломанную. В некоторых вазах на высоких ножках найдены кости мелкого рогатого скота, иногда часть позвонка и ребра; более широко представлены кости, положенные рядом с покойником. Выделяется скелет 27, на челюсти которого находилась баранья нога от молодого животного — яркое свидетельство древнего обряда «кормления».

Помимо керамики, заупокойные приношения включают металлические изделия, например, зеркала, браслеты, сосуды, булавки, височные кольца, кинжалы; в меньшей степени представлены каменные флаконы, кремневые наконечники стрел, бусы. В погребении 35 встречена плетеная «корзиночка», внутри которой находилась металлическая булавка. Детские захоронения сохранили более скромные приношения. В погребении 28 у детского скелета, помимо

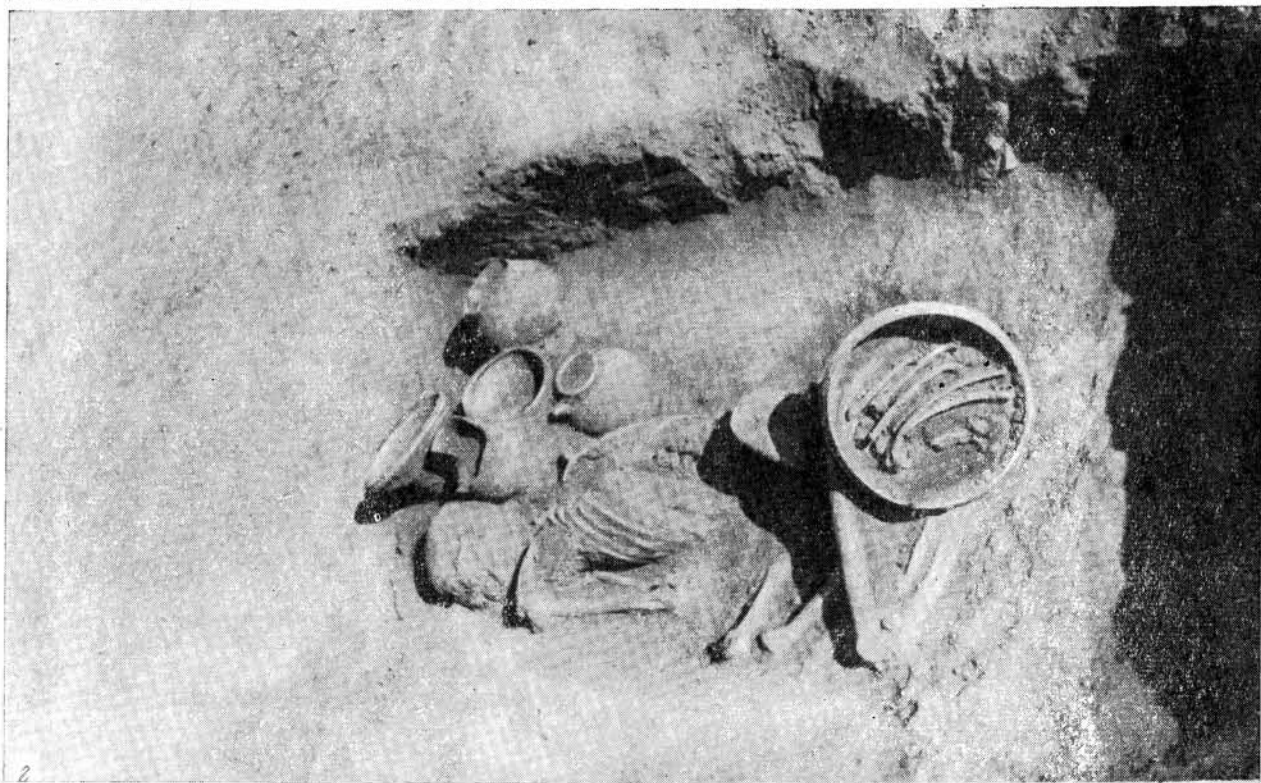

Рис. 22. Дашлы-3

1—могила, прорезавшая стены круглого храма; 2—круглый храм. Ваза с костями у ног погребенного

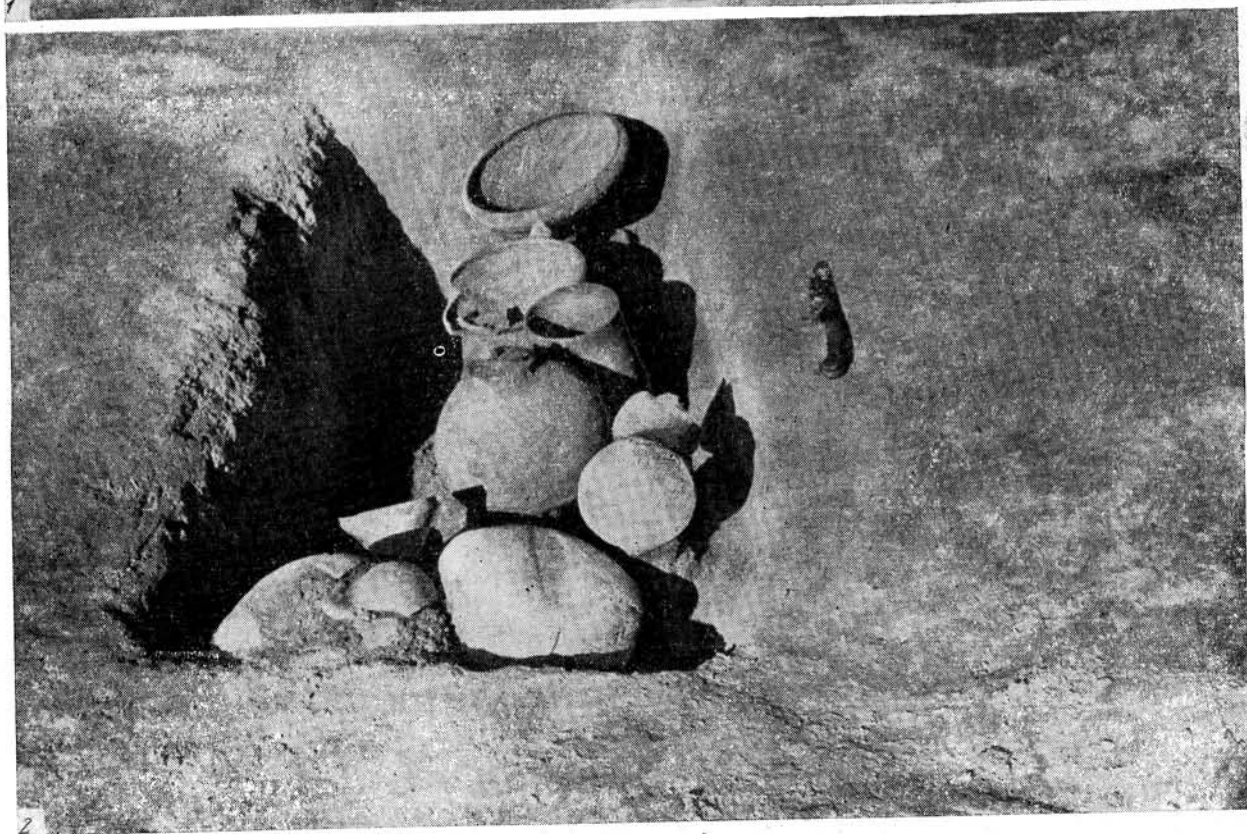
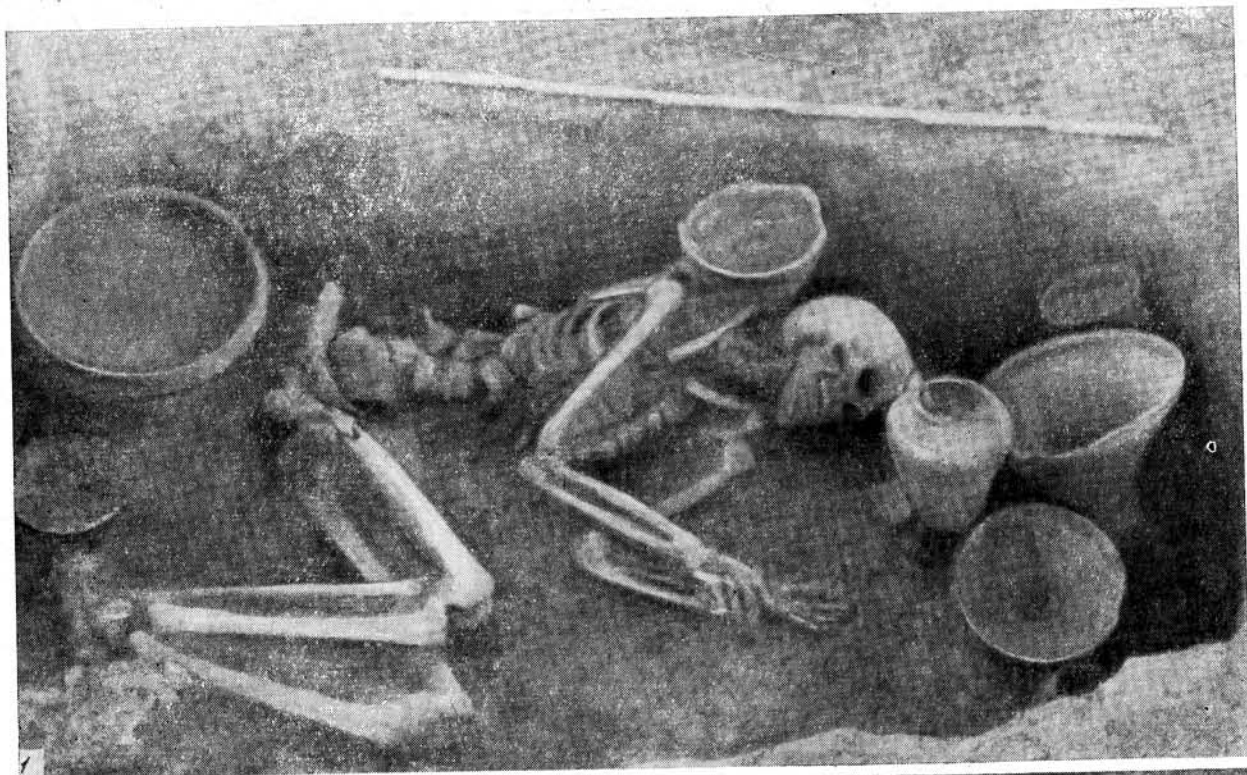

Рис. 23. Дашлы-3

1 — круглый храм. Медное зеркало в погребении; 2 — дворец. Кенотаф

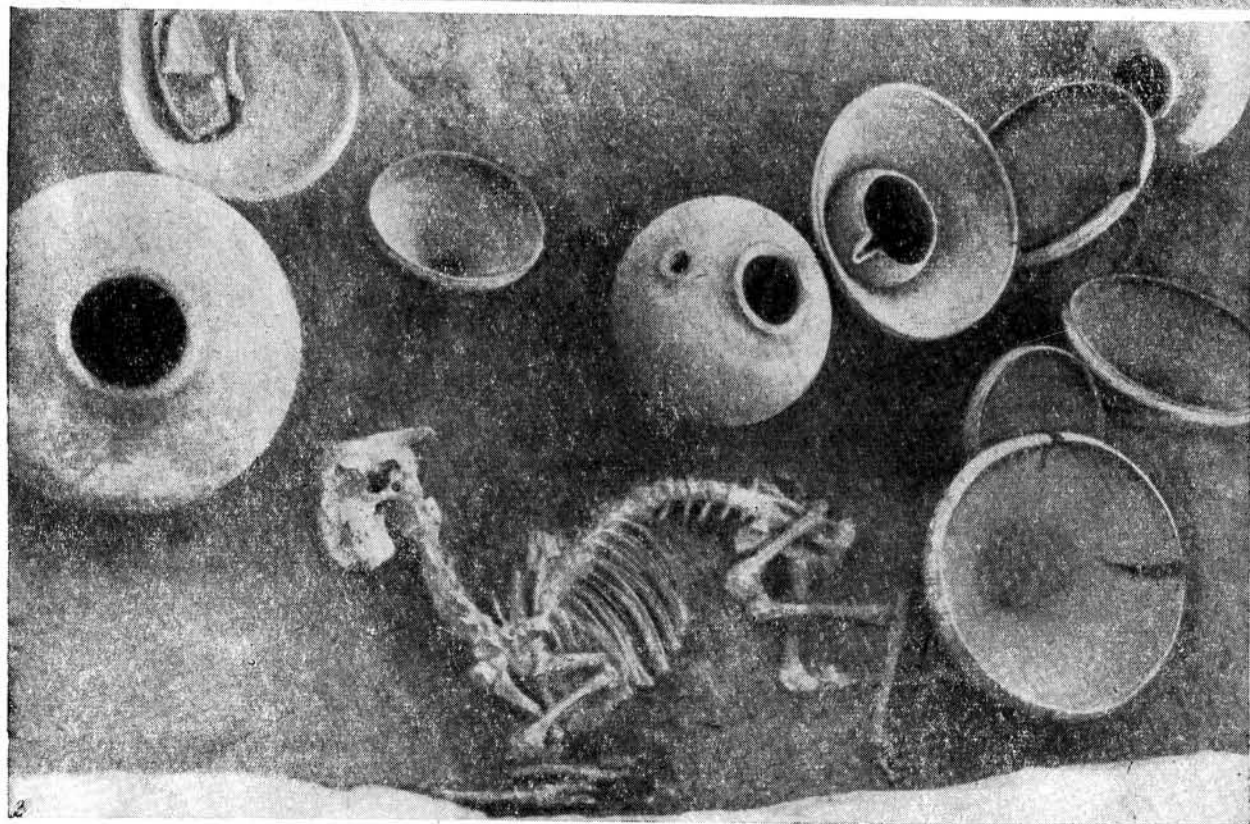

Рис. 24. Дашлы-3. Круглый храм. Частичное захоронение (1); Дашлы-1. Ритуальное захоронение барана (2)

сосудов, сопровождавших захоронение, на запястьях рук сохранилось по одному бронзовому браслету.

Плохая сохранность захоронений, находящихся близко к дневной поверхности, сильно затрудняет точное соотношение обрядов погребений, однако можно с уверенностью предполагать по крайней мере три типа: ингумация, частичные захоронения и кенотафы. Решительно преобладает первый тип — преимущественно индивидуальные захоронения в скорченном положении на боку, в могильных ямах. Девять захоронений представляют собой кенотафы, от которых сохранились могильные ямы, заполненные погребальными сосудами.

Сложнее установить количество неполных или частичных захоронений, в которых имеется лишь часть скелета, а нередко — всего несколько костей. Дело осложняется тем, что неполные скелеты, располагающиеся близко к дневной поверхности, могли не сохраниться полностью из-за грызунов и особенно из-за интенсивных процессов естественной дефляции. Тем не менее два таких захоронения, встреченные на сравнительно большой глубине, сохранили остатки перекрытий сверху сырцовыми кирпичами (погребение 81), что не оставляет сомнения в их принадлежности к обряду частичных погребений. Если учесть частично сохранившиеся скелеты, расположенные близко к дневной поверхности, то окажется, что примерно третья часть, или 30% выявленных могил, содержит неполные скелеты (вплоть до нескольких костей), но всегда в них имеется обычный погребальный инвентарь. Подобного типа захоронения достаточно хорошо известны в археологии Юго-Западной Азии, например, в Южном Иране (могильник Хураб)⁴⁴, Белуджистане (Сохр-Дамб)⁴⁵ и Пакистане (Сват, могильник Тимаргарха)⁴⁶.

Под частичными захоронениями подразумеваются вторичные перезахоронения. Не исключено, что близкие, если не аналогичные обряды бытовали и в Северном Афганистане. Вместе с тем следует иметь в виду, что могилы, видимо, никак не обозначались на поверхности, так как имеются прямые свидетельства нарушения старых могил при рытье новых могильных ям.

Хотя и много реже, но практиковались ритуальные захоронения баранов: об этом можно

судить по раскопкам двух таких могил на Дашлы-1. В могильных ямах на боку в полном анатомическом порядке сохранились скелеты молодых баранов (возраст до 1 года), окруженные большим количеством сосудов, положенных стопками. Можно было бы допустить, что и эти захоронения являются своеобразными кенотафами (тушки баранов определялись бы в качестве заупокойной пищи), однако в одном случае перед мордой барана на его передних ногах сохранился специально положенный бараний бок! Ритуальные захоронения баранов указывают на большую роль, которую играл этот образ у местных племен, и, видимо, не случайно в обоих случаях бараны имеют северную ориентировку, наиболее распространенную здесь в эпоху бронзы.

До определенной степени сходные захоронения, содержащие лишь сосуды и разрозненные кости мелких рогатых животных, отмечены и на Дашлы-3 (погребения 11—13), однако нет полной уверенности в принадлежности их к культовым захоронениям или простым кенотафам.

Второй тип могильников представлен небольшим некрополем, вынесенным за пределы обжитой части Дашлы-3. Могильные ямы, округлые в плане, сохранили лишь нижние части, впущенные в грунтовый материк; часть их имеет кирпичную обкладку стен, сырцовые кирпичи встречены и на полу могилы, что позволило высказать предположение о возможных кирпичных сводах⁴⁷. Вместе с тем новые наблюдения не исключают наличия и катакомбных захоронений, имевших, по-видимому, широкое распространение среди местных племен. Имеются в виду могильники в пунктах Дашлы 18 и 19, состоящие из нескольких сотен погребений в виде сплошного кладбища, почти полностью разграбленного. Обследование разграбленных погребений показало, что могильные ямы вертикально вырыты в материковом такыре и имеют внизу подбой. Ни одна могила не сохранилась целой, однако, по словам местных жителей, поиски подобных захоронений состояли в том, что они стучали лопатами по ровному, местами занесенному песком, такыру и по глухим звукам определяли местоположение древних захоронений. Таким образом устанавливается, что это были углубленные в материк подбойно-катакомбные могилы с пустотелыми камерами, в которых находились покойники. Подобные погребальные сооружения более характерны для степных культур эпохи бронзы, так что обнаружение их в традиционно земледельческих оазисах требует своего посильного объяснения.

⁴⁴ Stein A. Archaeological Reconnaissances in North West India and South-Eastern Iran. London, 1937, p. 118—125.

⁴⁵ Hargreaves H. Excavations in Baluchistan 1925, Sampur Mound Mastung and Sohr-Damb, Nal.—MASI, 1925, N 35, p. 18; Piggott S. Prehistoric India to 1000 B. C. London, 1962, p. 82.

⁴⁶ Dani A. a. o. Timargarha and Gandhara Grave.—«Ancient Pakistan», 1967, v. III; Antonini S., Stacul G. The Protohistoric Graveyards of Swat (Pakistan), v. I—II. Rome, 1972.

⁴⁷ Сарияниди В. И. Бактрия в эпоху бронзы.—СА, 1974, № 4, с. 57.

Впервые они были выявлены на Сапалли-Тепе, а последующие исследования показали, что это был наиболее распространенный и характерный обряд захоронения в Бактрии. Думается, что катакомбные захоронения Бактрии имеют чисто формальное сходство с погребальными сооружениями степных культур, так как, как правило, поселения Бактрии эпохи бронзы невелики по размерам и устраивать в их пределах некрополи со всех точек зрения представляется нецелесообразным.

Полагаем, что устройство могильников внутри небольших, но продолжающих функционировать поселков представлялось невозможным, поэтому такие некрополи выносились за их пределы и располагались на окраинах поселков. Примером могут служить отдельно расположенные могильники Дашлы 18 и 19, служившие кладбищем для близлежащих поселений.

Вынесенные за пределы поселений, такие некрополи нуждались в дополнительных мерах предохранения умерших, в первую очередь от хищников, что вынуждало устраивать глубокие ямы, заканчивающиеся подбоем, т. е. подобнойно-катакомбные захоронения.

О независимом, конвергентном характере сложения подобных погребальных сооружений можно судить по катакомбному могильнику, открытому М. Тоси на Шахри-Сохте и относящемуся к совершенно иной культурной принадлежности. Бактрийские и сеистанские памятники отделены друг от друга хронологическим отрезком времени в тысячу лет и еще большим расстоянием, что препятствует установлению между ними прямой связи⁴⁸.

Оценивая древние захоронения Дашлинского оазиса, следует признать, что существовало два типа могильников: на руинах заброшенных поселений и отдельно расположенные грунтовые могильники, причем решительно преобладают последние.

Антропологические определения черепов эпохи бронзы из Северного Афганистана отсутствуют, исключение составляет лишь один мужской череп с Дашлы-3, который, по данным Т. А. Трофимовой, относится к тому варианту восточносредиземноморского типа, который характерен для погребенных могильников Южного Таджикистана, о чем подробнее будет сказано ниже. Здесь же отметим, что для оценки места и значения североафганских захоронений следует вкратце остановиться на погребальных обрядах смежных территорий, входивших в об-

щую культурно-историческую зону, и в первую очередь южных областей Средней Азии и Северо-Восточного Ирана.

В этом плане наиболее близкие соответствия происходят из Южного Узбекистана, в основном из раскопок Сапалли-Тепе. Здесь благодаря тщательной методике раскопок выявлено сорок шесть захоронений хорошей сохранности, позволившей с точностью установить как типы погребальных сооружений, так и заупокойные обряды. Устройство могил по преимуществу подбойное, в том числе и катакомбы. Подбойные захоронения производились под основанием стен, а катакомбные перерезают полы бывших помещений. Кроме того, отмечены захоронения в сосудах, в стенах и в мелких ямах⁴⁹. В двух случаях встречены ритуальные захоронения баранов и в одном — кенотаф. Погребения взрослых, за исключением двух, имеют единую северную ориентировку; покойники лежат на боку в скорченном положении; известны единичные, коллективные, но разновременные захоронения. Погребальный инвентарь включает керамику от 3 до 25 сосудов, изделия из металла, камня, кожи, дерева, соломы и т. д.

Кроме могильника на Сапалли-Тепе, захоронения близкого типа встречены в Миршаде и Мулали. Могильные ямы по преимуществу вырыты в материке, покойники лежат на боку, в скорченном положении, головой преимущественно на север или северо-восток. Погребальный инвентарь включает керамику, зеркала, бусы⁵⁰.

Близкие, если не идентичные североафганским, погребальные обряды происходят из Туркменистана (бассейна древней дельты р. Мургаб), где, помимо уже известных захоронений с Аучина и Тахирбай⁵¹, выявлены новые, в том числе частичные или фракционные погребения. Заупокойные приношения включают сосуды, металлические украшения, бусы, находящие прямые аналогии в материалах Дашлинского оазиса⁵². Соответствующие бактрийские и маргианские могильники прямо перекликаются между собой и в целом относятся к одному периоду; предшествующие типы древних захоро-

⁴⁸ Аскарлов А. А. Сапалли-Тепе..., с. 42.

⁴⁹ Пугаченкова Г. А. Новый памятник древнебактрийской культуры.— В кн.: Успехи среднеазиатской археологии, вып. 1. Л., 1972, с. 48; Беляева Т. В., Хакимов З. А. Древнебактрийские памятники Миршаде.— В кн.: Из истории античной культуры Узбекистана, т. I, Ташкент, 1973, с. 38—41.

⁵⁰ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы.— МИА, 1959, № 73. Частичное погребение с Тахирбай-3, определяемое как «неполное трупосожжение», до сих пор является единственным случаем обряда кремации для Маргианы. Отметим, что рядом с ним находится печь с зольно-мусорными отвалами.

⁵² Сарияниди В. И. Древности..., с. 483—484.

⁴⁸ Ср.: Массон В. М. Проблема древнего города и археологические памятники Северной Бактрии.— В кн.: Древняя Бактрия. Л., 1974, с. 7. Показательно, что основной исследователь Сапалли-Тепе А. А. Аскарлов проявил большую осторожность в оценке происхождения катакомбных захоронений.

пений демонстрируют некрополи Южного Туркменистана.

Эпоха бронзы Южного Туркменистана подразделена на три основных периода: ранняя бронза (Намазга-IV), средняя бронза (Намазга-V) и поздняя бронза (Намазга-VI). Для периода ранней бронзы известно слишком мало захоронений, чтобы делать общие выводы. Отметим лишь, что умершие хоронились на боку в скорченном положении; наряду с индивидуальными достаточно широко практиковались коллективные захоронения⁵³.

Значительно больше сведений имеется о погребениях периода средней бронзы, преимущественно с Алтын-Тепе, где выявлено около ста захоронений. Умерших хоронили в скорченном положении, на боку; много реже — на спине или животе. Ориентировка различная, но преобладает северное направление. Отмечены детские захоронения в хумах (Хапуз-Тепе, Алтын-Тепе). Наряду с индивидуальными захоронениями в прямоугольной форме могильных ямах, нередко кирпичных цистах, имеются коллективные захоронения в обширных погребальных камерах. Заупокойные приношения включают сосуды, металлические и каменные орудия, оружие и украшения, металлические печати, антропоморфные статуэтки, различные бусы, редкие золотые и серебряные поделки.

Близкие погребальные обряды выявлены и на другом крупном поселении — Улуг-Тепе, где отмечены как небольшие прямоугольные камеры, так и кирпичные цисты с индивидуальными захоронениями. Погребальные приношения включают сосуды (от 1—2 до 30), металлические украшения, печати⁵⁴. Наибольший интерес представляет факт решительного преобладания северной ориентировки погребенных Южного Туркменистана эпохи развитой бронзы, что нельзя не сопоставить с аналогичной картиной, отмечаемой для Бактрии. Вместе с тем не следует и преувеличивать эти наблюдения и ставить их в прямую генетическую связь. В литературе уже указывалось, что период Намазга-V отмечается появлением многих новшеств, в ряде случаев определенно указывающих на влияние, идущее из древнего Ирана в пределы Южного Туркменистана⁵⁵. О сложности изучения погребальных обрядов свидетельствуют раскопки

⁵³ Сарияниди В. И. Коллективные погребения и изучение общественного строя раннеземледельческих племен. — В кн.: Успехи Среднеазиатской археологии, вып. 1. М.—Л., 1972, с. 25.

⁵⁴ Сарияниди В. И., Качурис К. А. Раскопки на Улуг-Тепе. — АО 1967 г. М., 1968, с. 343; Masson V. M., Sarianidi V. I. Central Asia: Turkmenia before the Achaemenids. London, 1972, pl. 38.

⁵⁵ Станкевич И. Л. К вопросу о связях Северо-Восточного Ирана и Южной Туркмении в бронзовом веке. — В кн.: Искусство и археология Ирана. М., 1971, с. 321.

погребального комплекса на Алтын-Тепе, включающего святилище и рядом расположенную гробницу с коллективными захоронениями⁵⁶.

Возможно, близкое по назначению и в целом синхронное сооружение было открыто на Тепе-Гиссар⁵⁷; вместе с тем оба они могут быть сопоставлены с погребальным комплексом энеолитического времени Геоксюр-I. Здесь также рядом со святилищем располагаются гробницы с коллективными захоронениями⁵⁸. Налицо близкое сходство погребальных обрядов Северо-Восточного Ирана и Южного Туркменистана, восходящее к глубокой древности. Особенно выразительно выступает генетическое родство погребальных обрядов Туркменистана, свидетельствуя о тысячелетних традициях местной линии развития культуры от энеолита до развитой бронзы.

Хотя древние захоронения периода поздней бронзы известны в ограниченном количестве, принципиально важного значения заслуживает открытие могильника Янги-Кала. Впервые для Южного Туркменистана отмечен специально вынесенный за пределы поселения грунтовый могильник. К сожалению, сохранилось лишь семь могил с индивидуальными захоронениями; кости скорченные, на боку, отмечается преимущественно северная ориентировка⁵⁹. Погребальный инвентарь, помимо металлических браслетов и булавок, включает гончарную керамику типа ваз на высоких ножках, хумча с подкошенной придонной частью и особенно характерных форм кринок⁶⁰; все они находят прямые аналоги в керамическом комплексе Бактрии.

Три захоронения этого же времени обнаружены К. А. Качурисом на Улуг-Тепе; все они имеют северную ориентировку, скорченные, на боку; погребальный инвентарь включает посуду, в том числе сероглиняную, и металлические булавки с фигурными навершиями, прямо аналогичные янги-калинским булавкам. В плане сравнения с бактрийскими материалами, помимо крупных сосудов, показательны миниатюрный сероглиняный флакон⁶¹ и биконическое ка-

⁵⁶ Masson V. M. Раскопки погребального комплекса на Алтын-Тепе. — СА, 1974, № 4, с. 11—13.

⁵⁷ Сарияниди В. И. Погребение Гиссар-III; новые материалы и наблюдения. — В кн.: История иранского государства и культуры. М., 1971, с. 170—178.

⁵⁸ Сарияниди В. И. Раскопки в юго-восточных Каракумах в 1964 г. — КСИА, 1966, вып. 108, с. 89—91, рис. 32.

⁵⁹ Ганялин А. Ф. Погребения эпохи бронзы у селения Янги-Кала. — ТЮТАКЭ, 1956, т. VII, с. 374—383.

⁶⁰ Там же, рис. 4 (особенно 2, 3). Имеется еще одна фрагментированная женская статуэтка, однако ее принадлежность как погребального инвентаря вызывает большое сомнение — скорее всего она принадлежит к культурному слою, в который впадают сами могилы.

⁶¹ Сарияниди В. И., Качурис К. А. Раскопки на Улуг-Тепе, с. 344.

менное пряслице — одни из наиболее характерных признаков погребального инвентаря захоронений Бактрии.

Если сравнить погребальные обряды эпохи бронзы Южного Туркменистана и Бактрии, то наиболее показательные соответствия обнаруживают захоронения времени Намазга-VI, когда наряду со старыми способами впервые практикуется устройство грунтовых некрополей вне пределов поселений; сходство в погребальных ритуалах подчеркивается и аналогичным погребальным инвентарем.

В подгорной полосе пока не известны катакомбные могилы, зато они открыты в последние годы на юго-западе Туркменистана в долине р. Сумбар. Захоронения скорчены, без определенной ориентации; погребальный инвентарь включает сосуды, в том числе вазы на высокой ножке, кубки, кувшины, графины, соусники, бронзовые украшения⁶². Могильник в предварительном порядке датируется в пределах 2000—1650 гг. до н. э., однако не исключена несколько более поздняя дата — середина — вторая половина II тысячелетия до н. э. Предполагается, что погребения Южного Туркменистана, с одной стороны, наиболее близки бактрийским, с другой — отражают влияние, идущее из древнего Ирана. Иначе говоря, и бактрийские, и южнотуркменистанские погребальные обряды эпохи поздней бронзы могут иметь один общий источник, поиски которого уводят в Северо-Восточный Иран.

Северо-Восточный Иран делится горной грядой на две части, из которых территория, расположенная в долине р. Горган, географически является естественным продолжением Туркменской степи. Здесь, в Горганской долине, выявлено огромное число поселений — от древнеземледельческих до позднесредневековых. Последние раскопки на одном из древнеземледельческих памятников — Ярим-Тепе⁶³ показали наличие типичных слоев джейтунского времени, из чего можно заключить, что уже в период неолита это была единая культурно-историческая зона, захватывавшая и северные предгорья Копет-Дага. Наиболее значительные раскопки проведены на двух памятниках — Тюренг-Тепе и Шах-Тепе, расположенных на расстоянии около 20 км друг от друга.

Шах-Тепе, довольно крупное поселение, раскопки на котором были проведены в 1933 г. шведской археологической экспедицией⁶⁴. На

основании материалов, полученных главным образом из могил, поселение Шах-Тепе было подразделено на три слоя (I, II, III), из которых верхний (Шах-Тепе-I) относится к эпохе средневековья. Для нас представляют особый интерес два нижележащих слоя II и III. Всего выявлено 257 скелетов, из которых 81 относится к слою I и принадлежит мусульманскому периоду.

Костяки нижележащих II—III слоев, за небольшим исключением, лежат в скорченном положении на боку. Единичные покойники лежат на спине в вытянутом положении или скорченные, но на животе. В двух случаях отмечены совместные погребения взрослого и ребенка, определяемые как захоронения матери с ребенком.

Сохранность костяков не всегда была удовлетворительной, так что не во всех могилах удалось с точностью выявить ориентировку. Так, из 176 скелетов III—II слоев осевое направление установлено только для 133, которые распределяются следующим образом: север — 28, юг — 14, восток — 53, запад — 28, северо-восток — 6, юго-восток — 2, юго-запад — 8, северо-запад — 8. Таким образом, восточная ориентировка, видимо, была наиболее распространенной у жителей Шах-Тепе. Вместе с тем северная и западная ориентировка становится преобладающей именно в слое II, что напоминает аналогичную картину, отмеченную для Южного Туркменистана эпохи развитой и поздней бронзы.

Инвентарь могил Шах-Тепе не отличается особым богатством. Как правило, заупокойные приношения включают керамические и алебастровые сосуды, медные украшения, бусы разных форм из камня, меди, фаянса, стекла (?) и единичные изделия из кости. Хотя и не все могилы содержали погребальные приношения, обычным является наличие 2—3 сосудов; лишь в одной могиле встречено 10 сосудов.

Имеется специальное исследование черепов из Шах-Тепе и их сравнительная характеристика с известными антропологическими материалами из других пунктов Древнего Востока⁶⁵.

Следующий памятник — Тюренг-Тепе. Этот памятник является наиболее крупным, видимо, столичным поселением Горганской долины. Первые раскопки на главном холме не выявили захоронений, что объясняется малым объемом раскопочных работ. Зато на расположенном рядом, небольшом всхолмлении (западный холм) было выявлено 75 захоронений, из которых 28 относятся к мусульманскому времени. Остальные 47 распределяются следующим образом:

⁶² Пяткин Б. Н., Хлопина Л. И., Хлопин И. Н. Раскопки в долине Сумбара.— АО 1973 г. М., 1974, с. 511.

⁶³ Crawford V. Beside the Kara-Su.— «The Metropolitan Museum of Art», 1963, april.

⁶⁴ Arne T. J. Excavations at Shah-Tepe, Iran. Stockholm, 1945.

⁶⁵ Furst C. The Skeletal Material Collected During the Excavations of T. Arne in Shah-Tepe as Astrabad — Gorgan in Iran. Stockholm, 1939.

в самом нижнем из вскрытых слоев встречено только два захоронения и 45 скелетов — в выше лежащем слое. В литературе имеется лишь суммарная их характеристика: костяки лежали в скорченном положении, с руками, поднесенными к лицу, без строго выдержанной ориентировки⁶⁶.

В 1960 г. раскопки на Тюренг-Тепе были возобновлены французской экспедицией, выявившей достаточно большое количество древних захоронений. Раскопками установлена новая общая периодизация памятника, которая включает пять основных периодов в существовании Тюренг-Тепе. Самый нижний, слой I, определяется как неолитический, занимающий промежуточное положение между пещерой Хоту и джейтунской культурой Южного Туркменистана⁶⁷.

Слой II характеризуется наличием как расписной, так и серой посуды, причем в фазе IIВ первая исчезает полностью. Могилы этой фазы располагаются под полами заброшенных строений, в простых ямах, иногда перекрытых сверху сырцовыми кирпичами. Скелеты, как правило, скорченные⁶⁸.

В слое III керамический комплекс продолжает старые традиции, широко распространяется серая лощеная посуда, в то время как процарапанная и рифленая керамика почти полностью исчезают. Это время наибольшего расцвета памятника, что находит отражение и в погребальном инвентаре. Костяки здесь приобретают более скорченную позу, а заупокойные приношения включают медные и серебряные украшения, бусы, в том числе из лазурита и сердолика; сосуды чаще всего стоят у головы захороненных. По составу погребального инвентаря могилы слоя III выгодно отличаются от предшествующих. Отмечены ромбические подвески из лазурита, точно соответствующие таким же из царских гробниц Ура, так что захоронения слоя IIIА датируются примерно серединой III тысячелетия до н. э.⁶⁹

В фазе IIIС отмечается частичное запустение могильника (по С=14: 1920±200 до н. э.), затем, после длительного перерыва, в VII—VI вв. до н. э. жизнь на Тюренг-Тепе возобновляется.

Как видно, сведения о древних захоронениях Горганской долины еще недостаточны для

общих заключений, так что в этом отношении выгодно отличается Тепе-Гиссар, наиболее полно исследованное поселение Северо-Восточного Ирана. Выделено три хронологических периода в жизни поселения — Гиссар-I, II, III с более дробными подразделениями внутри каждого из них⁷⁰. В результате работ двух полевых сезонов на Тепе-Гиссар обнаружено 1647 захоронений, так что по количеству погребений это поселение занимает едва ли не первое место среди известных одновременных памятников Ирана. В специальную обработку попали 782 погребения, обнаруженных в результате раскопок второго полевого сезона, но при общих выводах и заключениях учитывались наблюдения, сделанные в процессе обработки всех костяков⁷¹. Из общего числа захоронений в статистическую обработку включено 599 скелетов, что дает относительную картину погребальных обрядов. Так, для самого раннего слоя Гиссар-I учтено 144 захоронения, которые распределяются по более мелким фазам в следующем виде: Гиссар-IA — 41, Гиссар IB — 12 и Гиссар IC — 91.

Все костяки найдены ниже полов вскрытых строительных горизонтов, каких-либо специальных погребальных конструкций встречено не было; некоторые могилы сохранили следы от тростниковых циновок. За небольшим исключением скелеты лежат на правом боку (единичные на спине), скорченные, положение рук различно. Показательна достаточно выдержанная юго-западная и северо-западная ориентировка, что, по Е. Шмидту, может указывать на связь погребальных ритуалов с положением солнца⁷². Отмечается также, что в противовес многим памятникам Древнего Востока в слое Гиссар-I количество взрослых покойников даже несколько преобладает над детскими, причем в последующие периоды это соотношение становится еще более показательным. Точно так же мужские скелеты преобладают над женскими в отношении 1 : 3, что в целом достаточно устойчиво прослеживается в последующие периоды. Выдвинуто предположение о возможности существования полиандрии у обитателей Тепе-Гиссара.

Погребальный инвентарь у мужских и женских скелетов практически распределяется поровну и включает керамические сосуды, медные булавки, печати-амулеты, бусы, ожерелья, браслеты, диадемы. Как правило, погребальный инвентарь находился в головах; кинжалы отмечены только в захоронениях мужчин.

В выше лежащем слое Гиссар-II обнаружено 209 погребений, из которых на переходный слой

⁶⁶ Wulsin F. Excavations at Tureng-Tepe.— «Supplement to the Bulletin of the American Institut for Persian Art and Archaeology», 1932, v. II, N 1.

⁶⁷ Deshayes J. Ceramiques Peintes de Tureng-Tepe.— «Iran», 1967, v. V.

⁶⁸ Deshayes J. Rapport Preliminare sur les deux Premiae les Campagnes de Fouilles a Tureng-Tepe.— «Syria», 1963, v. XL.

⁶⁹ Deshayes J. New Evidence for the Indo-Europeans from Tureng-Tepe, Iran.— «Archaeology», 1969, v. 22, N I, p. 14—15.

⁷⁰ Schmidt E. Tepe-Hissar Excavations, 1931.— «Museum Journal», 1933, v. XXIII; Schmidt E. Excavations at Tepe-Hissar...

⁷¹ Schmidt E. Excavations at Tepe-Hissar..., p. 301.

⁷² Там же, с. 64.

IIA падает 91. По Е. Шмидту, в этот период еще живо чувствуются погребальные традиции предшествующего времени. Преобладает труположение на правом боку; как и раньше, отмечается преимущественно западная (северо-западная и юго-западная) ориентировка. Вместе с тем уже в конце периода IIA наблюдаются изменения, наиболее четко проявляющиеся в период IIВ. В первую очередь это касается ориентировки умерших, практически одинаковой по всем осевым направлениям, причем такое положение отмечается вплоть до конца существования памятника.

Погребальный инвентарь включает сосуды, печати, украшения; оружие встречено опять-таки лишь в мужских захоронениях. Выделяется серая керамика из могил, аналогичная найденной в строительных горизонтах слоя IIA. Хотя эта керамика связывается с приходом нового населения, в могилах она встречена вместе с традиционно местной расписной посудой. Как и раньше, погребальные приношения преимущественно располагаются около головы.

Захоронения слоя Гиссар-II, как и предшествующие, располагаются на заброшенных участках поселения. Наряду с погребениями в простых могильных ямах, особенно в слое IIA, впервые отмечены прямоугольные цисты из сырцовых кирпичей.

Следующий и финальный период в жизни поселения (слой Гиссар-III) вскрыт на много большей площади, чем два предшествующих. Только во второй раскопный сезон в верхнем слое Тепе-Гиссар было выявлено 429 захоронений, которые распределяются по субфазам в следующем количестве: Гиссар-IIIА — 106, Гиссар-IIIВ — 280 и Гиссар-IIIC — 43. Как правило, все скелеты скорченные, положение на левом боку (в слоях IIIА и IIIВ) несколько выше, чем на правом. Ориентировка покойников различная; мужские захоронения явно преобладают над женскими. Покойники преимущественно погребены в обычных ямах, в ряде случаев можно предполагать, что трупы были обернуты в материю.

Хотя погребальный инвентарь могил слоя IIIА не отличается от предшествующих захоронений и обычно включает сосуды и личные украшения, погребения двух вышележащих фаз выгодно отличаются богатством заупокойных приношений. Так, в могилах слоя IIIВ, кроме многочисленной керамики, встречено оружие (в основном кинжалы и наконечники копий) и разнообразные личные украшения, а в слое IIIC — металлические и алебастровые сосуды, огромное количество бус, изготовленных из различных поделочных камней, фигурные наперстки булавы, металлические печати, изделия из золота и серебра. В целом погребальные прино-

шения слоя Гиссар-IIIC не только отличаются разнообразием и богатством, но и высоким художественным исполнением, особенно изделия из камня и металла.

Известных могил периода Гиссар-IIIC сохранилось слишком мало, чтобы делать общие выводы, однако именно в это время обнаруживаются наиболее показательные параллели с материалами Бактрии эпохи поздней бронзы. Для нашей темы особый интерес имеет то обстоятельство, что именно в эту пору здесь появляются фигурные металлические жезлы, алебастровые миниатюрные «колонки», ограниченная группа красноощенной керамики, что, как предполагают, может указывать на принадлежность Гиссара-IIIC выходцам извне.

Отметим, что все эти признаки характерны как для южнотуркменистанских памятников периода Намазга-VI, так и для бактрийских. Тем самым намечается линия связей, по-видимому, племенных передвижений. Думается, что Гиссар как конкретный археологический памятник отмечает лишь один из промежуточных пунктов на предполагаемом пути племенных миграций, включавших также и Северо-Западный Иран. В этом отношении показателен грунтовый могильник Хурвин⁷³, погребальный инвентарь которого, в особенности сосуды со сложносоставными носиками, близко перекликается с керамикой эпохи поздней бронзы Южного Туркменистана и Бактрии. Очевидно, что отмеченные наблюдения лишь намечают ареал распространения сходных погребальных обрядов, конкретизация же представляется делом будущих открытий. Заканчивая наш обзор, можно сделать один определенный вывод: погребальные обряды Бактрии среди известных находят наиболее прямые соответствия в южнотуркменистанских эпохи поздней бронзы (Намазга-VI). Однако нет оснований усматривать между ними прямую генетическую взаимосвязь: думается, что, скорее всего, существовал промежуточный центр, находившийся в мало изученных еще областях Северного и Восточного Ирана.

§ 7. Керамическое производство

Следы керамического производства в виде остатков гончарных печей отмечены на многих памятниках, однако, к сожалению, все они сохранились очень плохо. Тем не менее некоторые данные о конструкции гончарных горнов дают соответствующие материалы из Фарукабадского оазиса. Одна такая печь была выявлена на поселении Фарукабад-1; от нее сохрани-

⁷³ *Vanden-Berghe L.* La Necropole de Khurvin. Istanbul, 1964.

лась лишь сильно оплакованная внутри топка, впущенная в материковый такыр и имеющая в плане грушевидную форму размером 150×110 см, при глубине 140 см.

Остатки другой печи вскрыты были на Фарукабад-2, где также сохранилась лишь топка, впущенная в материковый такыр. В плане она имеет округлую форму (150×140 см, при глубине 160 см), а внутри топки среди надувного песка встречены сильно обожженные глиняные плитки обмазки с круглыми отверстиями от былых продухов.

Обе печи относятся к типу двухъярусных гончарных горнов, у которых обжигательные камеры располагаются над топкой; горячий воздух через продухи из топки попадал в камеру обжига, где стояли приготовленные для обжига полуфабрикаты.

На юге страны, в Мундигаке, встречены горны трех конструкций: в слое Мундигака-I еще примитивные, овально-вытянутые, с двумя отделениями, расположенными по горизонту, но уже в Мундигака-IV сосуществуют как круглые с опорным столбом в центре, так и с продольной стенкой внутри топки⁷⁴. Отметим, что близкий тип развития гончарных печей дают памятники Южного Туркменистана, где на смену простым печам энеолитического времени приходят сложные двухъярусные горны как со столбом, так и с продольной стенкой внутри топки⁷⁵. Этот тип печей достаточно широко представлен в культурах эпохи бронзы Юго-Западной Азии, но полнее всего они исследованы в Туркменистане⁷⁶.

Некоторое отличие североафганских печей — в отсутствии опорного столба, что, скорее всего, объясняется сравнительно малыми размерами горнов, когда имелась возможность устройства сводчатого перекрытия со сквозными продухами, как это установлено для гончарных горнов Южного Туркменистана⁷⁷.

В настоящее время лучше всего изучена керамика эпохи поздней бронзы, но лишь на материалах Давлетабадского оазиса удалось выделить два этапа: тикарский и гирдайский. Посуда тикарского этапа практически ничем не отлична от дашлинской, которая, в свою очередь, дает наиболее полное представление о керамическом производстве Бактрии эпохи поздней бронзы. Иначе обстоит дело с посудой гирдайского этапа, находящей наиболее пока-

зательные из известных аналогии в керамике Южного Туркменистана. Гирдайский комплекс керамики, в отличие от более позднего, характеризуется не плавными округлыми линиями профиля сосудов, а общей угловатостью, остросереберностью, отогнутыми наружу венчиками, т. е. всеми теми признаками, которые характерны для посуды комплекса Намазга-V⁷⁸.

При несомненном общем сходстве, думается, что гирдайский керамический комплекс более соответствует посуде времени позднего Намазга-V, когда исчезают сосуды биконических форм, на смену которым приходят горшкообразные, более вытянутые пропорций⁷⁹, а угловатые, остросереберные перехваты принимают все более мягкую общую профилировку; широко используется техника частичного лощения. Вместе с тем имеются и отличия, что в первую очередь подчеркивается наличием в гирдайском комплексе вытянутых цилиндрических сосудов с подтреугольными в разрезе венчиками, формы, неизвестной в пределах Туркменистана⁸⁰. В целом же этот комплекс является наиболее ранним в пределах Северного Афганистана, а из известных материалов прямые аналогии представляет южнотуркменистанская посуда типа позднего Намазга-V, что не идет ни в какое сравнение с синхронными комплексами соседнего Ирана.

Переходя к керамическому комплексу эпохи поздней бронзы Северного Афганистана, следует указать, что наиболее полное и целостное представление дает посуда, происходящая из могил и особенно с Дашлы-3. Поскольку многие из предметов несут следы употребления в быту, а главное находят точные аналогии в керамике из раскопок, то есть все основания составить таблицу форм керамики, основываясь на сосудах, происходящих из могил. Вся посуда подразделяется на гончарную и лепную (ограниченную группу составляет сероглиняная), причем решительно преобладает гончарная. Глина ее без видимых примесей (от красного до розового цвета), хорошего качества и обжига. Посуда по преимуществу тонкостенная, изящных форм и пропорций, покрыта светлыми тонами ангоба, в редких случаях сплошь окрашена густой красной облицовкой. Характерная

⁷⁴ Casal J. M. Fouilles de Mundigak..., fig. 47.

⁷⁵ Сарияниди В. И. Керамическое производство древнемаргианских поселений.— ТЮТАКЭ, 1957, т. VII.

⁷⁶ Delcroix G., Huot I. L. Les Fours Dits «De Potier» Dans L'Orient Ancien.— «Revue Syria», t. XLIX, 1972, fasc. 1—2, p. 35—95.

⁷⁷ Масимов И. И. Изучение керамических печей эпохи бронзы на поселении Улуг-Тепе.— В кн.: Каракумские древности, вып. V. Ашхабад, 1972, с. 39, рис. 3.

⁷⁸ Масимов В. М. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина.— ТЮТАКЭ, 1956, т. VII, табл. XXVII, 2; он же. Раскопки на Алтын-Тепе в 1969 г. Ашхабад, 1970, рис. 8, 8, 9, 11; Масимов И. И. Изучение керамических печей..., рис. 4, 10—21.

⁷⁹ Масимов И. И. Изучение керамических печей..., с. 41; Масимов В. М. Раскопки на Алтын-Тепе..., с. 12—13.

⁸⁰ Ср. похожие венчики в Мундигаке (см.: Casal J. M. Fouilles de Mundigak..., fig. 107, N 534; fig. 120, N 640).

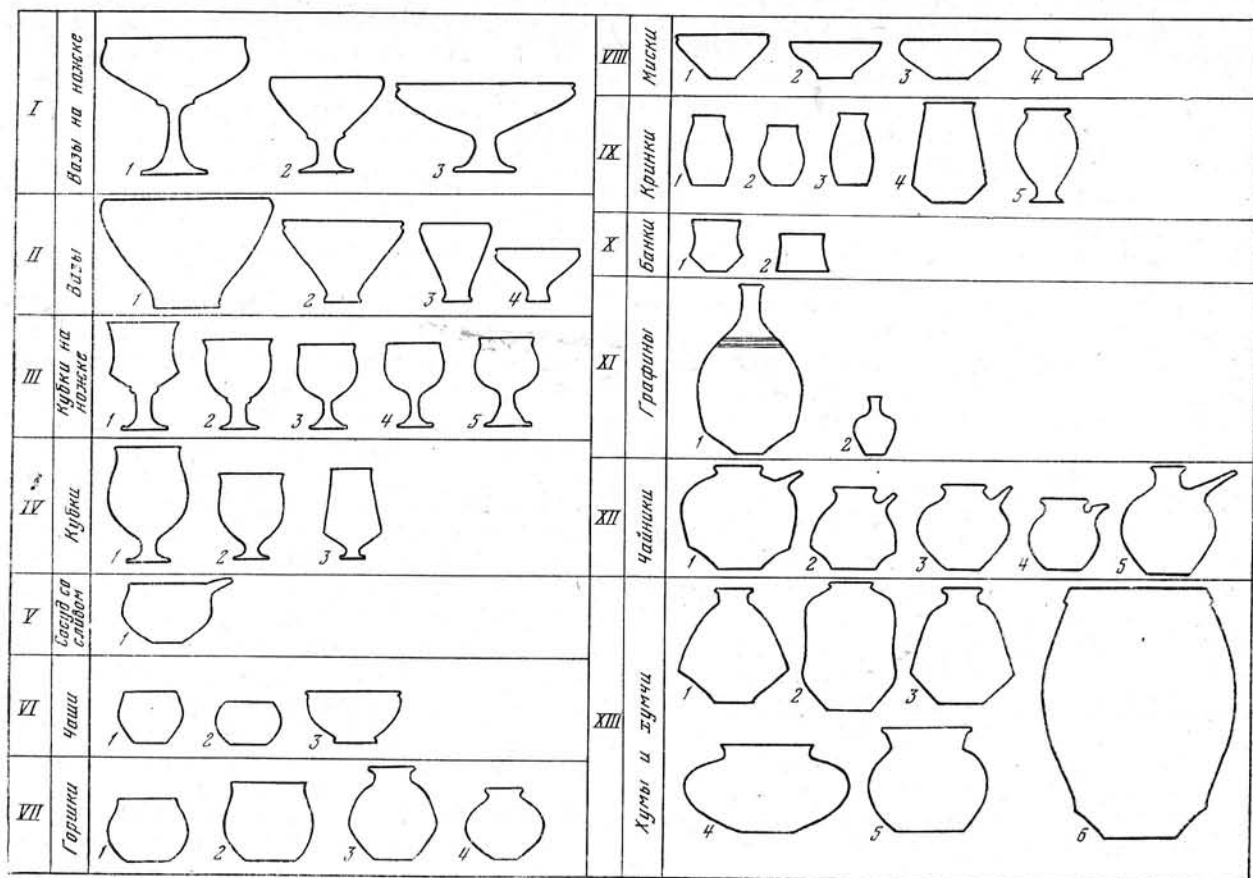

Рис. 25. Основные формы керамики

технологическая деталь — срез на донцах в виде вихревой розетки — применялась гончарами не только Северного Афганистана, но и Пакистана и южных областей Средней Азии эпохи бронзы. Ниже приводится типология основных форм керамики эпохи поздней бронзы Бактрии.

Вазы на ножках имеют конические, или полусферические резервуары, посаженные на высокие (не менее 3 см) ножки-подставки. Как правило, у крупных экземпляров резервуары и ножки изготавливались отдельно и лишь затем соединялись вместе. Ножки обычно полые внутри, у крупных экземпляров раструбообразные. 1). Венчики либо плавно отогнуты наружу, либо, наоборот, загнуты внутрь; у отдельных экземпляров представлены сложнопрофилированные венчики; 2). На некоторых вазах отмечено как красное, так и почти черное красочное покрытие; 3). Вазы на ножках имели широкое назначение, в том числе и в качестве обычной бытовой посуды для еды.

Вазы простые близко напоминают вышеописанные: они имеют коническое тулово, переходящее в цилиндрическое основание, высота

которого не превышает 3 см. Венчики их обычно слабо отогнуты наружу, поддоны выделены. Как правило, диаметр венчиков больше, чем высота. В единичных случаях имеются вазы, в которых, наоборот, высота больше, чем диаметр венчиков, и в таком случае их можно обозначить как «конические» вазы. Наряду с такими выделяются много больших размеров, чем обычные, которые для удобства можно обозначить как «глубокие» вазы.

Кубки на ножках представлены несколькими вариантами внутри одного типа. Наиболее распространены кубки с глубокими полусферическими резервуарами, посаженными на длинные ножки высотой не менее 3 см; реже встречаются кубки с вертикально поставленными стенками. Большинство их покрыто красноватым ангобом или окрашено с обеих сторон цветной облицовкой густого ярко-красного цвета. На отдельных образцах имеется частичное лощение, обычно горизонтальное или вертикальное. Кубки на ножках, скорее всего, предназначались для питья.

Кубки простые отличаются от вышеописанных лишь тем, что ножки их не превышают высоты 3 см. Как правило, они имеют полусферические резервуары с плавно отогнутыми наружу венчиками. Исключение составляет один

сосуд с расширяющимся книзу резервуаром и условно отнесенный к этому типу сосудов.

Сосуды со сливами имеют полусферический резервуар с вытянутым вперед и несколько приподнятым вверх лоткообразным сливом. В дальнейшем, возможно, целесообразнее будет условно обозначить их как «соусники».

Чаши. Наиболее распространены тонкостенные, светлоангобированные чаши со слабо выраженным венчиком, переходящим в расширяющуюся шейку и затем округлое тулово. Среди этого типа сосудов выделяются полусферические чаши со сложнопрофилированным венчиком, а главное — выделенным поддоном.

Горшки представлены сосудами средних размеров (высотой не более 30 см) двух основных вариантов: 1) плавно отогнутые венчики переходят в округлое тулово, заканчивающееся плоским дном; 2) сосуды более вытянутых пропорций с выделенным горлом, шаровидным туловом и подкошенной придонной частью с плоским дном.

Миски. Тонкостенные сосуды, у которых диаметр венчика всегда превышает высоту. Встречено несколько вариантов мисок: конические миски, миски с загнутым внутрь венчиком, плавно переходящими в суженный корпус, и миски с выделенным дном.

Кринки представлены несколькими формами, у которых высота всегда превышает диаметр венчика. Наиболее распространены кринки с отогнутыми венчиками и выделенными шейками, переходящими в округло-вытянутое тулово с плоскими днищами. В единичных экземплярах представлены кринки с подкошенными придонными частями и особенно кринки с выделенным дном.

Банки составляют весьма ограниченную категорию посуды. Могут быть выделены банки цилиндроконические и просто цилиндрические. Обе эти формы широко представлены в местной керамике последующего раннежелезного века.

Графины представлены всего несколькими целыми экземплярами. Все известные образцы — небольшие по размерам (до 25—30 см высотой), с высоким горлом и округлым туловом, переходящим в плоское дно. Выделяется много большими размерами один графин.

Чайники. Достаточно распространенная форма сосудов с характерным признаком — наличием трубчатого носика; при заметных различиях в размерах и деталях профилировки объединены в один тип по общему сходству назначения. Могут быть выделены два основных варианта: 1) чайники с подкошенной придонной частью. Подобная «шершавая» поверхность придонной части является характерным признаком этого типа чайников; 2) чайники с выделен-

ными шейками, округлыми туловами и плавным переходом к донцу.

Хумы и хумчи — крупные сосуды для хранения продуктов. При сходных формах основное различие заключается лишь в разных размерах: хумы — сосуды высотой свыше 0,5 м, хумчи — до 0,5 м. Видимо, «классическим» типом являются хумы яйцевидной формы с неустойчивым дном, свидетельствующим о том, что они закапывались в землю. Выделяются несколько вариантов этого типа сосудов: конические, цилиндроконические и шаровидные.

Наряду с основными формами имеются и единичные образцы, например, двойные сосудики и ситечки или сителки, керамические подставки. На части сосудов сохранились нацарапанные с разной степенью небрежности, но еще до обжига, знаки-метки, видимо, являющиеся оберегами. Близкие по начертанию знаки-метки известны в Иранском Сенстане (Шахри-Сохте)⁸¹ в слое IV Мундигака⁸², в Тепе-Яхья, где отмечено 87 типов знаков, в слое IV⁸³, в Белуджистане⁸⁴, в постхараппской цивилизации долины Инда⁸⁵, в Синде, на поселении Амри, начиная со слоя I⁸⁶, в Равгпуре⁸⁷ и в Юго-Восточной Туркмении⁸⁸. В. Файрсервис первый обратил внимание на них, отметил сходные знаки Кветты и Хараппы⁸⁹ и высказал мнение, что подобные знаки отражают систему общепонятных символов в виде торговых знаков, личного владения, мастера-изготовителя и даже благопожелания. Если эта гипотеза подтвердится, то можно расширить зону распространения общепонятных символов вплоть до Северного Афганистана. С другой стороны, показательно, что керамические знаки не отмечены ни в Гиссаре, ни в Сиалке, но имеются в Шах-Тепе⁹⁰ и, видимо, на других памятниках Горганской долины. Приведенные наблюдения достаточно четко очерчивают зону распространения керамических меток: от Восточного Ирана и до долины р. Ин-

⁸¹ Tosi M. Excavations at Shahri-Soktha. A. Chalcolithic Settlement in the Iranian Sistan.— «East and West», 1963, v. 18, N 1—2, p. 54.

⁸² Casal J. M. Fouilles de Mundigak, v. II. Paris, 1961, fig. 87, 93, 105.

⁸³ Lamberg-Karlovsky C. C. Excavations at Tepe-Jahja, Iran. Cambridge, 1970, gif. 18.

⁸⁴ Fairervis W. Excavations in the Quetta Valley, West Pakistan.— APAMN, 1956, v. 45, p. 328—329, pl. 14.

⁸⁵ Ср., например: Mackay E. Chanhi-Daro Excavations. New Haven, 1943, pl. XLVIII.

⁸⁶ Casal J. M. Fouilles d'Armi. Paris, 1964, fig. 46, 53, 61, 90 и др.

⁸⁷ Rao S. Excavations at Rangpur and other Explorations in Gudjarat.— «Ancient India», 1962, N 18—19, pl. LI.

⁸⁸ Массон В. М. Древнеземледельческая культура..., табл. V, VIII.

⁸⁹ Fairervis W. A. The Roots of Ancient India. New York, 1971, fig. 58.

⁹⁰ Arne T. J. Excavations at Shah-Tepe, pl. LXIV.

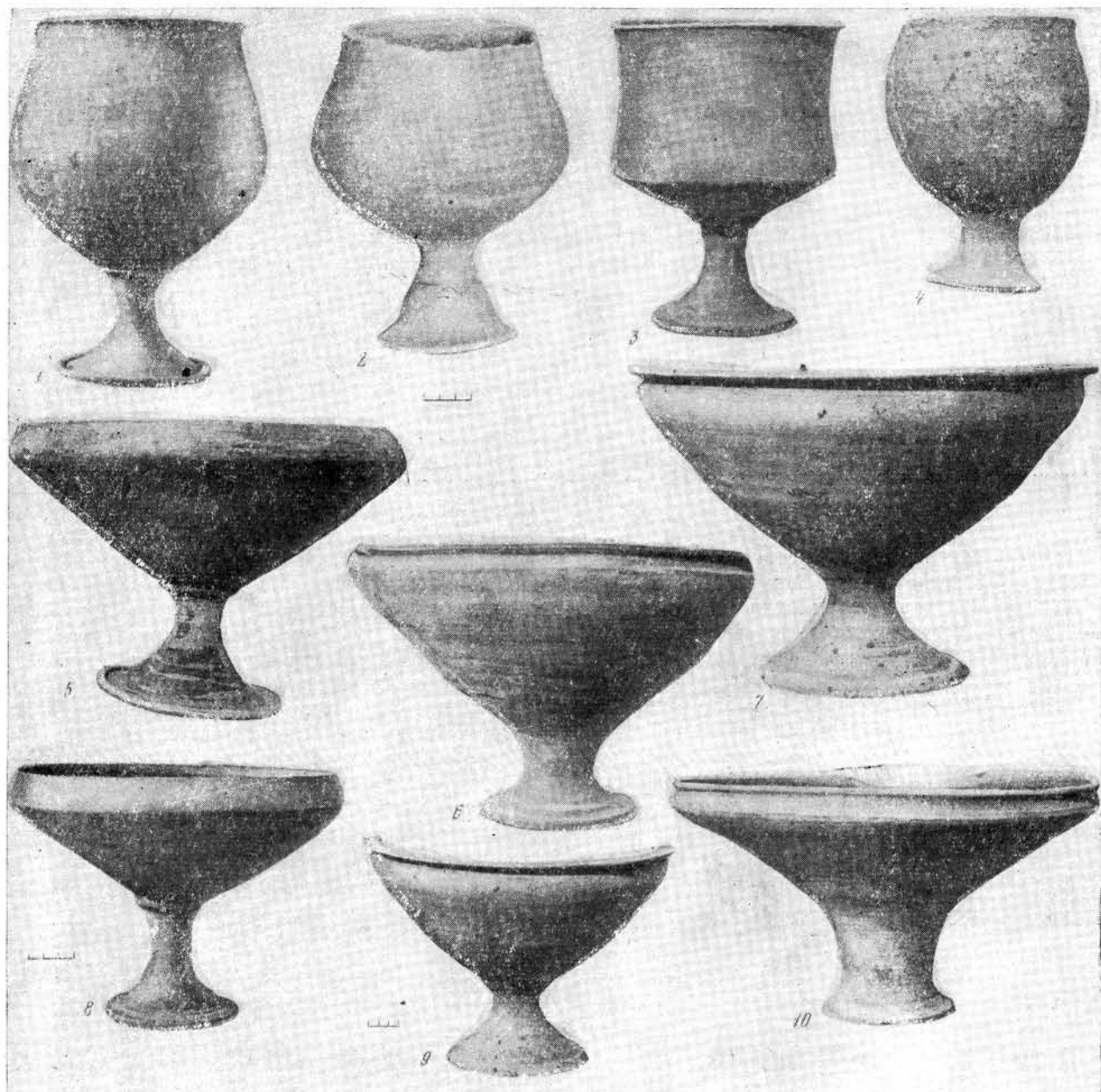

Рис. 26. Дашлы-3. Круглый храм. Керамика из погребений

да и от юга Средней Азии до Белуджистана. Показательно, что нацарапанные знаки распространяются здесь примерно в одно время — во II тысячелетии до н. э., что, возможно, не случайно.

Вторую группу керамики составляет немногочисленная лепная посуда: глина с примесью толченой керамики, обжиг неровный. Формы весьма ограничены и в целом повторяют гончарную керамику. Некоторое различие заключается лишь в том, что венчики непрофилиро-

ваны и всегда поставлены строго вертикально. Основные формы: хумчи, горшки, шаровидные котлы с резко отогнутым венчиком, жаровни (диаметром до 0,5 м) с невысоким бортиком; как правило, внутри имеются следы копоти. Ни на одном из них не отмечен какой-либо орнамент.

И, наконец, весьма ограниченную, но характерную коллекцию составляют фрагменты сероглиняной (в одном случае красноангобированной) посуды ручной лепки с пролощенным, чаще всего сетчатым орнаментом. Реконструируются следующие формы: полусферические чаши, широкогорлые кувшины, миски, чайники, графинчики, сосуды со сливами, находящие

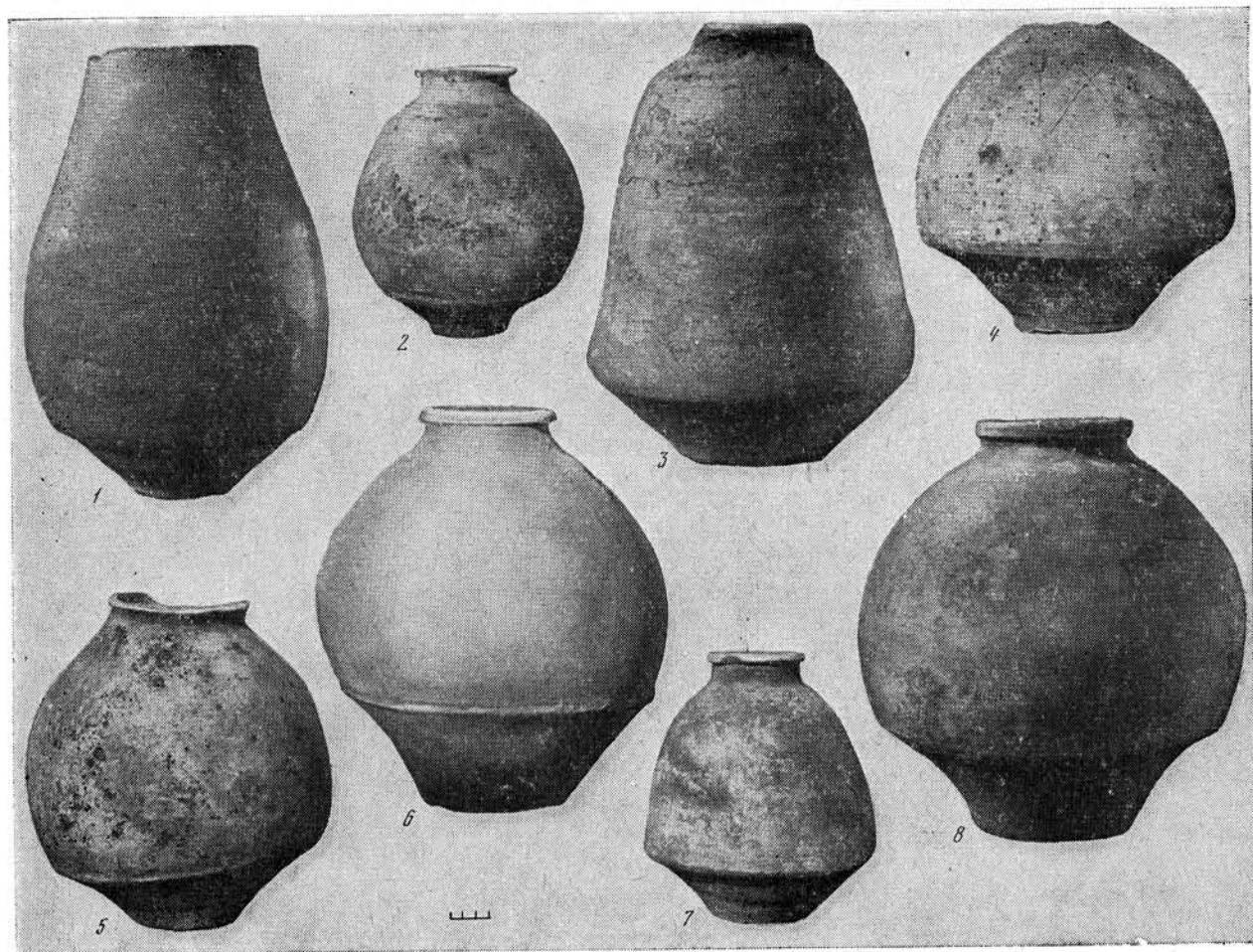

Рис. 27. Дашлы-3. Круглый храм. Керамика из погребений

прямые аналогии в керамике Северо-Восточного Ирана.

Бросается в глаза полное отсутствие ручек на сосудах, а также весьма бедная их орнаментация. Здесь следует отметить практику окраски сосудов в сплошной красный, иногда переходящий в черный (последнее связано с неправильным обжигом), в результате чего создавалась своеобразная красочная облицовка. Судя по характерным натекам на донцах ваз, перед обжигом они просто обмакивались в краску. Лощение, в том числе сетчатое, отмечено на немногочисленной и, как кажется, импортной серо- и красноглиняной посуде.

Уже отмечалось, что исключая нацарапанные знаки, другие орнаменты на посуде практически неизвестны. Некоторым исключением является нацарапанный рисунок лебеда (?) на обломке сосуда с Дашлы-3 и волнистый нацарапанный орнамент, более характерный для позд-

него этапа рассматриваемого керамического комплекса.

Керамический комплекс Бактрии характеризуется таким высоким профессиональным мастерством и богатством форм, что с несомненностью предполагает предшествующую линию развития. Ближе всего этому соответствует керамика гирдайского этапа, а в более широком плане — керамический комплекс типа Намазга-V. Эта общность проявляется в сходной, светлофонной фактуре черепков сосудов, в отличие от Северо-Восточного Ирана, который представлял собой в это время зону распространения серой лощеной посуды. Налицо сходство, отражающее общие керамические традиции, пока еще прослеживаемые в общей форме. Вместе с тем в эпоху поздней бронзы в Северном Афганистане и Южном Туркменистане распространяются новые формы сосудов, связанные с керамическим искусством сопредельных областей. Сразу отметим, что в качестве основных сравниваемых форм принимаются во внимание в первую очередь вазы на ножках, вазы простые, сосуды со сливами (соусники), в меньшей степени —

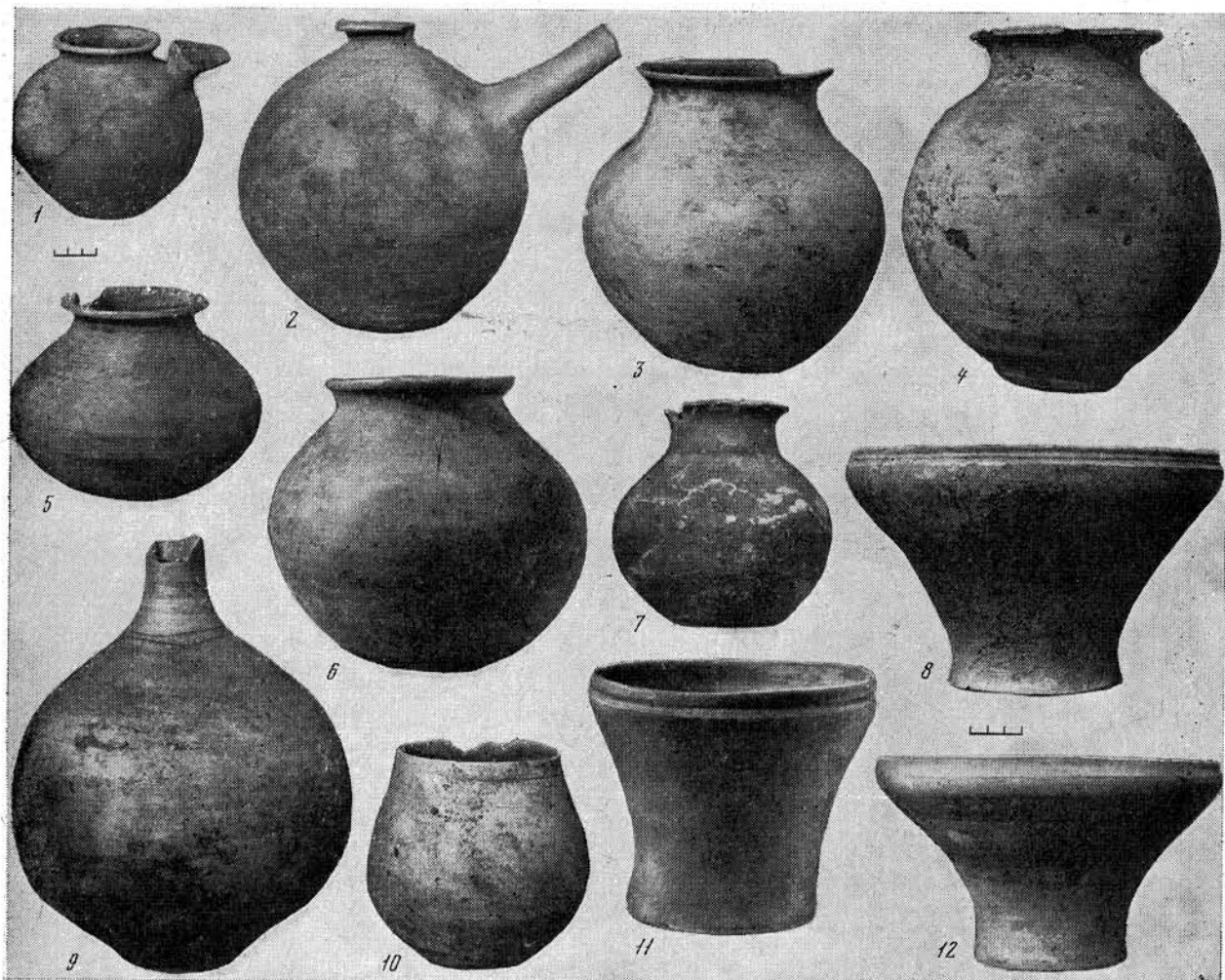

Рис. 28. Дашлы-3. Круглый храм. Керамика из погребений

хумчи с резко подкошенной придонной частью. Добавим, что вазы на ножках известны в Месопотамии, Малой Азии, островной и материковой Греции. Высказано малообоснованное мнение о проникновении этой формы из Прикаспия в Северную Месопотамию, Северную Сирию, Анатолию и на Балканский полуостров⁹¹.

Но наиболее прямые, если не идентичные комплексы происходят из Южного Узбекистана⁹² и древней Маргианы⁹³. В настоящее время здесь выявлены новые, еще не опубликованные материалы, дополняющие и подтверждающие указанное сходство бактрийско-маргианских керамических комплексов⁹⁴. Ограничен-

ные масштабы раскопок слоев времени Намазга-VI предгорий Копет-Дага препятствуют уточнению их взаимной близости. Тем не менее раскопки на Анау⁹⁵, Улуг-Тепе⁹⁶, Намазга-Тепе (вышка) и Теккем-Тепе⁹⁷ и особенно могильника Янги-Кала⁹⁸ дают основания предполагать близкий керамический комплекс.

С другой стороны, становится очевидным, что при генетической связи керамических комплексов Намазга-V и VI в последний период отмечается не простое эволюционное огрубление традиционно местных форм, а налицо влияние керамического искусства соседнего Ирана⁹⁹. Как будет показано, эти новшества, падающие на

⁹¹ Arne T. J. Excavations at Shah-Tepe, p. 239—240.

⁹² Аскарлов А. А. Сапалли-Тепе..., табл. 12—21.

⁹³ Массон В. М. Древнеземледельческая культура...

⁹⁴ Сарияниди В. И. Древности...; он же. Новые открытия в дельте Мургаба.— АО 1974 г. М., 1975.

⁹⁵ Pumpelly R. Explorations in Turkestan, v. I—II. Washington, 1908.

⁹⁶ Сарияниди В. И., Качурис К. А. Раскопки на Улуг-Тепе...

⁹⁷ Хлопин И. Н. Раскопки на Намазга-Тепе.— АО 1967 г. М., 1968; Щегенко А. Я. Раскопки Намазга-Тепе и Теккем-Тепе.— АО 1970 г. М., 1971.

⁹⁸ Ганелин А. Ф. Погребения...

⁹⁹ Сарияниди В. И. Бактрия в эпоху бронзы...

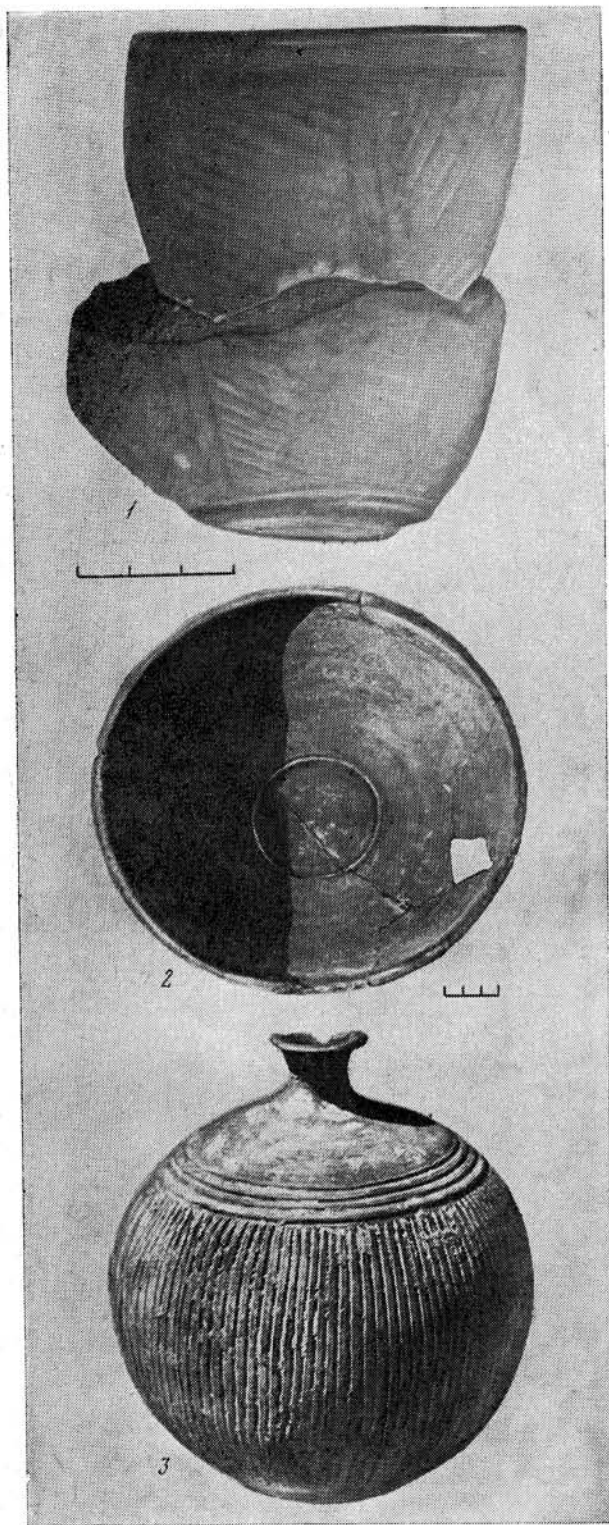

Рис. 29. Сероглиняная керамика из Дашлы-1 (1, 2) и разграбленных могил дашлинского оазиса (3)

эпоху поздней бронзы, не ограничиваются лишь воздействием керамического ремесла, а прослеживаются и в других областях материальной и духовной культуры.

В Северо-Восточном Иране¹⁰⁰ керамика периодов Шах-Тепе-II, Тюрениг-Тепе-III и Гиссар-III также обнаруживает близкие соответствия с североафганской. Двигаясь далее на юг, отметим, что Центральный Иран не обнаруживает сколько-нибудь близких соответствий, примером чего может служить Тепе-Сиалк. Минувя совершенно не исследованный Иранский Хорасан, отметим, что вазы на ножках и керамические подставки имеются лишь на крайнем юго-западе, в Чога-Занбил¹⁰¹. Зато уже в долине Бампура (могильник Хураб) встречены захоронения, в которых наряду с местной расписной посудой встречена и нерасписная. Особого интереса заслуживают три могилы, расположенные близко к поверхности и, вероятнее всего, относящиеся к заключительному периоду в истории существования поселения. Здесь встречены обломки десятков нерасписных сосудов, среди которых имеются такие типичные формы, как вазы и кубки на высоких ножках. А. Стейн первый обратил внимание на эту посуду, выделив ее как «необычную» среди типично местной расписной керамики¹⁰², что представляется вполне обоснованным. В Южном Белуджистане также встречены вазы на высоких ножках, происходящие из таких памятников, как Суткаген-Дор¹⁰³ и особенно из разветренных могил поселения Мехи¹⁰⁴, где весь набор погребального инвентаря, включающий, помимо ваз, также зеркала, браслеты и булавки¹⁰⁵, настолько близок североафганским материалам, что исключает элементы случайного сходства. Соответствующая керамика известна в хараппской цивилизации, а в последние годы отмечена еще далее на восток вплоть до Центральной Индии (посуда типа Мальва)¹⁰⁶. Как видно, область распространения некоторых сходных керамических форм хотя и весьма обширна, но не заходит западнее ирано-афганистанской пограничной зоны¹⁰⁷.

¹⁰⁰ Arne T. J. Excavations at Shah-Tepe; Schmidt E. Excavations at Tepe-Hissar; Deshayes J. New Evidence...

¹⁰¹ R. Ghirshman. Tchoga-Zanbil, v. I, pl. XCVI, N 37, 38, 40.

¹⁰² Stein A. Archaeological Reconnaissances in North-Western India and South-Eastern Iran. London, 1937, p. 120—121, pl. XV, N 278, 279.

¹⁰³ Stein A. An Archaeological Tour in Gedrosia.—MASI, 1931, N 43, pl. V—VIII.

¹⁰⁴ Там же, табл. XXX.

¹⁰⁵ Stein A. An Archaeological..., pl. XXXII.

¹⁰⁶ Sankalia H. D. Chalcolithic Navdatoli. Poona — Varoda, 1971, pl. XII.

¹⁰⁷ В Тепе-Яхья найдены лишь единичные обломки ваз (Lamberg-Karlovsky C. C. Excavations..., fig. 30) и совершенно отсутствуют они в Талли-Иблисе

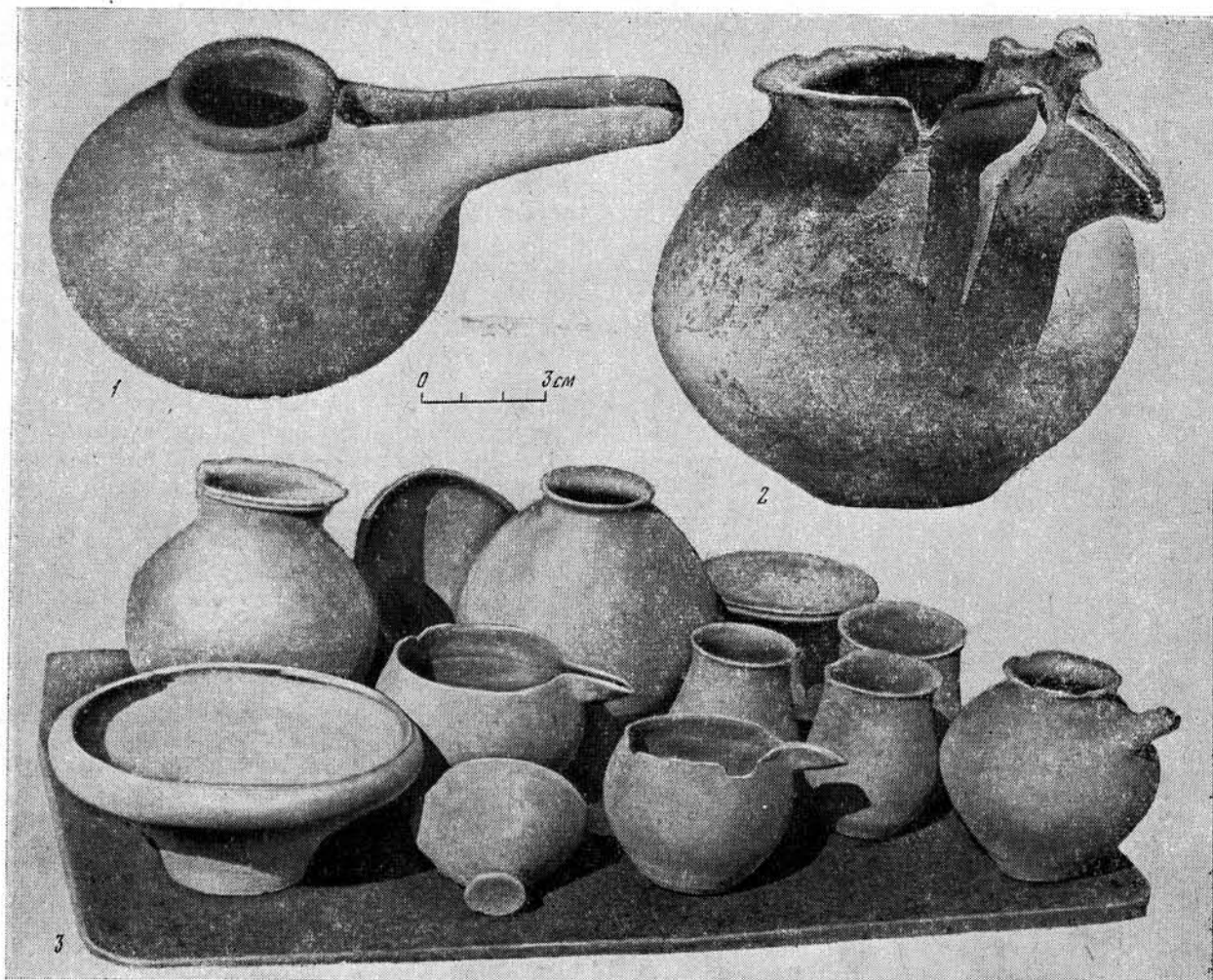

Рис. 30. Дашлинский оазис. Сосуды из разграбленных могил

Более сложен вопрос о механизме распространения этих специфических форм керамики в пределах очерченной зоны. Наиболее вероятным центром считается Северо-Восточный Иран, однако в последнее время ряд исследователей, особенно индийские археологи, предполагают более обширный западноазиатский источник происхождения. Так, сосуды со сливами известны в культуре Мальва и Иране, но пока неизвестны в промежуточной зоне Инда и Белуджистана¹⁰⁸. И, видимо, прав Х. Санкалия, определяя эту специфическую керамику (вазы, соус-

ники) как местную, но изготовленную под иранским или западноазиатским влиянием¹⁰⁹. Более того, допускается, что эти специфические формы Гиссара — Сялка — Гяйна, с одной стороны, и индийские — с другой, относятся к разному времени, так что можно предполагать промежуточный источник общего происхождения¹¹⁰. Не совсем ясным остается и вопрос о происхождении такой характерно харапской формы, как «вазы для фруктов». Они встречены как в могильниках, так и на поселениях (Хараппа, Мохенджо-Даро), причем, как правило, резервуар этих ваз всегда несколько уже, чем раструбы ножек¹¹¹. Одни специалисты рассматривают их как следствие иранского влияния,

(Caldwell J. Investigation at Tal-i-Iblis. Illinois, 1967); даже в таком хорошо изученном памятнике, как Тепе-Гяйна, известна лишь одна ваза на ножке, явно импортная (Contenau G., Ghirshman R. Fouilles du Tepe-Gijan. Paris, 1935, pl. 9, tomb. 7).

¹⁰⁸ Sankalia H. D. Spouted Vessels from Navda-Toli and Iran. — «Antiquity», 1955, N 114, p. 112—114.

¹⁰⁹ Sankalia H. S. Chalcolithic..., p. 410—415, pl. XII.

¹¹⁰ Sankalia H. D. New Light on the Indo-Iranian or Western Asiatic Relations between 1700—1200 B. C. — «Artibus Asiae», v. XXVI, N 3/4, p. 312—331.

¹¹¹ Wheller R. Harappa 1946: The Defences and Cemetery R-37. — «Ancient India», 1947, N 3, fig. 11 u 12.

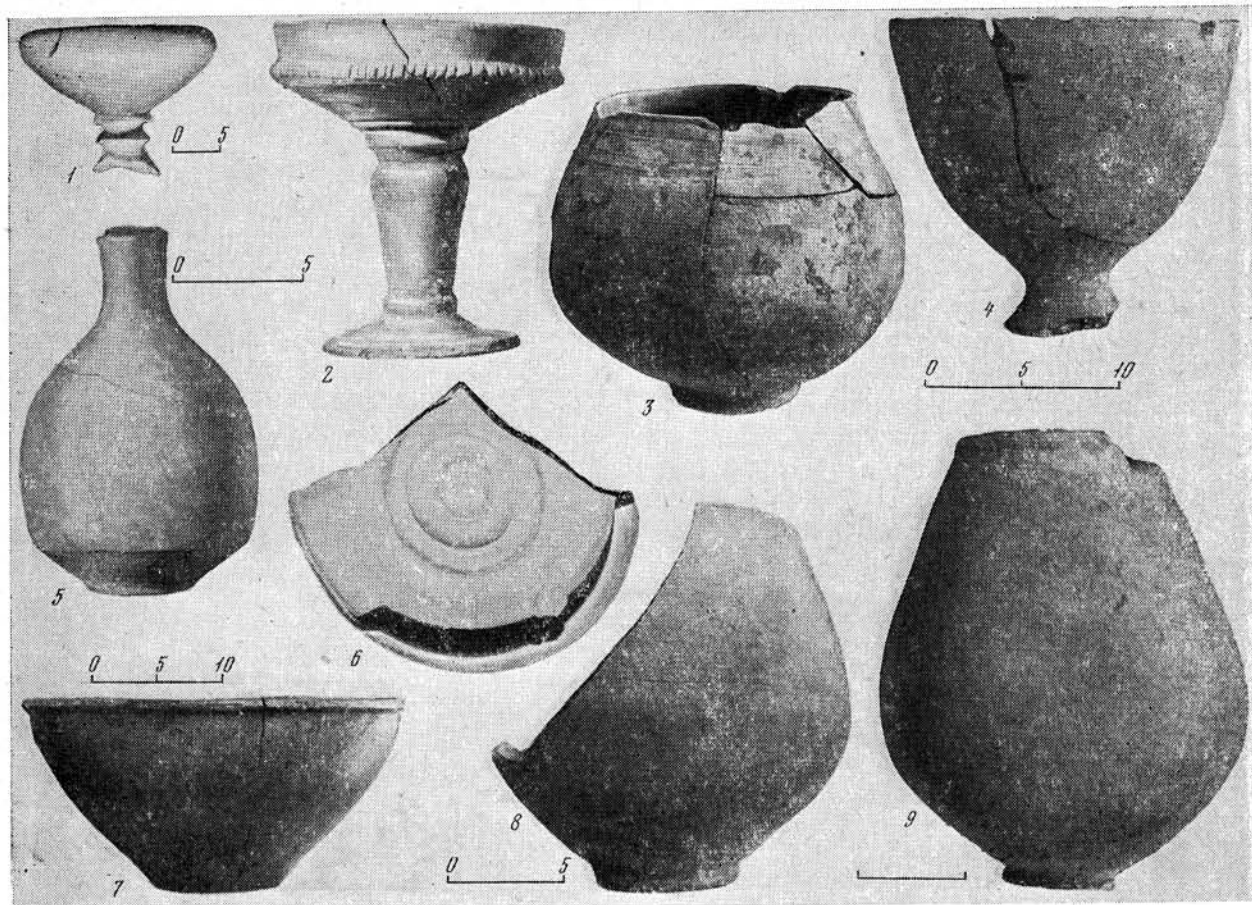

Рис. 31. Керамика из разрушенных могильников. Дашлы-17 и Дашлы-19

другие — как местное, белуджистанское¹¹². Добавим, что известны они теперь и в дохарапских слоях долины Инда (Кот-Джи)¹¹³ и Синда (Амри)¹¹⁴, однако и в этом случае не исключена их взаимная западноазиатская общность, восходящая к периоду до становления городской цивилизации в бассейне Инда¹¹⁵.

Наконец, в долине Свата получены новые обширные материалы, в том числе относящиеся ко II тысячелетию до н. э. Благодаря исследованиям Г. Стакул для этого региона впервые установлена периодизация, состоящая из семи периодов. В периоде IV отмечается появление ваз на высоких ножках, которые значительно шире представлены в следующем периоде V¹¹⁶.

¹¹² Piggott S. Prehistoric..., p. 193—194.

¹¹³ Khan F. A. Excavations at Kot-Diji.— «Pakistan Archaeology», 1965, N 2, fig. 14.

¹¹⁴ Casal J. M. Fouilles d'Amri, v. II, fig. 48, N 80; fig. 55, N 148.

¹¹⁵ Видимо, не случайно вазы на ножках из Белуджистана часто покрыты росписью, что свидетельствует о местной декоративной переработке привнесенных форм.

Если вопрос о происхождении рассматриваемых керамических форм на индийском субконтиненте не совсем ясен, то уже в соседнем Белуджистане и на крайнем юго-западе Ирана эта керамика настолько показательна, что может указывать на племенную инфильтрацию¹¹⁷. В самом деле, появление в долине Бампура, а затем в Макране нерасписной посуды специфических форм на фоне местной расписной керамики, восходящей к талибакунским керамическим традициям, указывает на интенсивные племенные передвижения. Поскольку подобные формы отсутствуют в Фарсе, но зато широко распространены в поясе Восточный Иран — Северный Афганистан — юг Средней Азии, то станет очевидным, что магистральная линия предполагаемых передвижений проходила именно в этом широтном направлении.

В настоящее время соответствующие стратифицированные материалы имеются лишь в

¹¹⁶ Stacul G. Excavations near Ghaligai (1968) and Chronological Sequence of Protohistorical Cultures in the Swat Valley (W. Pakistan).— «East and West», 1969, v. 19, N 1—2, fig. 18.

¹¹⁷ Ср.: Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. М.— Л., 1964, с. 225—226.

Южном Туркменистане и Северо-Восточном Иране. Уже Е. Шмидт отмечал, что хотя в целом формы посуды слоя Гиссар-I—II идентичны, распространение сероглиняной керамики специфических форм было навеяно керамическими традициями Горганской долины¹¹⁸. Действительно, именно в слое Гиссар-II появляются вазы на ножках, до определенной степени напоминающие североафганские, но находящие прямые аналогии в Шах-Тепе и Намазга-Тепе. В плане их взаимной синхронизации показательны вазы с гофрированными ножками Гиссар-IIВ¹¹⁹, находящие соответствия в слое III на поселении Шах-Тепе¹²⁰, в материалах позднего Намазга-IV, с Намазга-Тепе¹²¹ и Улуг-Тепе¹²².

В литературе уже отмечалась характерная форма вазы с непропорционально большой ножкой и маленьким резервуаром, известная в харапшской культуре Свата, Маргиане¹²³, а также в Гиссаре¹²⁴, но пока не отмеченная в Северном Афганистане. Вместе с тем сосульки появляются в Гиссаре не ранее слоя IIIВ и продолжают существовать в слое IIIС.

Из этих наблюдений можно сделать два вывода. Во-первых, в ирано-туркменистанском ареале исследуемые формы посуды появляются намного раньше, чем в Афганистане. В этом плане хронологический приоритет Северо-Восточного Ирана представляется бесспорным и документируется широким существованием ваз на высоких ножках начиная уже с периода Гиссар-IIIА¹²⁵.

Второе заключение касается достаточно широкого распространения исследуемого керамического комплекса, по-видимому, из общего центра в двух основных направлениях. Первый, северный путь ведет из древнего Ирана в Северный Афганистан и южные области Средней Азии. Второй, южный путь фиксируется вышеотмеченными материалами вдоль Персидского залива вплоть до Южного Белуджистана. Показательно, что ни Ширазский, ни большая часть Кирманского оазиса не обнаруживают подобных комплексов, во всяком случае так можно судить по полному отсутствию подобной посуды в керамической свите слоев Тали-Иблиса¹²⁶. С дру-

гой стороны, уже Тепе-Яхья, расположенное на крайнем юго-востоке Кирманской провинции, начиная со слоя Яхья-IVВ содержит сходную с североафганской керамикой, в том числе вазы на высоких ножках¹²⁷. Необходимо отметить, что эта категория посуды в слое VB представляет лишь небольшую группу среди местной расписной керамики. Однако уже в слое IVA расписная посуда составляет лишь 1%, причем достаточно широко распространяется серая лощеная керамика¹²⁸, а в слое III встречается явно импортная керамика¹²⁹, наряду с которой имеются фрагменты с волнистым прочерченным орнаментом. Последняя категория керамики прямо перекликается с позднедаштинской посудой и поздним Намазга-VI в Южном Туркменистане, так что предложенная корреляция соответствующих керамических комплексов подтверждается и хронологическими рамками: конец II — начало I тысячелетия до н. э.¹³⁰

Установленный факт намечает путь возможного проникновения керамического комплекса из Северо-Восточного Ирана вдоль современной ирано-афганской границы. Отметим, что предполагаемое сходство не ограничивается лишь соответствующими керамическими комплексами, а прослеживается и в металлических изделиях, и в типах украшений, и, что особенно важно, в древней сфрагистике, что исключает элемент случайного совпадения.

§ 8. Металлическое производство

Хотя стратифицированные медно-бронзовые изделия пока немногочисленны, они представлены весьма разнообразно. Для Южного Афганистана — это в основном находки из Мундигака и отчасти — из Саид-Кала. Так, бронзовое оружие представлено кинжалами и, возможно, наконечниками дротиков. Особого интереса заслуживает наконечник копья с плоским в разрезе лезвием и длинным черешком, нижняя часть которого имеет в разрезе прямоугольное сечение¹³¹. Орудия труда представлены проушными топорами и мотыгами¹³². Украшениями являлись длинные булавки с плоскими фигурными или би-

¹¹⁸ Schmidt E. Excavations at Tepe-Hissar, p. 112.

¹¹⁹ Там же, табл. XXV, № 5070.

¹²⁰ Arne T. J. Excavations at Shah-Tepe, pl. XLIV, fig. 317—319; pl. XLVI, fig. 328.

¹²¹ Masson V. M. Расписная керамика..., с. 306, табл. XXX, XXXII и др.

¹²² Неопубликованные материалы автора.

¹²³ Masson V. M. Древнеземледельческая культура..., с. 27, табл. IX, 3.

¹²⁴ Schmidt E. Excavations at Tepe-Hissar, pl. XXVI, H. 4782.

¹²⁵ Там же, табл. XXI, XXIII, XXV, XXVI.

¹²⁶ Caldwell I. Investigations...

¹²⁷ Lamberg-Karlovsky C. C. Excavations..., fig. 30, N; fig. 26, N, O, P.

¹²⁸ Там же, рис. 18.

¹²⁹ Там же, табл. 13.

¹³⁰ На наш взгляд, Г. Ламберг-Карловский, стремясь максимально удревнить эламское поселение на Тепе-Яхья, неоправданно отделяет период III от периода IV. Подробнее см. рецензию на эту книгу В. И. Сариянцди. — СА, 1972, № 1.

¹³¹ Casal J. M. Fouilles de Mundigak., fig. 40, N 23. Отметим, что близкий, если не идентичный, наконечник копья происходит из разграбленных могильников Северного Афганистана.

¹³² Там же, рис. 139, № 9, 10.

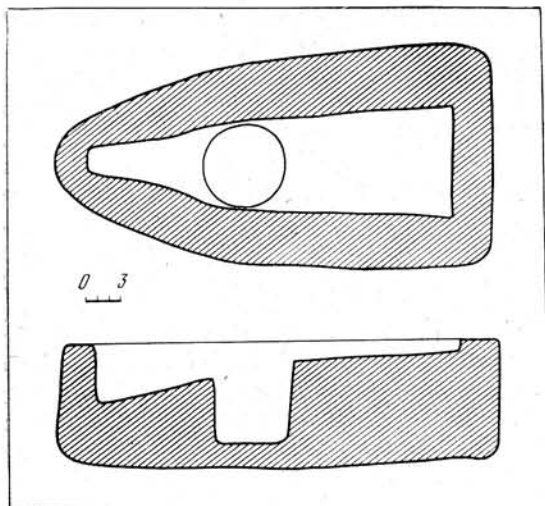

Рис. 32. Дашлы-3. Форма для отливки топоров

спиральными навершиями; в одном случае концы их закручены внутрь¹³³.

Для Северного Афганистана основные сведения о древнем металлическом производстве происходят с поселений Дашлинского оазиса, дополняемые непаспортизованными предметами из разграбленных могил древней Бактрии. Хотя косвенные данные о местном производстве металлических изделий имелись уже с первых лет работ САЭ, однако лишь раскопки дворцов культового комплекса на Дашлы-3 позволили конкретизировать это допущение на фактическом материале. Так, при раскопках северо-восточного фаса в заброшенном помещении во вторичном использовании был обнаружен горелый слой, состоящий из краснообожженной глины, золы, углей, мелких ноздреватых, тяжелых по весу глиняных комков, расплескавшегося металла. Не исключено, что здесь находилась печь для выплавки металла, о чем можно судить по находке глиняного ковша-тигля полусферической формы с массивной ручкой-стержнем. Сам тигель изготовлен из глины с большим количеством самана; внутри сохранился металл от невосстановленной до конца шихты. Эти факты свидетельствуют о местной выплавке металла.

На этом же памятнике внутри двора в помещении 51 была расчищена печь, состоящая из двух отделений; на полу — остатки расплескавшегося металла и глиняная форма для отливки топора-тесла. Если учесть, что по химическому составу металлические изделия полностью соответствуют руде и медным королькам, то можно предположить существование североаф-

ганского центра древней металлургии. Есть все основания думать, что почти на каждом поселении имелись свои мастерские по выплавке металла и металлообработке, что указывает не только на выделение ремесла, но и на разделение функций горняка-металлурга и литейщика-кузнеца, как это отмечено еще для неолитического периода соседнего Туркменистана¹³⁴. Существование специальных печей для выплавки руды и отливки готовых изделий указывает на полное выделение металлического производства в самостоятельную отрасль ремесла.

В лаборатории естественнонаучных методов проведено спектроскопическое (Е. Н. Черных) и металлографическое (Н. Н. Терехова) исследование металлических изделий с поселений Дашлинского оазиса. Кроме того, получена химическая характеристика медной руды, сохранившейся в тигле.

Таким образом, мы имеем возможность дать предварительную характеристику металла дашлинских поселений и сопоставить данные трех основных источников информации: исходного сырья, химического состава готовой продукции и технологии изготовления металлических изделий.

Как показало исследование, руда имеет полиметаллический характер. Наиболее существенной примесью является мышьяк (от 0,2 до 1%). На втором месте стоит свинец (от 0,1 до 0,7%). Обязательно присутствуют серебро и висмут, геохимически связанные со свинцом. Существенным диагностическим признаком являются повышенные концентрации золота (от 0,001 до 0,003%). Относительно высоки здесь и концентрации олова — примеси в медных рудах весьма редкой (в среднем 0,01%, а наивысшая — 0,1 — 0,2%). Бросается в глаза отсутствие примесей цинка. Один из образцов руды отличается от прочих определенной химической чистотой — здесь отсутствуют примеси (висмут, серебро и сурьма), а концентрации олова, свинца и мышьяка понижены.

Анализ самих металлических изделий показал, что по химическому составу они полностью соответствуют руде и медным королькам (капелькам меди), обнаруженным в не восстановленной до конца шихте тигля.

Большая или меньшая степень концентрации в готовых изделиях основных примесей (свинец и мышьяк) отражает общую геохимическую тенденцию эксплуатируемых рудопроявлений к концентрации того или иного элемента. Среди исследованных 111 образцов есть изделия (37 экз.), в химическом составе которых

¹³⁴ Терехова Н. Н. Металлообработывающее производство у древнейших земледельцев Туркмении. — В кн.: Очерки технологии древнейших производств. М., 1975, с. 41.

¹³³ Там же, рис. 139, № 4, 18; рис. 140, № 19, 20.

преобладает повышенная примесь мышьяка (от 0,5 до 2,0%, в одном случае — 3,0%, но не выше). Высокое содержание свинца — от 1,0 до 8,0%, а в двух случаях — более 10% — наблюдается в 31 изделии, из них 7 образцов содержат от 4,0 до 8,0% свинца. В 34 образцах, более чистых химически, концентрации мышьяка и свинца не превышают 0,5%, а остальные примеси содержатся в сотых и тысячных долях процента. При сопоставлении химической характеристики металлических изделий с функциональным их назначением не выявляется четкого, технологически целесообразного их соответствия как постоянного фактора. Так, среди изделий из высокосвинцовой меди с хорошими литейными свойствами есть и литые сосуды и кованые шилья, проколки, для механических свойств которых этот материал был не очень подходящим. Те же категории изделий встречаются и среди химически более чистых и среди мышьяковистых. Вместе с тем нужно отметить, что большая часть сосудов отливалась из свинцовой меди, а шилья и ножички изготавливались из меди с повышенной концентрацией мышьяка, который положительно влиял на механические свойства.

По всей вероятности, создавать сознательно искусственную, хорошо отработанную рецептуру сплавов литейщики еще не умели, однако эмпирически различали свойства сложных сплавов меди с мышьяком и свинцом, получаемых естественным путем из полиметаллических медных руд указанного состава.

Видимо, также было подмечено, что разные выработки на одном и том же месторождении давали разные по качеству руды, при выплавке из которых металл различался по своим свойствам. Исследование технологии изготовления металлических изделий подтверждает мысль о том, что хотя кузнецы-литейщики и не умели регулировать состав сплавов, однако хорошее знание свойств металлов, с которыми они работали, позволило выработать правильные технологические режимы их обработки.

Были изучены следующие категории изделий: сосуды (обломки), круглые стержни с утолщением на конце, шилья, проколки, иглы, небольшие ножи.

Основной техникой изготовления металлических изделий было литье. Отливались или сами изделия, или заготовки для них, которые не требовали значительной кузнечной доработки. Все сосуды отлиты. Из-за отсутствия целых форм, к сожалению, невозможно воспроизвести технику отливки. Только на одном из обломков виден литейный шов, свидетельствующий о том, что форма была разъемной.

Все стержни с утолщением на конце также отлиты. Их форма, состав металла и техноло-

гия отливки очень близки аналогичным изделиям с территории Южной Туркмении еще эпохи энеолита. Как и в Южной Туркмении, эти стержни отлиты в закрытой глиняной форме, сформованной по восковой модели. Положение их в форме было вертикальным, утолщенная часть находилась внизу, металл подавался с противоположной стороны. По окончании отливки форма разбивалась, верхний конец стержня чаще всего расковыривался в пластинку-лопаточку либо вытянуто-овальную, либо треугольную. Отливались они, скорее всего, целым блоком по несколько десятков штук, что подтверждается их большим количеством. Стержни, видимо, играли роль заготовок-прутков для изготовления кузнечным способом мелких изделий типа шильев, игл, проколки, небольших ножичков, а также, как это нам известно по южнотуркменским материалам, браслетов¹³⁵. Из них же делали булавки с различными спиральными наконечниками, которые выполнялись кузнечным способом: либо конец надрубался и две полоски закручивались в разные стороны, либо конец просто сворачивался в виде одной петли. Стержни, имеющие литое биконическое или коническое навершие и утолщенный конец, служили заготовкой для соответствующих булавок, заостренный конец которых формовался кузнечным способом.

Все исследованные шилья (четырёхгранные с упором, четырёхгранные обоюдоострые, узкие, четырёхгранные, переходящие в круглый черешок) и иглы выполнены кузнечным способом из литой заготовки-стержня. Форма заготовки не требовала длительной кузнечнойковки, что было очень важно, так как свинцовистая медь не выдерживала горячей деформации (растрескивалась), а длительная проковка в холодную с промежуточными отжигами была нецелесообразна.

Технологическая схема изготовления шильев и игл совпадает с южнотуркменской: от заготовки круглого стержня отрубался нужной длины кусок. Один конец его заострялся, другой либо притулялся, либо тоже заострялся, стержень слегка сплющивали, затем подрабатывали боковые грани. Эти операции производились в холодную, затем изделие отжигали и вновь слегка все проковывали в холодную. При желании часть стержня-заготовки оставлялась круглой (в сечении), а на одном из концов указанным способом формовалось четырёхгранное шило. Аналогична южнотуркменистанским образцам и техника изготовления режущих (небольших) орудий: литая заготовка-проковка

¹³⁵ Терехова Н. Н. Металлообрабатывающее производство..., с. 34—38.

входную или при низкой температуре, наклеп на лезвия, что повышало их твердость и давало возможность дольше после заточки сохранять высокие механические качества.

Металлографическое исследование печатей не проведено, однако можно предполагать, что они исполнены в технике, известной нам по образцам с Алтын-Тепе, Намазга-Тепе и других поселений Южной Туркмении — отливка в глиняной форме по восковой модели.

Оловянистая бронза встречается среди дашлинского металла так же редко, как и в Южном Туркменистане в памятниках эпохи Намазга-V—VI. Из всего исследованного материала только четыре изделия (сосуды) отлиты из этого сплава (содержание олова 4,0—7,0%).

Вместе с тем структурные особенности сплава, выявленные при исследовании под микроскопом, свидетельствуют о том, что это был непривычный, малознакомый литейщикам материал; отливки из него получались очень низкого качества. Хотя металлические изделия уже широко использовались в быту, металл был дорог, так что использованные орудия не выбрасывались, а переплавлялись. Доказательством служит находка не переплавленного до конца кинжала, едва ли не единственный пока образец подобного использования сломанных орудий.

В связи с рассмотренным металлом Северного Афганистана нелишне будет отметить его близкое сходство с металлом Южного Узбекистана. Здесь спектроаналитически исследовано около сотни изделий с поселения и могильника Сапалли-Тепе. Металл по химическому составу очень близок дашлинскому и отвечает химическому составу руды и меди из тигля с Дашлы-3.

Оценивая в целом металлургическое производство Афганистана эпохи бронзы, следует признать, что оно наиболее полно представлено соответствующими материалами севера страны (Дашлинский, Ничкинский и Фарукабадский оазисы). Вместе с тем, как показывают вышеприведенные лабораторные анализы, а также классификация самих изделий, они полностью входят в ареал распространения аналогичных изделий южных областей Средней Азии и Северо-Восточного Ирана, составляя общую металлургическую зону. Все сказанное дает право предполагать древнее металлургическое производство в Северном Афганистане и на смежных территориях. Данные Мундигака и отчасти Саид-Кала привлекаются в качестве дополнительных материалов, так как в целом по классификационным признакам они почти не отличаются от североафганских образцов.

В настоящее время из территориально близких регионов типологическая классификация

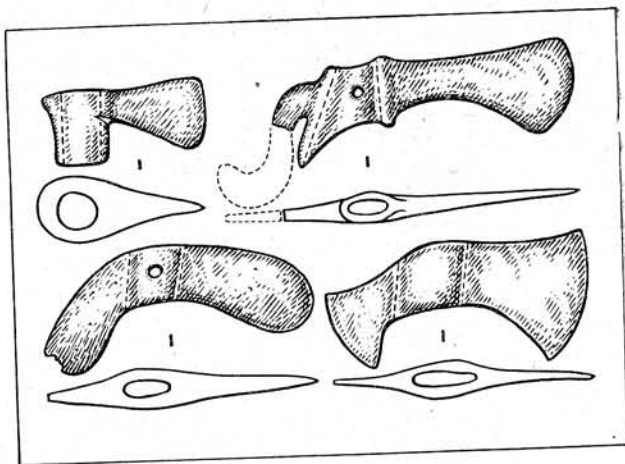

Рис. 33. Типы металлических топоров из разграбленных могил Бактрии

металлических изделий полнее всего разработана для Средней Азии¹³⁶, что, учитывая взаимное сходство многих типов изделий, дает возможность наметить их предварительную классификацию для Афганистана. В монографии Е. Е. Кузьминой с исчерпывающей полнотой проведено картографирование всех исследуемых категорий предметов с учетом известной температуры. Мы в нашем дальнейшем обзоре будем привлекать лишь новые сравнительные материалы, особенно в тех случаях, когда они заставляют заново пересмотреть или уточнить устоявшиеся в литературе точки зрения.

Наконец, помимо стратифицированных материалов в работе используются и соответствующие материалы из разграбленных могильников Дашлинского, Ничкинского и Фарукабадского оазисов, так как в большинстве они повторяют изделия, найденные при раскопках. Опыт предварительной типологии объединяет различные категории вещей, включающие орудия, оружие и украшения.

Топоры. Они представлены пятью типами (исключая один), общими для всего Афганистана.

Топоры клиновидные (тип I) обнаружены в слое Мундигака-III¹³⁷, а также в Белуджистане (Шахи-Тумп) и в долине Инда (Чанху-Даро), куда они, по общепризнанному мнению, были импортированы из Ирана. Известны они из разграбленных могил древней Бактрии. Два таких топора обнаружены в горном Таджикистане, что дало основание предположить их появление в Северо-Западной Индии под средне-

¹³⁶ Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии. — САИ, 1966.

¹³⁷ Casal J. M. Fouilles de Mundigak..., v. I, p. 107; v. II, fig. 139. N 10, 10a.

азиатским, а не иранским влиянием¹³⁸, что, однако, требует дополнительной аргументации, так как в целом материальная культура этих двух регионов отлична.

Топоры проушные, вислообушные (тип II) происходят из хищнических раскопок севера страны, однако точно такой же экземпляр найден в стратифицированных слоях Сапалли-Тепе, где он определяется как боевой секирообразный топор¹³⁹. Сходство их весьма близкое: разница лишь в том, что втулка сапаллинского экземпляра украшена рисунком глаза со сквозным отверстием. Интересно, что имеется еще один подобный топор из Пуль-и-Хатун, также сохранившийся на втулке сквозное отверстие¹⁴⁰, возможно, от изображения глаза. Показательно, что у афганского экземпляра проух идет не перпендикулярно обуху, а несколько наискось, что может указывать на преимущественное назначение его в качестве боевого топора. В таком случае изображение глаза на некоторых из таких топоров могло иметь назначение оберега.

В литературе уже отмечалось, что сходные типы топоров хорошо известны в Иране (Гиан, Сузы), так что отличие их от среднеазиатских (и, добавим, североафганских) заключается лишь в том, что иранские имеют прямоугольные проухи, а афгано-туркменистанские — эллиптические.

Топоры-тесла с выступающей втулкой (тип III) пока известны лишь из хищнических раскопок, однако наличие глиняной формы в Дашлы-3 для отливки подобных топоров не оставляет сомнения в принадлежности непапортизированных образцов к эпохе бронзы. Североафганские образцы находят наиболее показательные соответствия (включая форму для отливки) в материалах Северо-Восточного Ирана. Для нашей темы особое значение имеет находка формы для отливки топора-тесла: так как аналогичная форма и сами изделия на Тепе-Гиссар появляются только в период Гиссар-IIIВ, не раньше¹⁴¹.

Памятники Дашлинского оазиса по радиокарбонным данным могут быть датированы в пределах середины — второй половины II тысячелетия до н. э.¹⁴², а Гиссар-III — в пределах 2300—1500 гг. до н. э., причем более вероятной представляется дата середина II тысячелетия до н. э. Сторонники «короткой хронологии», основываясь на сходных печатях и особенно топорах-теслах, найденных в постхарашпской куль-

туре¹⁴³, датируют слой Гиссар-IIIС серединой II тысячелетия до н. э. и даже более поздним временем¹⁴⁴, что представляется правильным.

Хотя высказано мнение, что топоры-тесла относятся еще к концу III тысячелетия до н. э.¹⁴⁵, думается, что по крайней мере подобные орудия, происходящие из Северо-Восточного Ирана (Гиссар, Астабад), Южного Туркменистана (Дайна), Северного Афганистана (Дашлы-3) и долины Инда (Мохенджо-Даро), не могут быть датированы ранее чем серединой — второй половиной II тысячелетия до н. э. Правда, в настоящее время сделана попытка удревить все радиокарбонные даты согласно поправке Музея прикладного научного центра археологии Пенсильванского университета (MASKA)¹⁴⁶ и в том числе для слоя Гиссар-IIIС (1841±65)¹⁴⁷. Но в таком случае это должно касаться пересмотра всей хронологической системы в целом, ибо уже для конкретного памятника, такого, как Тепе-Гиссар, получается хронологический разрыв в 500 лет, который требует объяснения.

Тесло-теша (тип IV) в виде миниатюрной модели известно из случайных находок в Северном Афганистане. Зато в Мундигаке подобного типа бронзовое орудие встречено в слое периода Мундигак-III¹⁴⁸, что не оставляет сомнений в распространении этого вида орудия в пределах всего Афганистана. В Иране и Средней Азии тесла-теши пока неизвестны, зато близкие формы отмечены в Месопотамии (Фара, Тепе-Гавра)¹⁴⁹, что может указывать на пути проникновения этого типа орудия в северо-восточном направлении. Ж. Касаль определяет эти орудия как мотыги или кирки; отметим, что точно такие теши до сих пор широко используются в плотничном деле среднеазиатскими мастерами.

В связи с миниатюрными моделями топоров-тесел, встреченными в могилах Гиссара¹⁵⁰,

¹⁴³ Е. Маккей допускал еще более позднюю дату, так как найденный им топор-тесло происходил с глубины около полутора метров от поверхности Мохенджо-Даро. (См.: Mackay E. Further Excavations at Mohenjo-Daro, Delhi, 1937, v. I. p. 457; v. II, pl. CXX, N 27).

¹⁴⁴ Wheeler R. The Indus Civilization. Cambridge, 1968, p. 126—134.

¹⁴⁵ Виноградов А. В., Кузьмина Е. Е. Литейные формы из Лявлякана. — СА, 1970, № 2, с. 130.

¹⁴⁶ Michael H. N., Ralph E. K. Dating Techniques for the Archaeologist. Cambridge — London, 1971.

¹⁴⁷ Bovington C., Dyson R., Mahdavi A., Masoumi M. The Radiocarbon Evidence for the Terminal Date of Hissar-IIIС Culture. — Iran, 1974, v. XII, p. 195—198.

¹⁴⁸ Casal J. M. Fouilles de Mundigak..., v. II, fig. 139, N 9.

¹⁴⁹ Heinrich E. Fara. Berlin, 1931, p. 88, fig. 49, pl. 39; Schaeffer C. F. Stratigraphie Comparee... London, 1968, fig. 90, 9.

¹⁵⁰ Schmidt E. Excavations at Tepe-Hissar, p. 205.

¹³⁸ Кузьмина Е. Е. Металлические изделия..., с. 9.

¹³⁹ Аскаров А. А. Сапалли-Тепе, с. 92, табл. 25.

¹⁴⁰ Кузьмина Е. Е. Металлические изделия..., с. 9.

¹⁴¹ Schmidt E. Excavations at Tepe-Hissar, 1937, p. 205, fig. 120.

¹⁴² Сараниди В. И. Бактрия в эпоху бронзы, с. 68.

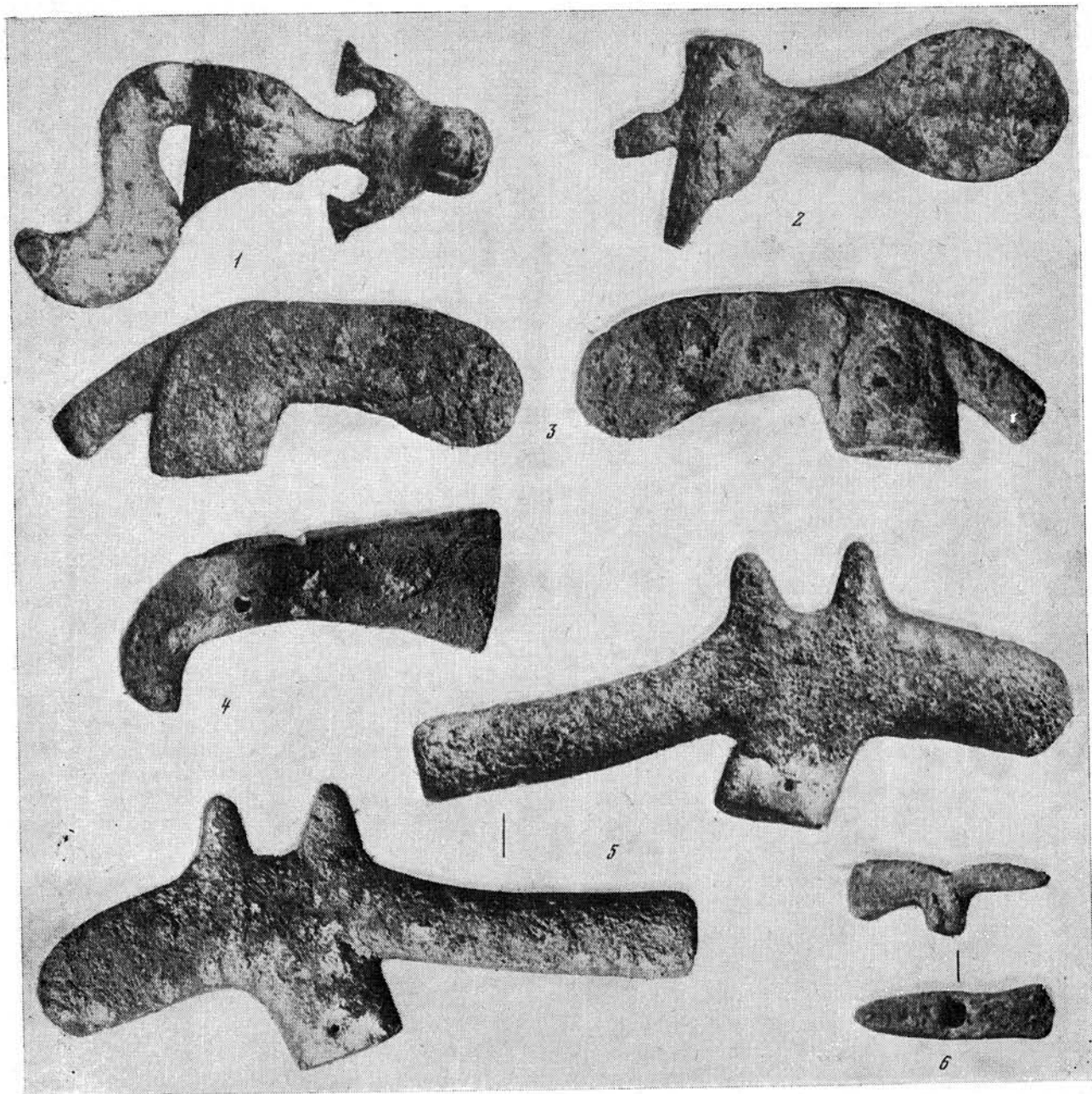

Рис. 34. Типы металлических топоров из разграбленных могил Бактрии

Шах-Тепе¹⁵¹ и Сялка¹⁵², особого интереса заслуживает комплекс изделий, происходящий из разграбленных могильников Северного Афганистана. Этот комплекс включает четыре терракотовые статуэтки (одну антропоморфную и три зооморфные), изготовленные из глины хо-

рошего качества светло-кремового цвета и тщательно обожженные.

Антропоморфная фигурка представляет собой стоящую мужскую фигуру с четко выраженными признаками пола. Схематическое, едва намеченное лицо с большим носом и дырочками-глазами имеет сверху шесть шишечек-налепов, имитирующих либо прическу, либо головной убор. Руки расставлены в стороны и слегка изогнуты внутрь, как бы в позе объятия. Талия перехвачена налепным поясом, за который сзади заткнут топор-тесло. Человеческая фигурка вылеплена весьма обобщенно, без намеков на

¹⁵¹ Arne T. J. Excavations at Shah-Tepe, p. 305, fig. 663.

¹⁵² Ghirshman R. Fouilles de Sialk. Paris, 1938, v. II, p. 47, pl. XCIII.

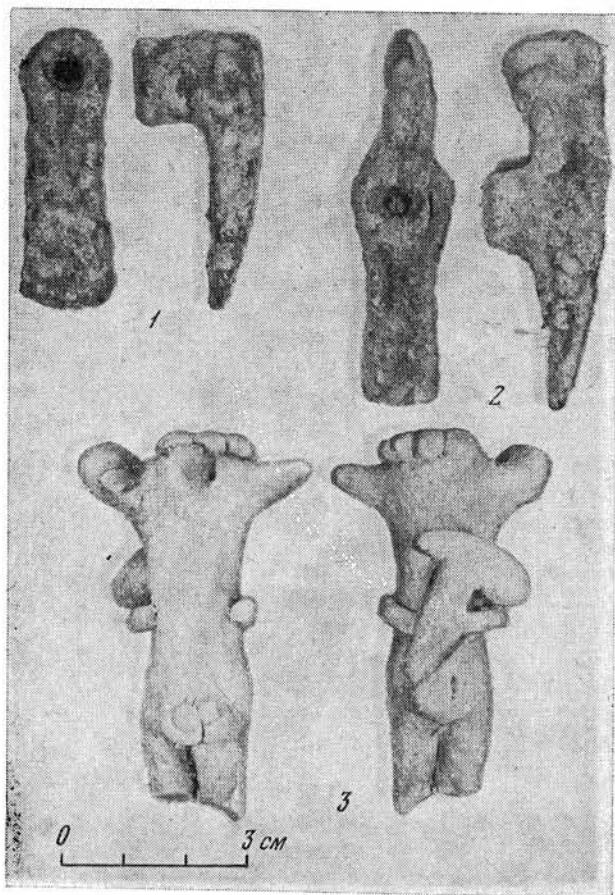

Рис. 35. Терракотовая статуэтка и металлические модели топоров из разграбленной могилы Бактрии

детализацию, голова не отделена шеей от торса и представляет с ним одно целое.

Три зооморфные статуэтки так же изготовлены настолько схематично, что трудно судить об их видовой принадлежности; судя по поклаже на спине одной статуэтки, можно предполагать, что это какое-то выючное животное. Две металлические модели изображают миниатюрный топор-кельт и тесло-тешу. Обнаружение подобных имитаций топоров в могилах, видимо, действительно указывает на их ритуальное назначение¹⁵³, а рассматриваемый комплекс, включающий мужскую фигуру в устрашающей позе с боевым топором за поясом, указывает на усложненный характер ритуалов, связанных с заупокойными представлениями. Это тем более так, если учесть, что мелкая терракотовая пластика почти совершенно отсутствовала у древнего населения Афганистана эпохи поздней бронзы.

¹⁵³ Кузьмина Е. Е. Металлические изделия..., с. 14.

Топоры втульчатые составляют тип V (по Е. Е. Кузьминой, это топоры широко-вислообушные) и представлены пока лишь экземплярами из хищнических раскопок. Эти топоры (совместно с теслами-тешами) известны в Месопотамии¹⁵⁴, но особенно широко они представлены в луристанских бронзах¹⁵⁵, а также в Юго-Западном Иране (Сузиана, Тепе-Гияне)¹⁵⁶. Пока они неизвестны в Северо-Восточном Иране и южных областях Средней Азии, однако можно почти не сомневаться, что втульчатые топоры распространены были и здесь.

Возможное существование орудий типа кельтов-лопат можно предполагать по находке широкого лезвия с Дашлы-3, верхняя часть которого утрачена. Североафганская находка имеет лезвие слегка вогнутое внутрь и ближе всего напоминает среднеазиатские кетмени, тем более что близкое по типу орудие известно в Персеполе¹⁵⁷.

В литературе неоднократно отмечалось, что черешковые наконечники копий практически невозможно отличить от черешковых же ножей и кинжалов, что нередко приводит к терминологической путанице. С целью избежать этого представляется целесообразным условно отнести двухлезвийные черешковые изделия к разряду кинжалов, помня, однако, что часть их могла являться наконечниками копий и дротиков.

Кинжалы. Они двухлезвийные, с выделенным черешком. Лезвия, как правило, плоские, в единичных случаях с продольным, слабо выраженным ребром. Поскольку форма лезвий в сильной степени зависит от характера сработанности, представляется возможным выделить два основных типа.

Тип I — кинжалы ромбической формы с прямым плоским черешком, иногда загнутым на конце.

Тип II (более распространенный) — кинжалы листовидно-удлиненной формы с прямым плоским черешком, конец которого нередко загнут для удобства насадки, или с прямым витым черешком, круглым в сечении. В единичных экземплярах представлены кинжалы с выделенным ребром, а в одном случае — с широкой ручкой и отверстием на конце. Этот кинжал с Дашлы-3 пока аналогий себе не имеет. Первый тип представлен в Мундигаке¹⁵⁸, второй, особенно с витым черешком, пока известен лишь из разграбленных могил Северного Афганистана. Витые черешки, скорее всего, делались для более прочной насадки на рукоять. Один такой

¹⁵⁴ Parrot A. Le Palais. Paris, 1959, fig. 65, N 733, 933.

¹⁵⁵ Cp.: Vanden Berghe L. La Necropole de Bani-Surmah.— «Archeologia», 1968, N 24, p. 58.

¹⁵⁶ Contenau G., Ghirshman R. Fouilles..., 1935, pl. V, N 4.

¹⁵⁷ Schmidt E. Persepolis II, pl. 80, N 1.

¹⁵⁸ Casal J. M. Fouilles de Mundigak..., fig. 139, N 3; fig. 140, N 30.

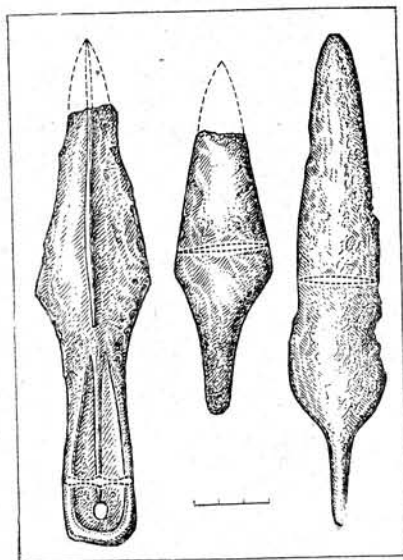
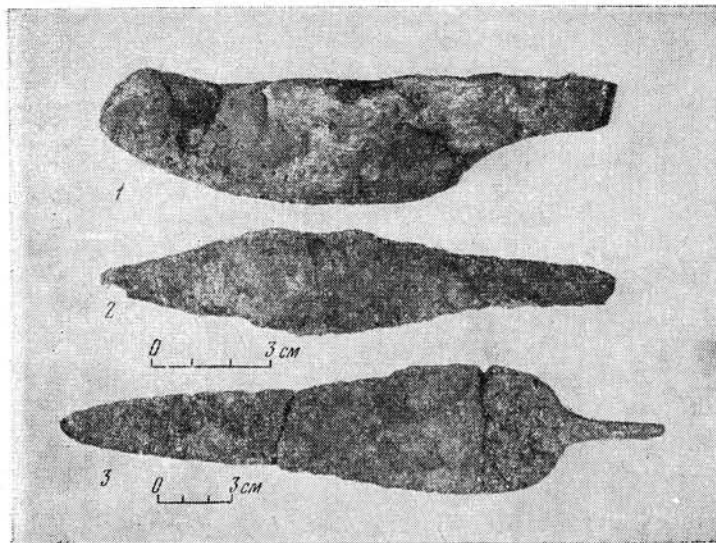

Рис. 36. Дашлы-3. Металлические кинжалы

образец происходит из Южного Туркменистана (Намазга-Тепе)¹⁵⁹. О возможном существовании массивных накопечников копий разнообразных форм (как втульчатых, так и со стержнем) можно судить по материалам из разграбленных могил Бактрии.

Ножи. Однолезвийные, плоские в сечении, лезвие слегка изогнуто, ручка прямая; наиболее выразительный образец происходит с Дашлы-3.

Серпы. С зубчатыми лезвиями, слегка изогнуты, выделенные черешки всегда имеют загнутые концы. Типологически наиболее близки серпы из Анау¹⁶⁰ и Сялка¹⁶¹, однако североафганские из-за зубчатого, а не гладкого лезвия демонстрируют более прогрессивный тип. Если учесть, что в Южном Афганистане бытовали серпы с гладким лезвием, широко распространенным в Иране, Месопотамии и Средней Азии¹⁶², и лишь на севере Афганистана найдены зубчатые, то можно допустить, что это техническое изобретение полностью принадлежит местным кузнецам-мастерам.

Особую группу изделий составляют вилообразные орудия с прямыми (иногда загнутыми) концами и длинным черешком. Помимо таких, имеются орудия с одним крюком, но не черешковые, а втульчатые. Возможно, все они имеют местное, бактрийское происхождение, однако точно такие же орудия известны в большом ко-

личестве на Северном Кавказе, начиная с майкопской культуры, что не исключает, возможно, общее их происхождение. В этом плане показательным является наличие на промежуточной территории близких, если не идентичных изделий, происходящих из Иранского Хорасана (астрбадский клад)¹⁶³, возможно, указывающих на распространение, идущее с запада на восток. Особого интереса заслуживают большие вилы до 70—80 см длиной, происходящие из разграбленных могил Бактрии, точные аналогии которым имеются в Сялке, где они определяются как орудия, служившие для приготовления погребальной трапезы¹⁶⁴. Соответствие между металлическими орудиями Ирана и Бактрии не ограничивается лишь этими изделиями, но дополняется сходными типами бронзовых флаконов (в Сялке они определяются как лампы), ковшей, булавок, сосудов, топоров, зеркал, серпов¹⁶⁵.

Налицо весьма выразительный набор металлических изделий в двух центрах древневосточного мира, за которыми могут скрываться реальные культурные взаимосвязи вплоть до племенных передвижений людей, принесших с собой соответствующие металлические орудия и оружие.

Бритвы. Представлены всего несколькими экземплярами; они имеют прямое лезвие и слегка отогнутый черешок. Хотя бритвы известны и в

¹⁵⁹ Кузьмина Е. Е. Металлические изделия..., табл. VIII, 10.

¹⁶⁰ Pumpelly R. Exploration..., v. I, pl. 39.

¹⁶¹ Ghirshman R. Fouilles de Sialk..., p. 9, pl. II.

¹⁶² Deshayes J. Les outils de bronze de l'Indus au Danube, v. I—II. Paris, 1969, pl. XLV, XLII, XLVI, XLVII.

¹⁶³ Bode C. A. On a Recently opened tumulus in the neighbourhood of Asterabad. Archaeologia. v. XXX, 1844; Ghirshman R. Fouilles de Sialk, v. II, Paris, 1939, Pl. LVII.

¹⁶⁴ Ghirshman R. Fouilles... Pl. XXIV, N 10.

¹⁶⁵ Ghirshman R. Fouilles... Pl. XXIII, N 4; Pl. XXIV, N 1. Pl. XXVII, N 4, XXIX, N 8.

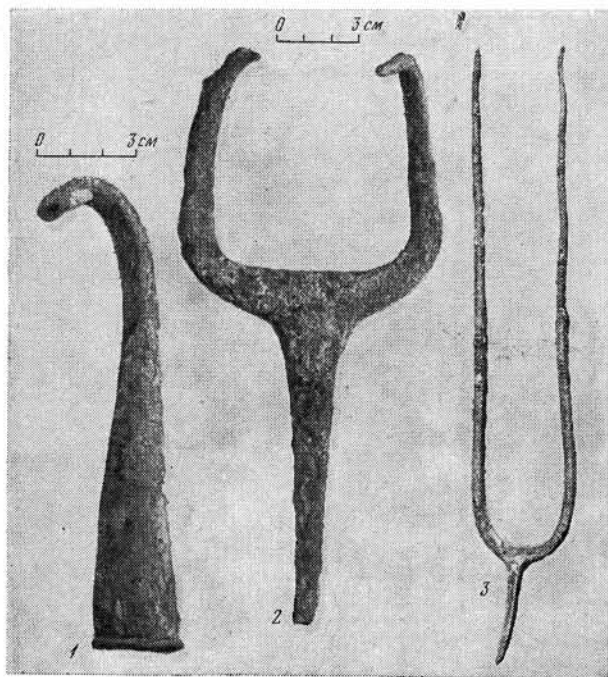

Рис. 37. Вилообразные орудия из разграбленных могил Бактрии

других районах Передней Азии¹⁶⁶, североафганские экземпляры демонстрируют новый тип, точные аналогии которому пока неизвестны. Относительно близкий тип дают «бритвы» Тулхарского могильника, хотя здесь они более массивны¹⁶⁷ и, скорее всего, являются секачами.

Секачи или резаки-бритвы представлены одним образцом с Дашлы-З¹⁶⁸. Это массивное орудие с заостренным лезвием и слегка изогнутым черешком достаточно близко напоминает «бритву» из Тулхарского могильника¹⁶⁹, в меньшей степени — с Анау¹⁷⁰ и, возможно, Намазга-Тепе¹⁷¹. Думается, что все эти изделия на самом деле являлись не бритвами, а именно секачами, как это предполагал еще Ж. Дешайе¹⁷².

Шилья и пробойники. Представлены двумя основными типами: обуюдоострые, круглые в сечении (типа I) и обоюдоострые, квадратные или прямоугольные в сечении (тип II); по-

следние явно преобладают. О типе рукояток можно судить по орудью в виде «отвертки», металлический стержень которого с одного конца уплощен, а с другого вставлен в костяную насадку с резным орнаментом на конце.

Переходя к украшениям, отметим, что зеркала и длинные булавки являются едва ли не самыми распространенными видами погребальных приношений в могилах Дашлинского и Фарукабадского оазисов.

Зеркала. Представлены двумя типами: круглые, слегка вогнутые, с ободком по внешнему краю и круглые же, плоские, с выступающей ручкой.

Первый тип представлен образцами из могил Дашлы-З от миниатюрных (7 см в диаметре) до более крупных (14—15 см в диаметре). Известны они в Мундигаке-IV¹⁷³, в Гиссар-III¹⁷⁴, Южном Узбекистане¹⁷⁵ и Южном Таджикистане¹⁷⁶. Наиболее древние зеркала, относящиеся к рубежу IV—III тысячелетий до н. э., происходят из Южного Туркменистана¹⁷⁷, откуда они постепенно распространяются по всей Средней Азии, вплоть до степных андроновских культур¹⁷⁸.

Второй тип зеркал с ручками представлен двумя подтипами: зеркала с простыми прямыми ручками, известные, помимо Афганистана, в могилах Сиалка¹⁷⁹ и Хурвина¹⁸⁰. Второй подтип составляют зеркала, ручки которых изготовлены в виде антропоморфной, вероятнее всего, женской фигуры. В настоящее время известны три таких экземпляра, происходящих из могил Мехи (Белуджистан)¹⁸¹, Сапалли-Тепе (Южный Узбекистан)¹⁸² и из разграбленных могил Северного Афганистана. С. Пигготт в связи с зеркалом культуры Кулли отмечал его уникальность среди зеркал Западной Азии, что, по его мнению, указывает на местное белуджистанское происхождение¹⁸³. На основании близкого сходства этого редкого вида изделий было бы соблазнительно наметить прямую связь между ними, однако думается, что бактрийские и белуджистанские экземпляры отражают общий, скорее всего, иранский центр происхождения подобных зеркал. В этом плане показательны луристанские бронзы, среди которых имеется

¹⁶⁶ Deshayes I. Les outils..., v. I, p. 311; v. II, p. 141—143.

¹⁶⁷ Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане.— МИА, 1968, № 145, табл. IV, 7, 8.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Мандельштам А. М. Памятники..., табл. IV, 7.

¹⁷⁰ Schmidt E. Archaeological Excavations in Anau and Old Merv.— In: Explorations in Turkestan, v. I. Washington, 1965, p. 153, pl. 39.

¹⁷¹ Кузьмина Е. Е. Металлические изделия..., с. 50, табл. X, 5, 8.

¹⁷² Deshayes I. L'outil..., p. 141—143.

¹⁷³ Casal J. M. Fouilles de Mundigak..., fig. 139, 17.

¹⁷⁴ Schmidt E. Archaeological Excavations..., pl. LIV, 3192.

¹⁷⁵ Аскарлов А. А. Сапалли-Тепе, табл. 25, 15, 16.

¹⁷⁶ Мандельштам А. М. Памятники..., табл. V—VIII.

¹⁷⁷ Сарваниди В. И. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении.— САИ, 1965, с. 40.

¹⁷⁸ Кузьмина Е. Е. Металлические изделия..., с. 67—68.

¹⁷⁹ Ghirshman R. Fouilles de Sialk..., pl. XXIX, N 8.

¹⁸⁰ Vauden-Berghe L. La Necropole..., p. 45.

¹⁸¹ Stein A. An Archaeological Tour..., pl. XXXII.

¹⁸² Аскарлов А. А. Сапалли-Тепе, табл. 25, 14.

¹⁸³ Piggott S. Prehistoric..., p. 144, 146, fig. 11.

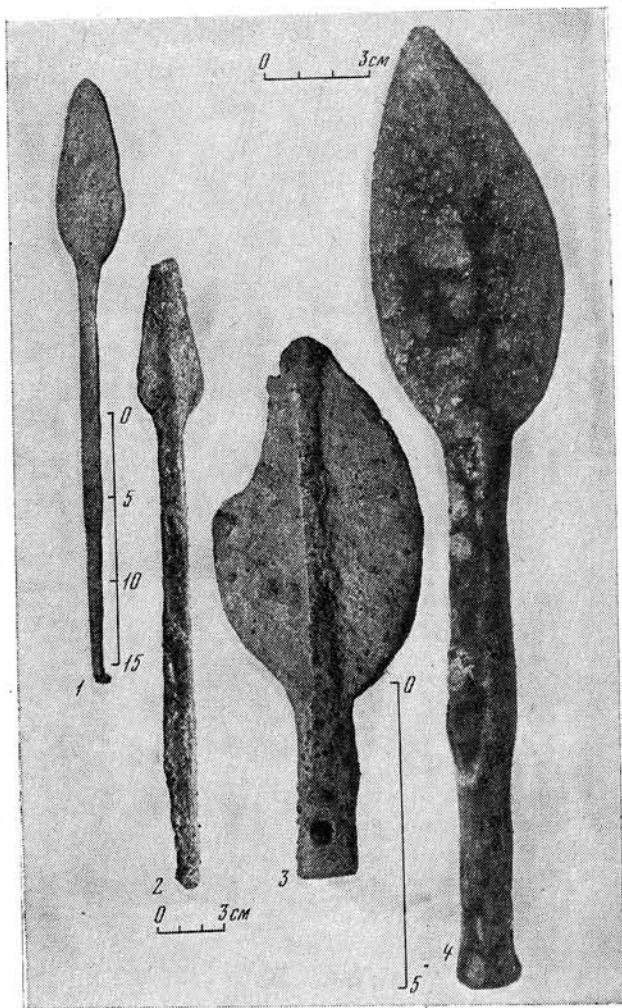

Рис. 38. Металлические наконечники копий из разграбленных могил Бактрии

зеркало с ручкой в виде женской фигуры¹⁸⁴, близко перекликающееся с вышеотмеченными.

Сосуды. Они наряду с зеркалами и булавками также составляют довольно обычный набор погребальных приношений. По формам подразделяются на несколько основных типов:

Тип I (флаконы) — с округлым или, наоборот, ребристым туловом, с высоким и узким горлом и четко выделенным поддоном. Все известные экземпляры происходят из разграбленных могильников Северного Афганистана. Косвенным свидетельством в пользу принадлежности их эпохе бронзы являются находки точно таких же флаконов в погребениях Сапалли-Тепе, с одной стороны¹⁸⁵, и Гиссар-III — с другой, причем

здесь они неизвестны в предшествующих слоях¹⁸⁶. Аналогичные сосуды известны в долине Инда, где они определяются как косметические флаконы¹⁸⁷, и в Южном Туркменистане; в последнем случае они определяются как импорт из Гиссара¹⁸⁸, что, однако, не исключает их местного производства, хотя и под западным влиянием. В единичных случаях бактрийские флаконы украшены по тулову скульптурными головками животных.

Следует обратить внимание на одну характерную деталь: нередко в горло таких флаконов вставлены длинные, лопаточковидные булавки, которые от сильной коррозии производят впечатление запаянных¹⁸⁹, но на самом деле просто вставлены в них. Так, флакон, с торчащей булавкой отмечен для Алтын-Тепе, Северо-Восточного Ирана¹⁹⁰, могильников Северного Афганистана, а в погребении Дашлы-3 встречен керамический сосудик (полностью копирующий металлические флаконы), в горло которого вставлена длинная булавка. В этом отношении показательны аналогичные флаконы с воткнутыми в них длинными булавками, происходящие из могил энеолитического поселения Геоксюр-1. Налицо поразительно устойчивая традиция погребального обряда, прослеживаемая на протяжении почти полутора тысяч лет в одном общем регионе. Думается, что эти совпадения исключают элемент случайности и свидетельствуют о культурно-исторической общности Северо-Восточного Ирана, юго-запада Средней Азии и Северного Афганистана в эпоху бронзы.

Тип II — вытянутые, цилиндроконические, сужающиеся к горлу сосуды. Происходят из разграбленных могильников Дашлинского и Фарукабадского оазисов; подобные сосуды отмечены лишь в антикварных лавках г. Балха.

Тип III представлен сосудами баночной формы со слегка суженным туловом и подокошенной придонной частью. Они встречены в могилах Дашлы-3, причем здесь же известны их керамические копии. В пределах Средней Азии сосуды этого типа пока отмечены лишь для Сапалли-Тепе¹⁹¹, найдены они также в долине Инда (Чанху-Даро)¹⁹², причем во всех трех регионах эта форма ранее неизвестна. В целом сосуды типа III (вазочки на ножке, соусники, миски, банки) имеют явно бытовое назначение.

¹⁸⁶ Schmidt E. Archaeological Excavations..., pl. LVII, N 3497 и особенно N 4014.

¹⁸⁷ Mackay E. Chanhi-Daro..., pl. LXXVI, 32; Marshall Y. Mohenjo-Daro and Indus Civilization, v. I. London, 1931, pl. CXL, 16.

¹⁸⁸ Кузьмина Е. Е. Металлические изделия..., с. 67.

¹⁸⁹ Там же, с. 66.

¹⁹⁰ Сужу по Ф. Хану (см.: Khan F. A. The Indus Valley and Early Iran. Karachi, 1964, pl. XLVII, N 5).

¹⁹¹ Аскаров А. А. Сапалли-Тепе, с. 84, табл. 25, 7.

¹⁹² Mackay E. Chanhi-Daro..., p. 177; pl. LXXIII; LXXV, 6.

¹⁸⁴ Godard A. Les Bronzes du Luristan.— In: Ars Asiatica, v. XVIII. Paris, 1931, pl. XXXIII, N 141; pl. 157; Vauden-Berghe L. La Necropole...

¹⁸⁵ Аскаров А. А. Сапалли-Тепе, табл. 25, 1—4.

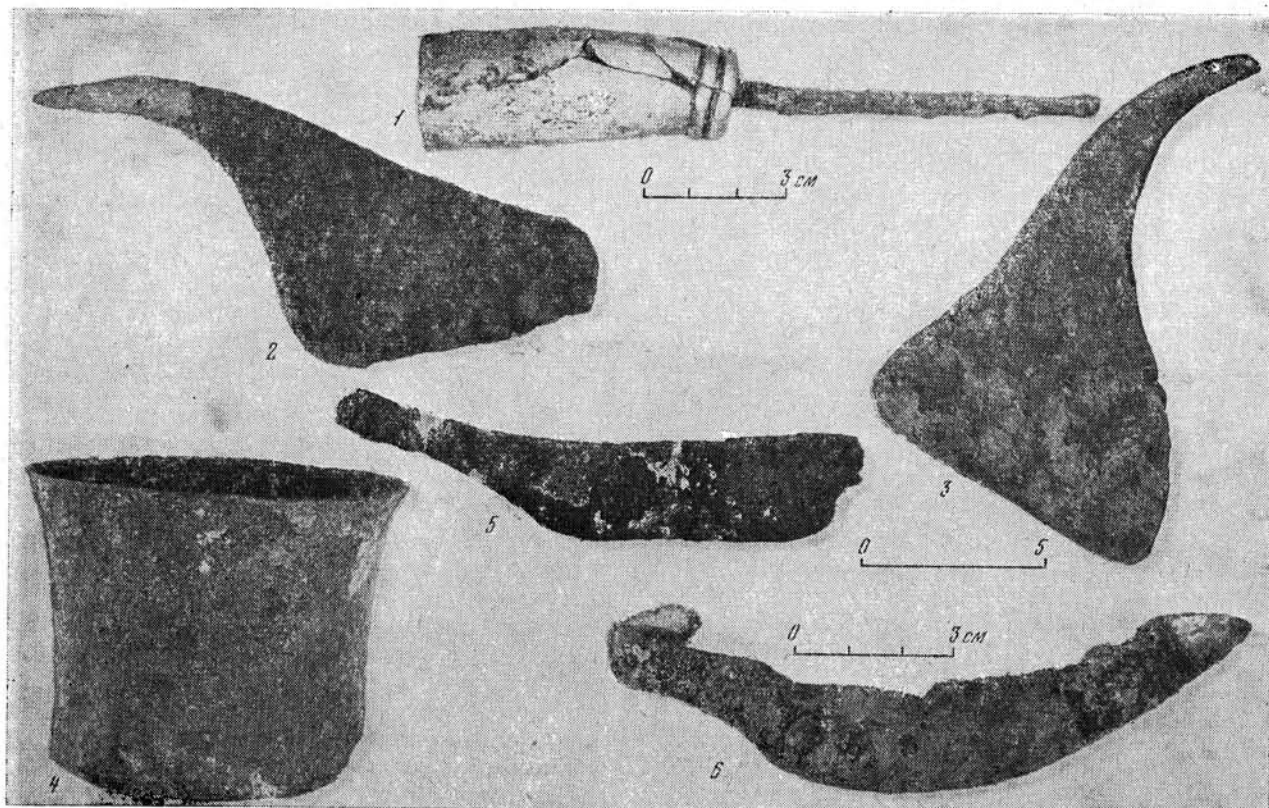

Рис. 39. Металлические изделия

1 — инструмент; 2—6 — секачи; 3 — бритвы; 4 — сосуд; 5 — серпы

Во флаконах, видимо, находились косметические вещества, которые наносились на лицо при помощи металлических булавок, что до определенной степени может прояснить вопрос о назначении самих длинных булавок. Косвенным подтверждением этому служат находки подобных металлических «лопаточек» в Тулхарском могильнике, где они встречены только в погребении женщины вместе с кусочками сурьмы и охры, что дало право определить их как косметические принадлежности¹⁹³.

Булавки. Они составляют едва ли не самый популярный вид металлических украшений и по характеру наверший могут быть подразделены на несколько типов. Поскольку большая их часть находит соответствия в типах булавок, разработанных Е. Е. Кузьминой для Средней Азии, эта классификация с необходимыми видоизменениями будет положена в основу пред-

варительной типологии древних булавок Афганистана.

Булавки с конической или пирамидальной головкой дают два варианта первого типа булавок. Наиболее полно представлены они в Южном Туркменистане, начиная с эпохи раннего энеолита (рубеж V—IV тысячелетий до н. э.), и доживают вплоть до эпохи поздней бронзы (рубеж II—I тысячелетий до н. э.). Видимо, так же рано появляются они и в Иране (Силк-I, Гиссар-I) составляя общую провинцию металлообработки этого вида украшений.

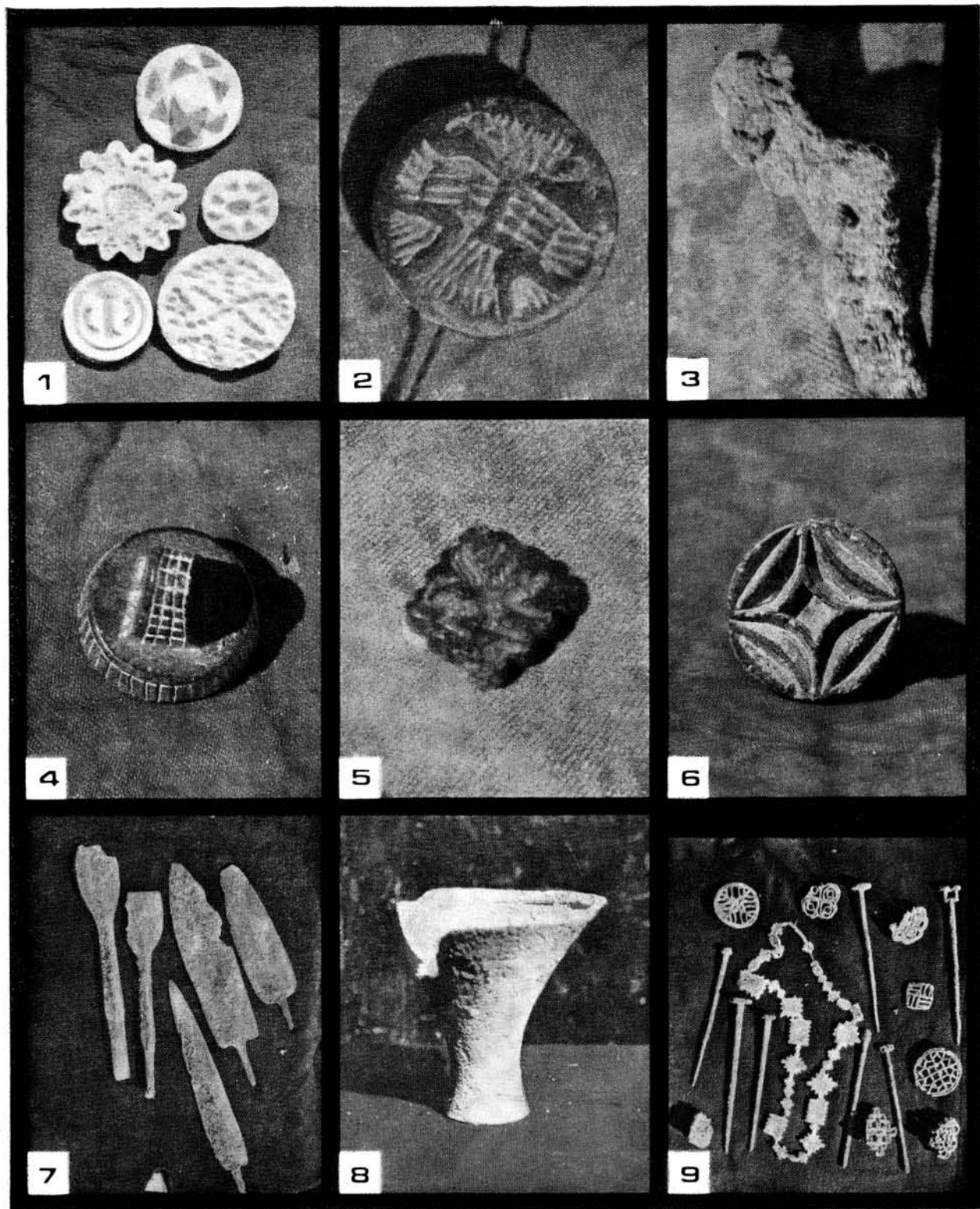
Булавки с лопаточковидной головкой (тип II) решительно преобладают над всеми остальными и известны как на севере, так и на юге страны (Мундигах-IV)¹⁹⁴. Они представляют собой стержень, один конец которого утолщен, а другой раскован в виде уплощенной лопаточки. Наиболее древние экземпляры известны в Южном Туркменистане с рубежа IV—III тысячелетий до н. э., где они доживают до эпохи поздней бронзы. Имеются они в Гиссар-III¹⁹⁵ и в Шах-Тепе-II¹⁹⁶, что опять-таки может указывать на общий ирано-туркменистанский центр их происхождения.

¹⁹³ Мандельштам А. М. Памятники..., с. 84. Касаясь назначения флаконов и булавок этого типа из долины Инда и Северо-Восточного Ирана, Ф. Хан определяет их как косметические принадлежности, служившие для сурьмления глаз (Khan F. A. The Indus Valley..., p. 35—36, fig., 4, pl. XLVII).

¹⁹⁴ Casal J. M. Fouilles de Mundigak..., fig. 140, 20.

¹⁹⁵ Schmidt E. Archaeological Excavations..., pl. LII, N 1856, 2746.

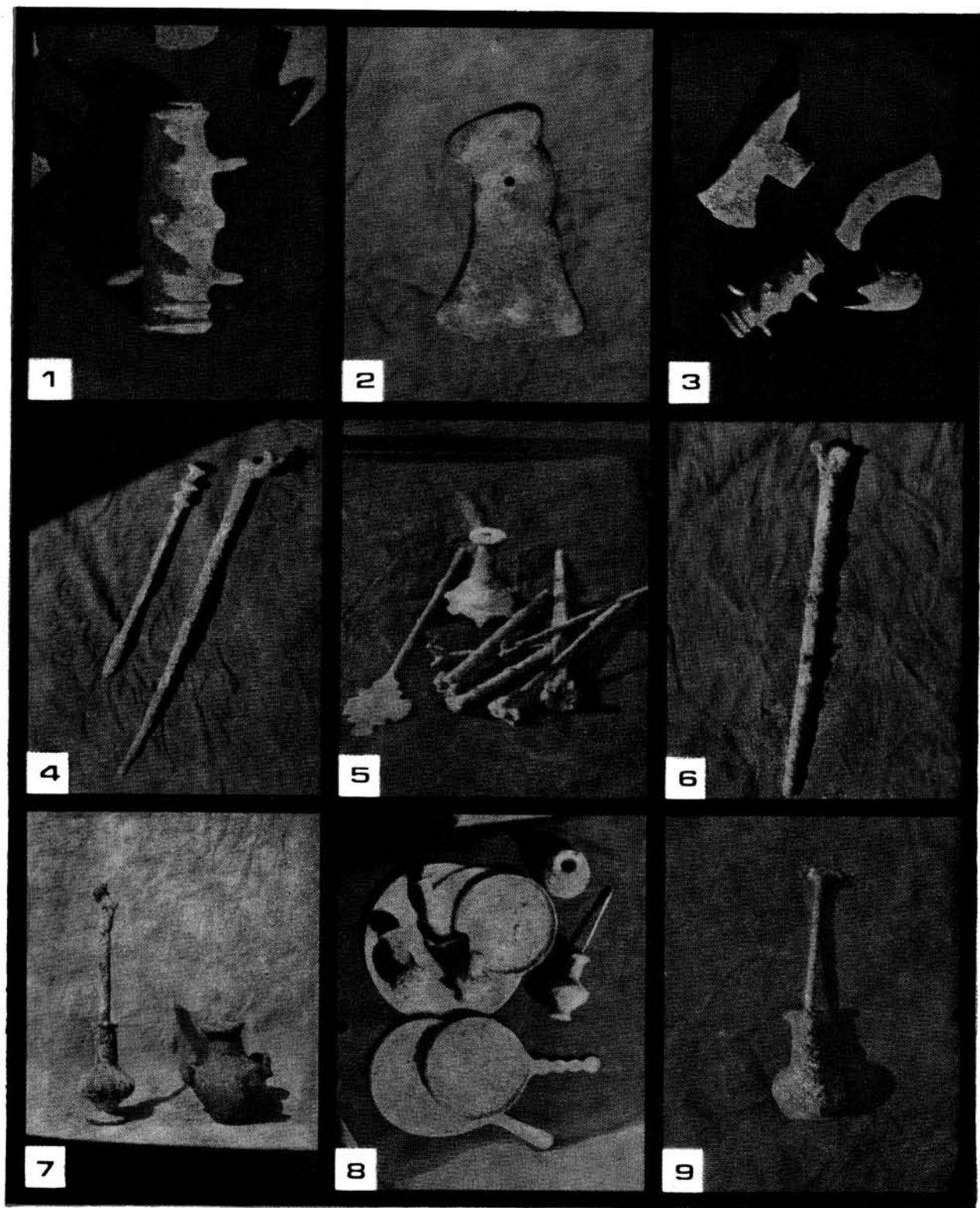
¹⁹⁶ Arne T. J. Excavations at Shah-Tepe..., p. 298.

Изделия из разграбленных могил Бактрии

- 1 — Алебастровые печати
 2 — Стеатитовый амулет с изображением двуглавого орла
 3 — Бронзовая булавка с навершием в виде горного козла

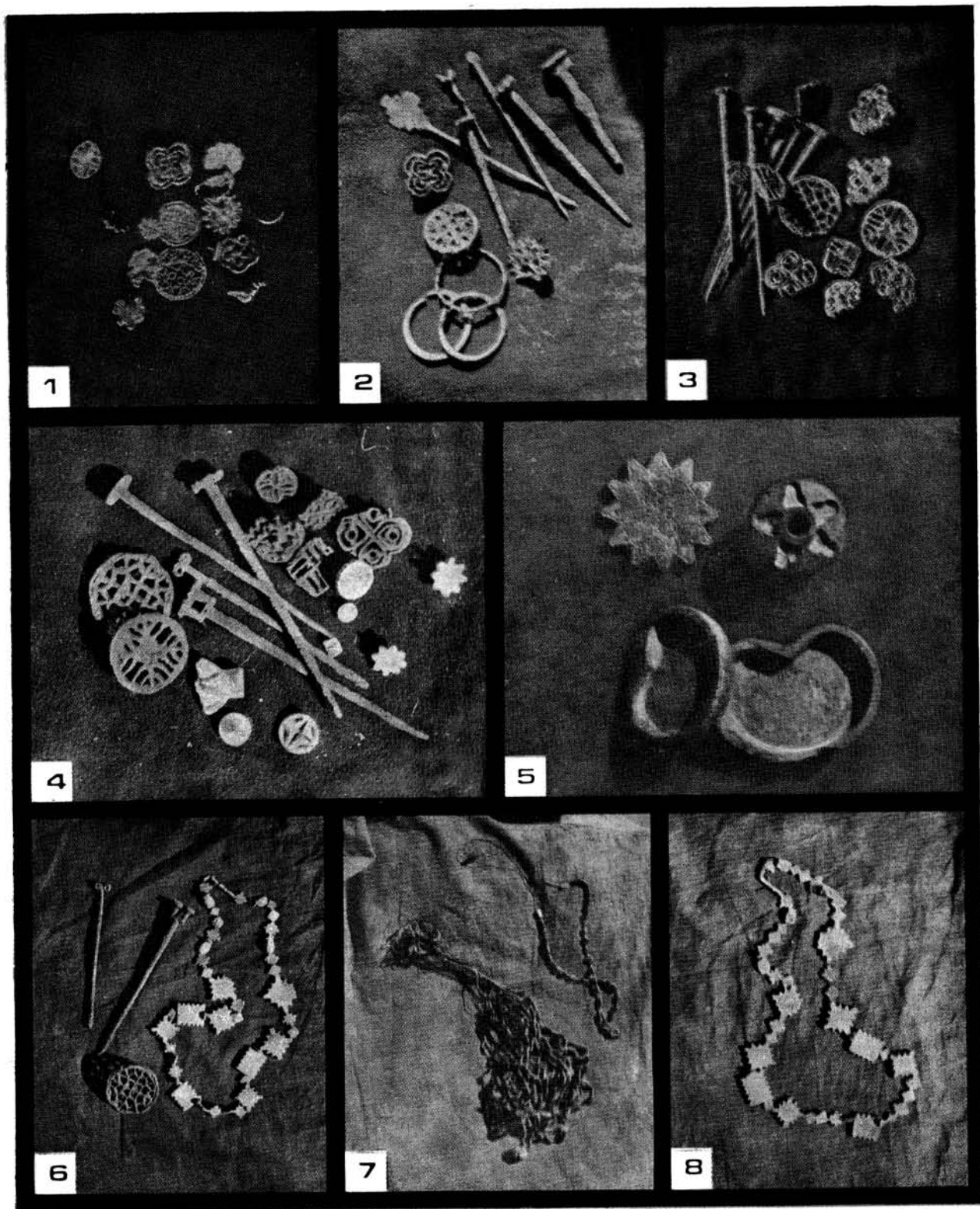
- 4, 6 — Стеатитовая печатка
 5 — Стеатитовый амулет с изображением крылатого льва
 7 — Бронзовые наконечники копий и кинжалы
 8 — Серебряный сосуд
 9 — Гипсовые бусы, бронзовые печати и булавки

Изделия из разграбленных могил Бактрии

- 1 — Бронзовая палица с шипами
 2 — Бронзовый топор
 3 — Бронзовые наконечники и топоры
 4 — Бронзовые булавки
 5 — Бронзовые булавки и сосудики

- 6 — Бронзовая булавка с навершием в виде коровы с телянком
 7 — Бронзовые косметические сосудики
 8 — Бронзовые зеркала и косметические сосудики
 9 — Бронзовый косметический сосудик с булавкой

Изделия из разграбленных могил Бактрии

1 — Бронзовые печати

2 — Бронзовые булавки и печати

3 — Бронзовые булавки и печати

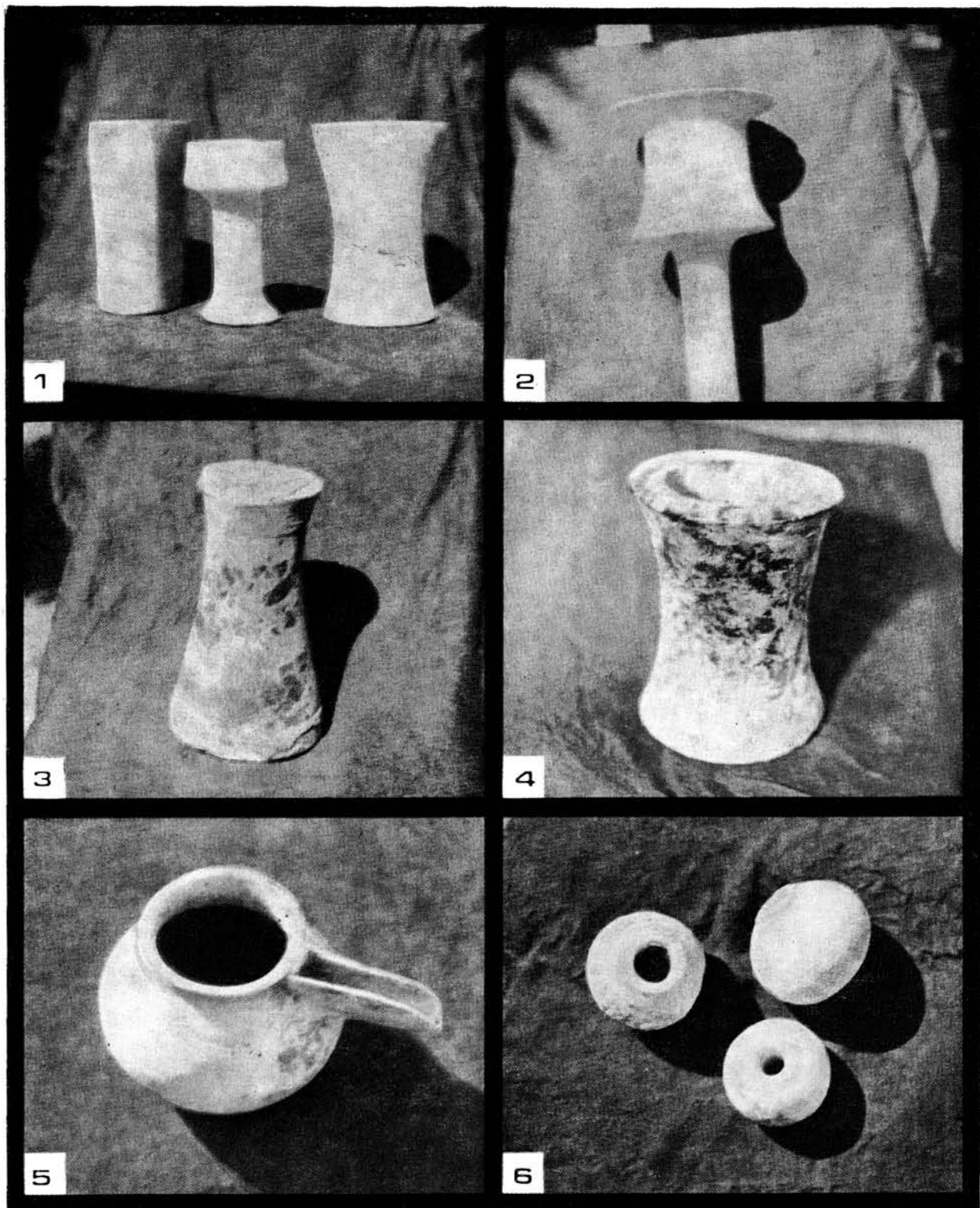
4 — Бронзовые булавки, печати и гипсовые печати

5 — Стеатитовые сосудики и навершие

6 — Бронзовые булавки, печать и гипсовые бусы

7 — Лазуритовые и золотые бусины

8 — Гипсовые крестовидные бусы

Каменные изделия из разграбленных могил Бактрии
 1, 2, 4 — Сосуды
 3 — Миниатюрная колонка
 5 — Керамический сосуд
 6 — Каменные навершия

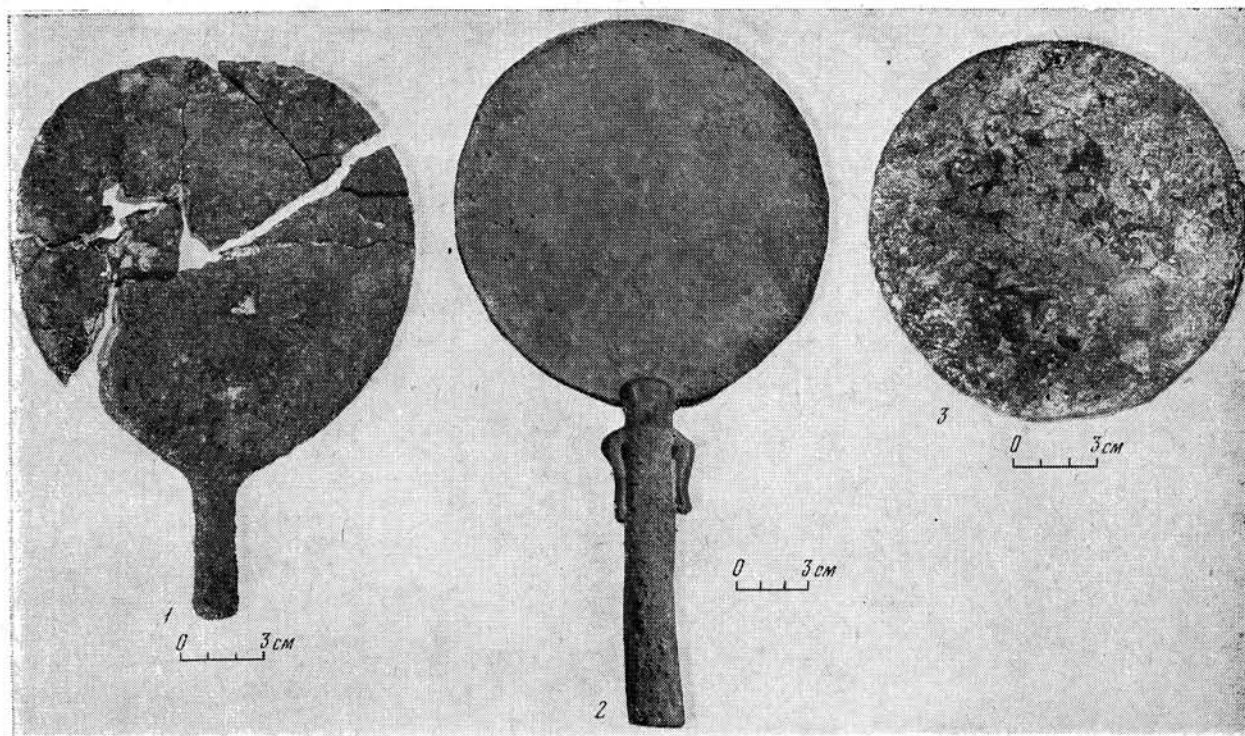

Рис. 40. Металлические зеркала

1, 2 — из Дашлы-3; 3 — из разграбленных могил Бактрии.

Булавки со спиральной головкой (тип III) составляют изделия, у которых один конец закручен в сторону в виде петельки. Булавки этого типа были чрезвычайно широко распространены в Передней Азии, что в первую очередь объясняется предельно простым оформлением навершия, которое могло независимо возникнуть в любом регионе. Из территориально наиболее близких к Афганистану отметим единичные находки в Южном Туркменистане¹⁹⁷ и в Гиссаре¹⁹⁸. Зато много их встречено в долине Инда и в первую очередь в позднехараппских и постхараппских (джукхарских) слоях Чанху-Даро, что, по Е. Маккею, может указывать на импорт либо из Месопотамии, либо из Ирана. Думается, что практически одновременное появление этого типа булавок в Северном Афганистане и Северо-Западной Индии не случайно, а связано с широким проникновением их из более западных районов.

Булавки с биспиральной головкой (тип IV) могут быть подразделены на два подтипа: 1) с волютами, загнутыми наружу; 2) с волю-

тами, загнутыми внутрь. Первый подтип составляют булавки, один конец которых раскован на две части, а каждая в свою очередь свернута в виде волют. Нередко под волютами сделан плоский щиток, что характерно как для севера, так и юга страны. Все известные образцы этого подтипа происходят из Северного Афганистана и лишь в Мундигак-IV представлены оба подтипа¹⁹⁹. Биспиральные булавки совершенно отсутствуют в Месопотамии, но широко представлены в Малой Азии и Иране. Из территориально наиболее близких к Афганистану районов представляют интерес биспиральные булавки Южного Туркменистана, где они пока не известны ранее начала II тысячелетия до н. э.²⁰⁰ Пока наиболее древний образец, известный в единственном экземпляре, происходит из Гиссар-II²⁰¹, если только он не оказался перемещенным из вышележащих слоев. Две булавки такого типа происходят из долины Инда. Было высказано вполне обоснованное мнение об их иранском происхождении²⁰².

¹⁹⁹ Casal J. M. Fouilles de Mundigak..., fig. 139, 4, 18.

²⁰⁰ Более ранняя датировка (серединой III тысячелетия до н. э.) требует дополнительных подтверждений. (Ср.: Кузьмина Е. Е. Металлические изделия..., с. 78—79).

²⁰¹ Schmidt E. Archaeological Excavations..., pl. XXIX, N 4856.

²⁰² Mackay E. Chanhi-Daro..., p. 195; Piggott S. Notes on Certain Pins and Macehead from Harappa.— «Ancient India», 1947—1948, N 4, p. 26—32.

Рис. 41. Металлические сосуды, флаконы из разграбленных могил Бактрии

Булавки с розетковидными головками (тип V) имеют горизонтально-уплощенное навершие либо в виде многолепестковой розетки, преимущественно шестилепестковой, либо кружка с гладким или зубчатым краем, разделенным внутри на сегменты. Они напоминают орнаменты перегородчатых печатей, поэтому подобные булавки из Сапалли-Тепе получили название булавки-печати²⁰³. Выделяется булавка с навершием из двух кружков с зубчатым краем, пока более нигде неизвестная. Все они происходят из хищнических раскопок, однако наличие

²⁰³ Аскарлов А. А. Сапалли-Тепе, с. 98, табл. 26, 22, 23.

точно таких же в Сапалли-Тепе и Южном Туркменистане (Ашхабадский могильник, Мургаб) дает право относить их к эпохе бронзы.

Булавки с ребристой головкой (тип VI) представлены образцами их хищнических раскопок. Это стержень, заостренный на конце, круглый в сечении, который венчается ребристым навершием с пиночкой на вершине. Аналогичное навершие, но сделанное из белой пасты, найдено на Дашлы-3; кроме того, имеется точно такая же булавка в Ашхабадском могильнике эпохи Намазга-VI²⁰⁴. Ближайшие аналогии известны в Гияне, правда, там они определяются как бронзовые бляшки от поя-

²⁰⁴ Кузьмина Е. Е. Металлические изделия..., табл. XVI, 12.

са²⁰⁵. Более отдаленные аналогии имеются в Малой Азии и Восточном Средиземноморье, которые, однако, относятся к несколько более раннему времени. Североафганские и южнотуркменские булавки датируются второй половиной II тысячелетия до н. э., не ранее.

Булавки с полусферическими головками (тип VII) представлены всего несколькими экземплярами, происходящими из хищнических раскопок.

Булавки с фигурными навершиями (тип VIII) происходят из разграбленных могильников. Выделяется один образец, который представляет собой слегка изогнутый стержень, один конец которого утолщен, а другой имеет навершие в виде бородатой головы животного, по-видимому быка, с удлиненными, как бы «человеческими» глазами и расставленными в стороны ушами, над которыми возвышается пара изогнутых рогов. Хотя булавка с точностью не паспортизирована, ее форма в виде длинного стержня с утолщением на конце является типичной для рассматриваемого региона. Кроме того, достаточно вспомнить подобное изображение бородатого быка на золотом сосуде из кладки Фаллол, также происходящем из Северного Афганистана. Как известно, мотив букрании — очень древний в искусстве Передней Азии, однако антропоморфизация животных является сравнительно поздним признаком, характерным для иконографии протодинастического периода, что хорошо документировано, например, оформлением знаменитых арф из могилы 1237 царских гробниц Ура, а также многочисленными мифологическими сценами на синхронных печатях.

Указанные месопотамские параллели датируются в пределах 2600—2400 гг. до н. э., однако рассмотренная североафганская булавка по крайней мере на тысячу лет позднее, что указывает на длительное переживание месопотамских мотивов на северо-востоке. Уже отмечались возможные аналогии кладу из Фаллол с погребенными приношениями некрополя Марлик²⁰⁶, относящемуся к началу II тысячелетия до н. э., что дает промежуточный хронологический рубеж длительного переживания этого мотива в ирано-афганском искусстве.

Из разграбленных могил происходят булавки с навершиями в виде птиц, козлов, горных баранов, а в одном случае — это корова с теленком.

Вторая булавка происходит с поверхности Дашлы-3 и представляет собой металлический

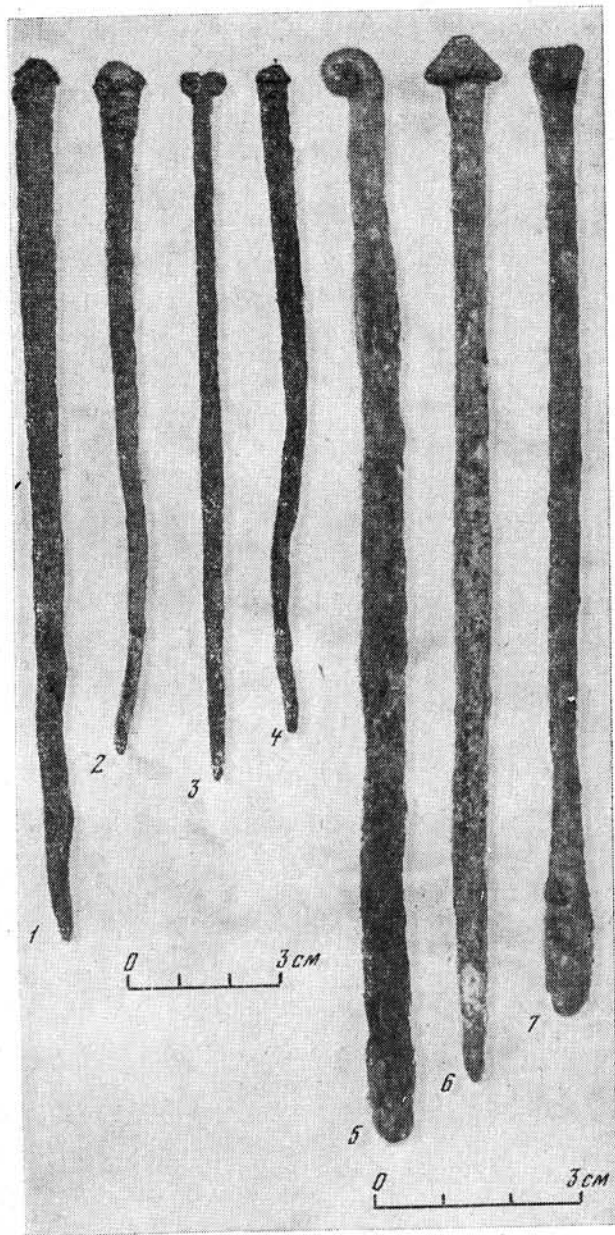

Рис. 42. Дашлы-1 и 3. Металлические булавки

стержень, один конец которого слегка утолщен, а навершие оформлено в виде двух сидящих баранов. По общему типу (утолщение на одном конце) эта булавка ближе всего напоминает булавки с зооморфными навершиями слоя Гиссар-III²⁰⁷ и в меньшей степени — навершия с протомами двуглавых животных долины Инда²⁰⁸.

²⁰⁵ *Contenay G., Ghirshman R. Fouilles...*, p. 35—36, pl. 31, 8.

²⁰⁶ *Dupree L., Goin Ph., Omer N. The Khosh-Tapa Hoard from North Afganistan.— «Archaeology», 1971, t. XXIV, N 1, p. 32—34.*

²⁰⁷ *Schmidt E. Archaeological Excavations...*, pl. XLVI, XLVIII.

²⁰⁸ *Mackay E. Further Excavations at Mohenjo-Daro. New Delhi, 1937, pl. C, N 3.*

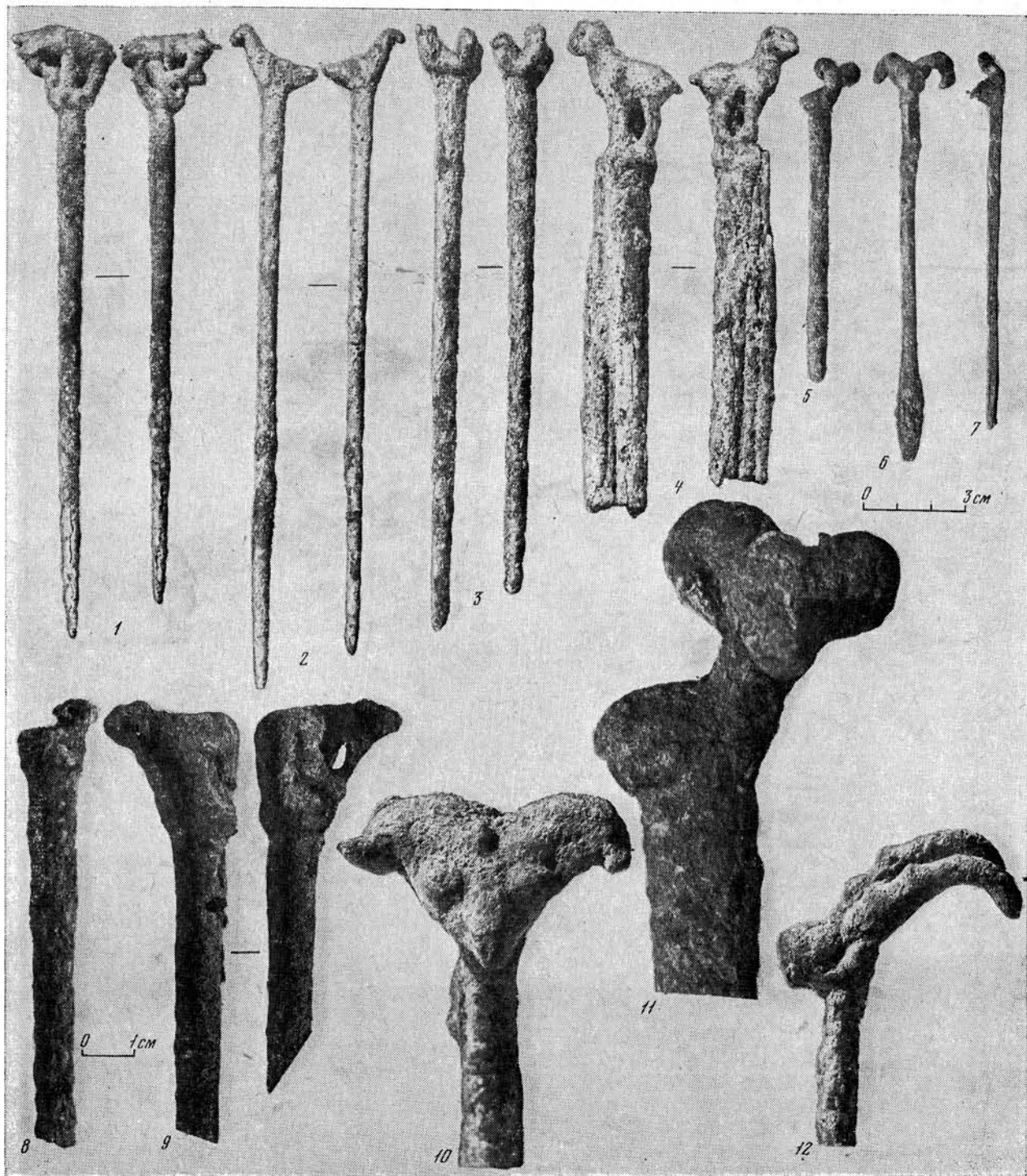

Рис. 43. Металлические булавки из разграбленных погребений Бактрии

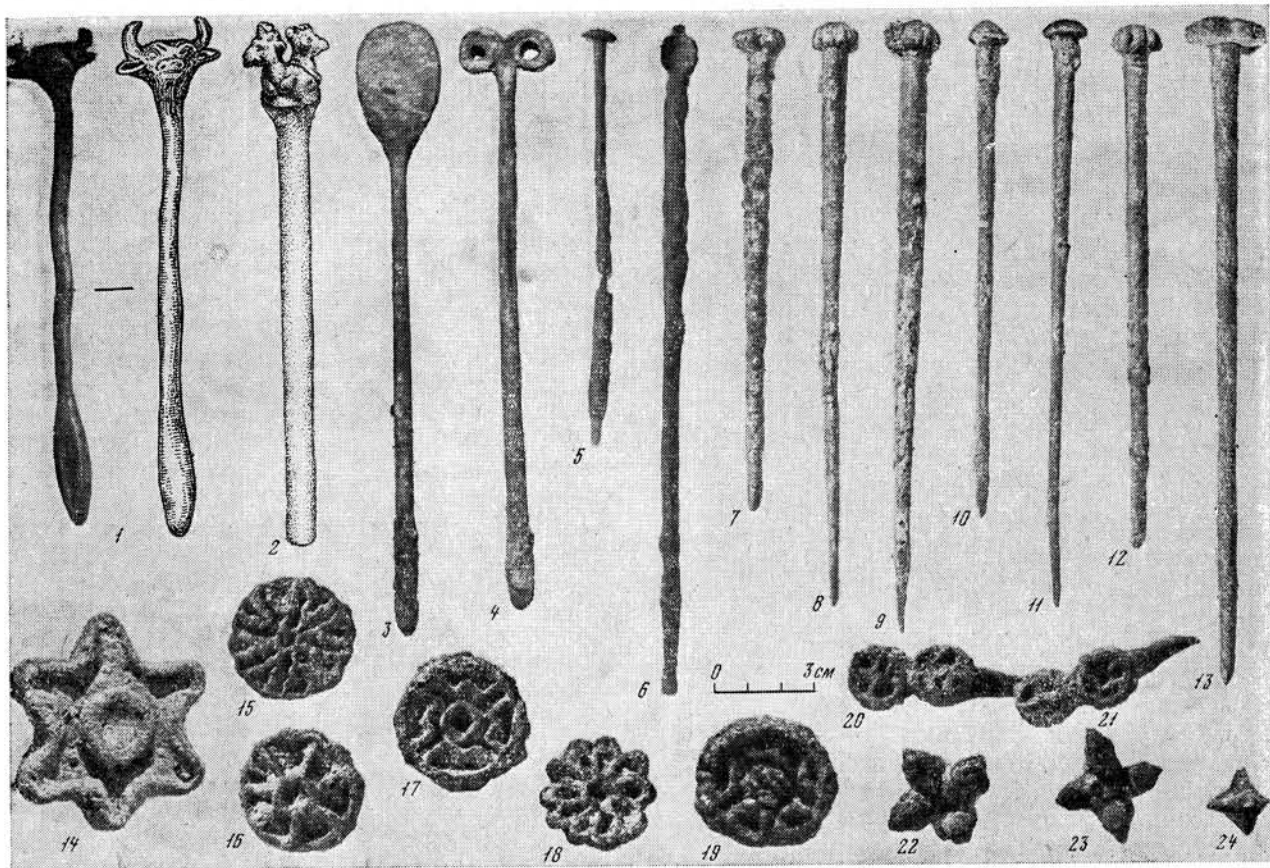

Рис. 44. Металлические булавки с фигурными навершиями из разграбленных могил Бактрии (2 — с поверхности Дашлы-3)

Показательно, что, хотя булавки с зооморфными навершиями были широко распространены в Передней Азии (Месопотамия, Юго-Западный Иран, Микены, Малая Азия)²⁰⁹, они не встречены ни в Сялке, ни в Гияне. Зато в Северо-Восточном Иране и в Южном Туркменистане булавки с зооморфными навершиями сравнительно широко распространены во втором тысячелетии до н. э., причем соответствия им прослеживаются в терiomорфных мотивах местной расписной керамики предшествующего энеолитического времени²¹⁰.

Браслеты. Они немногочисленны и представлены тремя типами. Первый, наиболее распространенный, составляют браслеты круглые в сечении, с несомкнутыми концами. Они широко известны в Передней Азии, а также в Иране

и Южном Туркменистане; в последнем регионе почти все они относятся к эпохе поздней бронзы. Судя по простоте форм, браслеты этого типа могли возникнуть независимо в системе всего Ближнего Востока, причем, судя по браслетам начала III тысячелетия с Кара-Тепе (Южная Туркмения) и Суз, можно допустить существование ирано-туркменистанского центра.

Второй тип составляют браслеты с несомкнутыми, но находящими друг на друга заостренными концами.

Желобчатые браслеты (третий тип) пока известны в одном экземпляре с поселения Гирдай-Тепе в Давлетабадском оазисе. Браслеты этого типа преимущественно распространены в евразийских степных культурах, причем высказано мнение о сложении их под влиянием браслетов первого типа²¹¹. Североафганский экземпляр может указывать на сосуществование обоих типов браслетов и в традиционно сельскохозяйственных культурах.

Височные кольца, происходящие из погребений, круглые в сечении, с несомкнутыми концами; в отдельных случаях они свернуты спирально в полтора оборота.

²⁰⁹ Подробнее см.: Khan F. A. Indus Valley..., p. 37.

²¹⁰ Sorianidi V. I. The most ancient Art of South Turkmenia and the Iranian Parallel.— In: The Memorial Volume of the International Congress of Iranian Art and Archaeology, v. II. Tehran, 1972, p. 389.

²¹¹ Кузьмина Е. Е. Металлические изделия..., с. 71.

Из вышеприведенного обзора уже сейчас можно сделать несколько выводов. В системе всего Афганистана в эпоху бронзы существовали однотипные изделия, но тяготевшие к разным металлургическим центрам. Если для южноафганских материалов пока еще недостаточно полных характеристик, то для Северного Афганистана можно с уверенностью говорить о вхождении его в орбиту огромной ирано-туркменистанской металлургической провинции²¹². Ирано-туркменистанская металлургическая провинция и металлообработка существуют по крайней мере с V тысячелетия до н. э. и продолжают до рубежа II—I тысячелетий до н. э., демонстрируя поразительный консерватизм в металлургической технологии, что, по-видимому, было связано с бедностью рудных месторождений оловом и мышьяком.

В середине II тысячелетия до н. э. в Северном Афганистане складывается металлургическая провинция, являющаяся производной от ирано-туркменистанского центра, что, однако, не исключает влияния в области древней металлообработки, идущего из соседних регионов вплоть до Месопотамии. Тот факт, что металлургическая провинция здесь возникает сразу в результате прихода нового населения, можно считать доказанным. Более того, некоторые виды металлических изделий, ранее неизвестных в Северо-Восточном Иране, южных областях Средней Азии, Афганистане, Белуджистане и долине Инда, появляются практически одновременно, отражая тем самым широкий процесс распространения металлических изделий в этой части Юго-Западной Азии. Думается, что явление это не случайно и вместе с другими данными может указывать на расселение родственных племен если не на всей, то на большей части очерченной зоны.

Происходя от ирано-туркменистанского металлургического центра и обнаруживая многие черты взаимного сходства, металлообработка североафганской провинции в ряде отношений характеризуется более прогрессивными признаками, что достаточно четко проявляется в изготовлении зубчатых серпов и некоторых других типов изделий. В целом же по набору типов орудий, оружия и украшений североафганская металлургическая провинция составляет один из передовых центров в системе древневосточного мира. И лишь отсутствие хорошей рудной базы с широким набором олова и мышьяка препятствовало выплавке бронзовых сплавов, имевших явное преимущество над медными.

Основные находки стратифицированных печатей Северного Афганистана происходят с памятников Дашлинского оазиса и в первую очередь с Дашлы-1 и 3. Хотя имеющаяся коллекция еще немногочисленна, она тем не менее может быть подразделена на две группы: печати каменные и металлические; в единичных экземплярах отмечены терракотовые. Среди имеющихся коллекций преобладают металлические, по-видимому, медные, относящиеся к типу перегородчатых печатей. Как правило, с лицевой стороны они имеют рисунок, чаще всего геометрический; с обратной стороны выступающую петельку — ручку. По данным Н. Н. Тереховой, тот факт, что ручки отливались вместе с самими печатями, указывает на изготовление их в закрытых формах, по-видимому, по восковой модели.

Размеры печатей варьируют от 4—5 до 9—10 см в диаметре. Наиболее распространены печати средних размеров (5—7 см в диаметре). Преобладают печати круглой формы, хотя в единичных экземплярах встречены квадратные и крестовидные. Следует отметить, что, хотя количество стратифицированных печатей невелико, имеется богатая коллекция печатей, происходящая из разграбленных могильников Дашлинского и Фарукабадского оазисов. Большая часть их попала в руки антикваров и продана, однако все же удалось зарисовать и сфотографировать свыше 100 печатей, среди которых имеются уникальные. Хотя эти печати и относятся к категории «случайных находок», тот факт, что почти все они находят точные соответствия в стратифицированных печатях со смежных территорий Средней Азии и Ирана, дает полное право использовать их для общей характеристики древней сфрагистики Афганистана.

Благодаря интенсивным исследованиям последних десятилетий становится очевидным, что перегородчатые печати занимали обширную территорию и составляют особую сферу бытования памятников древней сфрагистики. В самом деле, если в Двуречье с примыкающими Западным Ираном и Эламом в эпоху бронзы распространены были цилиндрические печати, а в долине Инда в хараппское время — прямоугольные каменные печати местного типа, то обширная территория, окружающая Иранское плато, являлась зоной бытования перегородчатых печатей.

В настоящее время наиболее представительные коллекции происходят из четырех регионов: Северо-Восточного Ирана (Гиссар)²¹³, Южного

²¹² Под термином «иранский» подразумевается в первую очередь Северо-Восточный Иран или, шире, — Иранский Хорасан.

²¹³ Schmidt E. Excavations at Tere-Hissar..., fig. 118; Показательна перегородчатая печать, происходя-

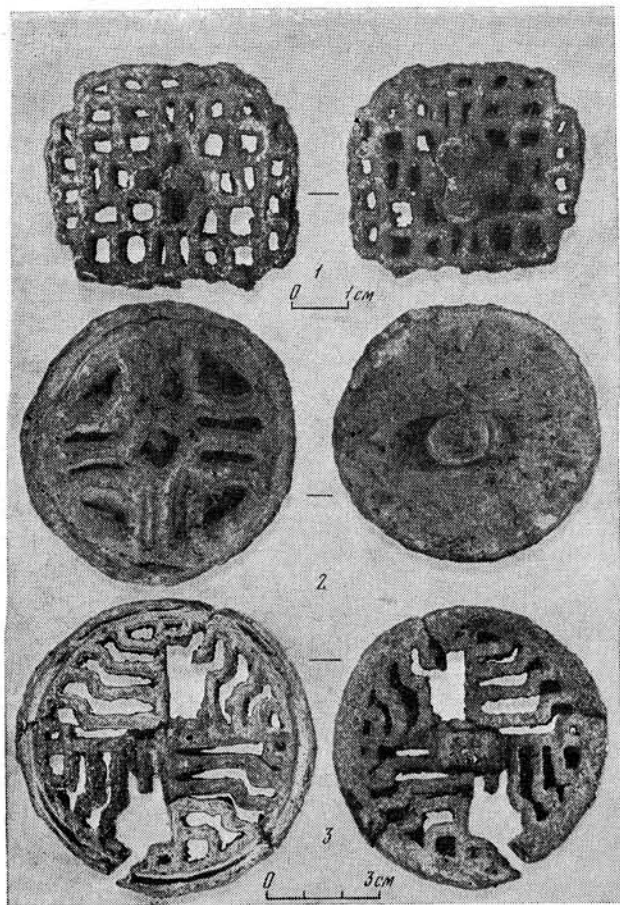

Рис. 45. Дашлы-3. Металлические печати

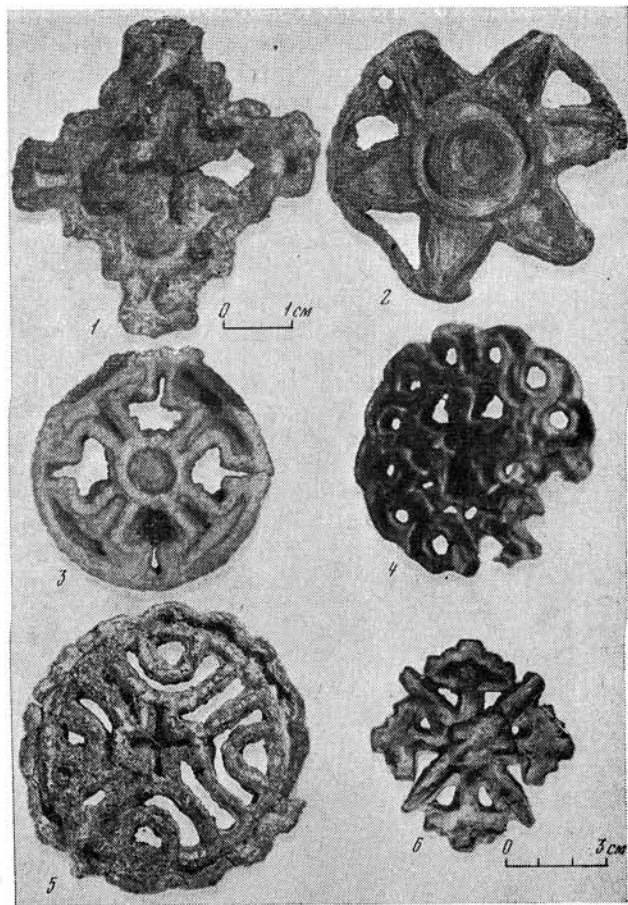

Рис. 46. Дашлы-3. Металлические печати

Туркменистана²¹⁴, Северного Афганистана и Иранского Сеистана (Шахри-Сохте)²¹⁵. Такого же типа перегородчатые печати найдены в Мундигаке²¹⁶, Иранском Белуджистане: Бампуре²¹⁷, Шахи-Тумп²¹⁸, поздних слоях поселения Наль²¹⁹, а также с поверхности каменной насыпи могильника Саидих²²⁰. Наконец, в единичных

образцах встречены перегородчатые печати в Амри²²¹, Кветтской долине²²², Рана-Гхундай и Дабар-Кот²²³, а также в Мохенджо-Даро²²⁴. Как видно, ареал распространения перегородчатых печатей весьма обширен, причем уже С. Пигготт обратил внимание на взаимную типологическую близость печатей Белуджистана с печатями Северо-Восточного Ирана и Южного Туркменистана²²⁵. Со своей стороны отметим столь же близкие взаимные соответствия между печатями, происходящими из крайних пунктов очерченной зоны. Имеются в виду фрагменты

пчая из случайных находок. (См.: *Ackerman P. The Moon and Fertility in Early Iran.*— «Bulletin of the American Institute for Persian Art and Archaeology», 1936, vol. IV, N 4, p. 189, fig. 5.)

²¹⁴ Агагарриев Е. А., Бердыев О. К. Археологическое изучение Туркменистана за годы советской власти.— СА, 1967, № 3, рис. 3.

²¹⁵ Tosi M. Excavations..., fig. 99—100; Tosi M. Excavations at Shahr-i-Sokhta. Preliminary..., fig. 276.

²¹⁶ Casal J. M. Fouilles de Mundigak..., pl. XLV. В фондах кабульского национального музея имеются еще две неопубликованные печати.

²¹⁷ Cardi B. de. Excavations at Bampur.— APAMNH, 1970, v. 51, part 3, fig. 51.

²¹⁸ Stein A. Archaeological Tour..., pl. XIV.

²¹⁹ Hargreaves H. Excavations in Baluchistan..., pl. XV.

²²⁰ Lamberg-Karlovsky C. C., Tosi M. Shahr-i-Sokhta..., p. 42, fig. 1.

²²¹ Casal J. M. Fouilles de Amri, pl. XXVII, E.

²²² Fairervis W. Excavations in the Quetta Valley..., fig. 23.

²²³ Tosi M. Excavations..., p. 378.

²²⁴ Д. Маршалл, находясь под впечатлением типичных печатей хараппской цивилизации, единичные бронзовые фрагменты явно перегородчатых печатей определил как изделия особого назначения. См.: Marshall I. Mohenjo-Daro..., v. I, p. 584; v. III, pl. CLVIII, N 3, 7; pl. CXLIII, N 9—10.

²²⁵ Piggott S. Dating the Hissar Sequence.— The Indian Evidence.— «Antiquity», 1943, v. XVII, p. 179—181.

круглых печатей из Мохенджо-Даро, представляющих собой многолепестковые розетки, — один из наиболее распространенных типов перегородчатых печатей Южного Туркменистана и Северного Афганистана. С. Пигготт первый отметил «пришлый» характер перегородчатых печатей Белуджистана, появляющихся здесь после 2000 г. до н. э. и имеющих западное происхождение²²⁶.

В настоящее время имеется возможность уточнить этот вопрос на новом археологическом материале. Для этого обратимся к стратифицированным печатям внутри очерченной зоны, где в ряде случаев им предшествуют аналогичные по типу, но каменные и изготовленные иной техникой сверления. Подобные каменные печати-амулеты по преимуществу квадратной или круглой формы достаточно широко представлены в Мундигаке в слоях III и IV, т. е. до 2000 г. до н. э. Орнаменты выполнены выемчатой техникой сверления, но передающих тип перегородчатых печатей. Наиболее распространены геометрические орнаменты, чаще всего образующие рисунки крестов²²⁷.

Как правило, в центре каменных печатей просверлено по два сквозных отверстия для шнура, что подтверждается следами стертости, всегда направленными навстречу друг к другу. В период Мундигака-IV наряду с такими печатями появляются металлические, перегородчатые, с аналогичными орнаментами; новшество заключается лишь в том, что вместо отверстий теперь делаются петельки-ручки.

Близкая картина прослеживается и по материалам Шахри-Сохте, где встречено свыше 100 каменных, преимущественно стеатитовых печатей. Наряду с прямоугольными и круглыми имеются единичные печати крестовидной формы. Орнаменты также выточены выемчатой техникой, причем полученные углубленные линии затем заглаживались металлическим инструментом. Размеры печатей варьируют от 4 до 10 см, все они имеют сквозные отверстия в центре для подвешивания на шнурке²²⁸. Как и в Мундигаке, каменные печати здесь были распространены в период Шахри-Сохте-II, причем в их орнаментах преимущественно распространены рисунки крестов²²⁹.

В конце периода II появляются, а в периоде III широко распространяются бронзовые

перегородчатые печати, форма и орнаменты которых подчас копируют каменные²³⁰. Налицо сходная, если не идентичная линия развития древней сфрагистики Сеистано-Кандагарского региона, лишняя раз подчеркивающая их взаимную культурно-историческую общность.

Иная ситуация наблюдается в Гиссаре, где в периоды Гиссар-I—II распространены исключительно так называемые пуговичные печати²³¹, более характерные для Элама и Месопотамии, на смену которым в период Гиссар-III приходят печати перегородчатого типа²³², имеющие, таким образом, «пришлый» характер. И, наоборот, соответствующие материалы из Южного Туркменистана сближаются с сеистано-кандагарским регионом, представляя вместе с тем более глубокою и последовательную линию развития исследуемых печатей. В самом деле, керамические, каменные и гипсовые амулеты круглой, квадратной и треугольной формы известны в Южном Туркменистане периода Намазга-III (начало III тысячелетия до н. э.)²³³.

Как правило, такие амулеты имеют с края лишь одно отверстие для шнура, а на лицевой стороне — резной орнамент, центральную часть которого всегда составляет рисунок крупного креста, имевшего магическое значение. В эпоху ранней бронзы (период Намазга-IV), судя по материалам Улуг-Тепе²³⁴, распространяются плоские каменные амулеты с двумя отверстиями в центре и орнаментом, выполненным техникой выемчатого сверления. Они аналогичны вышеотмеченным амулетам Шахри-Сохте и Мундигака и вместе с тем продолжают традиции местных амулетов предшествующего времени с Геоксюра и Кара-Тепе.

Наряду с перечисленными в тех же слоях Улуг-Тепе появляются керамические и каменные печати-амулеты, но без сквозных отверстий, а с небольшими ручками с оборотной стороны. Среди орнаментов на них преобладают рисунки крестов, которые на терракотовых образцах вырезаны еще по сырой глине, а на каменных — изготовлены техникой выемчатого сверления. Наконец, на рубеже III—II тысячелетий до н. э. почти наверняка от этих прототипов происходят исследуемые медно-бронзовые перегородчатые печати. Как видно

²²⁶ Piggott S. Prehistoric..., p. 220—226.

²²⁷ Casal J. M. Fouilles de Mundigak..., pl. XLV, A. Отметим, что опубликованные рисунки составляют лишь незначительную часть коллекции, как это можно судить по фондам Кабульского национального музея.

²²⁸ Tosi M. Excavations... at Shahri-i-Sokhta.— «East and West», 1969, fig. 262—274, p. 375.

²²⁹ Lamberg-Karlovsky C. C., Tosi M. Shahri-Sokhta..., fig. 32—40.

²³⁰ Там же, рис. 41—49.

²³¹ Schmidt E. Excavations at Tepe-Hissar..., pl. XV, pl. XXVIII, N 2183 скорее всего относится к слою Гиссар-III.

²³² Schmidt E. Excavations at Tepe-Hissar..., fig. 18.

²³³ Массон В. М. Кара-Тепе у Артыка.— ТЮТАКЭ, 1961, т. X, табл. XIV, 13—15; Сарияниди В. И. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении.— САИ, 1965, табл. III.

²³⁴ Неопубликованные материалы автора.

из приведенного обзора, наиболее последовательный и полный эволюционный ряд развития перегородчатых печатей в настоящее время дает Южный Туркменистан. Однако нет оснований ограничивать центр происхождения рассматриваемых печатей исключительно областями Южного Туркменистана. Неоднократно отмечалось, что период Намазга-III знаменуется инфильтрацией племен из древнего Ирана в плодородные предгорья Копет-Дага, причем именно на этот период падает первое появление здесь вышеотмеченных амулетов.

Думается, что существовал общий афгано-ирано-туркменистанский центр, начальный этап которого пока лучше всего известен лишь по материалам Южного Туркменистана. Дальнейшая линия развития сфрагистики документируется сначала идентичными плоскими каменными печатями с отверстиями в центре (Мундигах-III—IV, Шахри-Сохте-II—III, Намазга-IV), а затем и медно-бронзовыми перегородчатыми печатями с петельками-ручками (Мундигах-IV, Шахри-Сохте-III, Намазга-V—VI). Именно в этот последний период появляются аналогичные металлические печати в Северо-Восточном Иране, лучше всего представленные слоем Гиссар-III.

С точки зрения развития древней сфрагистики кажется вероятным, что Северо-Восточный Иран находился в стороне от центральной линии сложения перегородчатых печатей. С другой стороны, отмечено, что каменные печати отсутствуют в Юго-Восточном Иране²³⁵, а медно-бронзовые перегородчатые, по единодушному мнению, появляются здесь в качестве импорта из более западных районов. Если дальнейшие исследования подтвердят это предположение, то из зоны сложения перегородчатых печатей исключается и Юго-Восточный Иран. В настоящее время предполагаемый центр локализуется в предгорьях Южного Туркменистана (от Анау до Алтын-Тепе) и вдоль современной ирано-афганской пограничной территории вплоть до Иранского Сеистана (Шахри-Сохте) и Кандагарской долины в пределах Южного Афганистана. Можно не сомневаться, что дальнейшие археологические открытия внесут коррективы в очерченную зону, уточняя и детализируя предложенную схему²³⁶. Если теперь обратиться к печатям Северного Афганистана, то можно считать установленным фактом появление их здесь с за-

пада, из предполагаемого ирано-туркменистанского центра. Думается, что они появляются здесь где-то в середине II тысячелетия до н. э., практически одновременно с распространением их в Северо-Восточном и Юго-Восточном Иране.

Имеющаяся коллекция печатей Северного Афганистана — наиболее полная из известных и далеко превосходит как по количеству, так и по разнообразию художественного оформления опубликованные к настоящему времени печати очерченной зоны.

По орнаментальным мотивам (геометрическим, зооморфным, антропоморфным) северо-афганские печати могут быть условно разделены на несколько типов. Среди них, бесспорно, наиболее выдающееся место занимают две печати первого антропоморфного типа. Обе они изготовлены в прорезной технике, так что фигуры четко выделяются на сквозном фоне. На одной из них изображена сидящая на скамье (?) обнаженная человеческая фигура в профиль; плечи развернуты в анфас так, что руки упираются в контурный двойной ободок самой печати. Лицо трактовано обобщенно, зато мускулатура напряженных, согнутых в локтях рук передана с удивительно тонкой и тщательной моделировкой. Подчеркнутая грудь может указывать на женский образ, если только это не передача все той же предельно напряженной позы человека. Из-за округлых плеч выступают два крылышка; предмет, изображенный за скамьей, с точностью не определяется.

На второй печати опять изображена обнаженная человеческая фигура в той же позе: птичья голова и нижняя часть туловища даны в профиль, плечи развернуты в анфас так, что руки упираются во внешний ободок самой печати. Фигура сидит на неясном предмете в виде извивающейся ленты, возможно на змее или драконе; из-за плеч горизонтально в стороны расходятся крылышки. Хотя вся фигура передана достаточно обобщенно, четко выделены ладони руки и ступни сложенных вместе ног.

Перегородчатые печати с антропоморфными мотивами являются уникальными среди известных в очерченном регионе²³⁷, практически отсутствуют они и в месопотамской глиптике, хотя сама по себе сидящая человеческая фигура достаточно широко была распространена в искусстве Месопотамии и соседнего Элама²³⁸. На этом фоне особенно показательны изображения крылатых людей, возможно бо-

²³⁵ Lamberg-Karlovsky C. C., Tosi M. Shahr-i-Sokhta..., p. 46.

²³⁶ Отметим, что если в Тали-Иблис и Тепе-Яхья практически неизвестны металлические перегородчатые печати, то имеются сведения о находках и в Шахдаде, т. е. на крайнем северо-востоке Керманского оазиса.

²³⁷ Ср. лицевые оттиски на глине с Шахри-Сохте. (Tosi M. Excavations..., p. 377, fig. 291, 292).

²³⁸ Porada E. Tchoga-Zanbil, La Glyptique.— MDA en Iran, 1970, t. XLII, fig. 54—79.

Рис. 47. Печати с изображением людей, птиц и животных из разграбленных могил Бактрии

жеств, в сиро-хеттской глиптике²³⁹, где они определяются как следствие египетского влияния. Считается, что хеттское государство, занимавшее промежуточное положение между Месопотамией и Египтом, испытало с их стороны сильное воздействие, что нашло свое отражение и в глиптике. В интересующем нас плане весьма показательны коленапреклоненная человеческая фигура с птичьим лицом, с типичной хеттской прической и крыльями птицы, определяе-

мая как крылатый гений²⁴⁰. Подобные крылатые образы чаще всего определяются как мифологические духи, но в тех случаях, когда это обнаженные женские фигуры, они могут изображать божества. Если сравнить между собой сиро-хеттские и североафганские печати с антропоморфными фигурами, то налицо близкое, если не иконографическое, то, безусловно, стилистическое сходство, исключая случайное совпадение. В сиро-хеттской глиптике именно во втором периоде (1450—1180 гг. до н. э.) резко увеличивается изображение фантастических существ — человеческое тело с голова-

²³⁹ Contenau G. La Desse Nue Babylonienne. Paris, 1914, fig. 92, 96, 99.

²⁴⁰ Ward W. The Seal Cylinders of Western Asia. Washington, 1910, fig. 920; Contenau G. La Glyptique Syro-Hittite. Paris, 1922, fig. 198.

ми птиц или зверей, — которые долго сохраняются в ассирийском искусстве, где они определяются как добрые или злые гении²⁴¹. Думается, что североафганские образцы демонстрируют продолжение той же традиции, идущей из сиро-хеттского мира вплоть до Бактрийской равнины.

Возвращаясь к афганским печатям с антропоморфными изображениями, отметим, что при бесспорном иконографическом сходстве налицо и определенные стилистические отличия. Так, на одной из них фигуру отличают тяжеловесные формы, в то время как на другой антропоморфное изображение отличается легкостью и изяществом мягких, плавных линий тела. Особенно показательна тонкая талия, резко контрастирующая с широкими развернутыми плечами. Думается, что в обоих случаях изображено одно и то же божество, но в двух разных ипостасях. Хотя конкретная семантика обоих персонажей остается не совсем ясной, совершенно очевидно, что это мифологические персонажи, связанные с космогоническими представлениями.

Второй тип составляют печати с изображениями птиц. Особенно показательны фигуры хищных птиц, по-видимому, орлов, изображенных во фронтальной, геральдической позе: с повернутой в профиль головой, распростертыми крыльями, распушенным хвостом. Одна такая массивная печать происходит из раскопок дворца на Дашлы-3, остальные — из хищнических раскопок Дашлинского или Фарукабадского оазиса. При сюжетном сходстве общего образа отмечаются различия оформления контурного ободка самой печати: то гладкого, то в виде полуовальных фестонов, то извивающейся плетенки.

Печати с рисунками орлов, изображенных в геральдической позе, весьма специфичны и известны в единичных образцах. Одна такая, по-видимому, каменная печать ромбической формы со ступенчатым оформлением сторон и сквозным отверстием для шнура происходит из долины Инда (Хараппа)²⁴². На одной ее стороне выгравирован орел, возможно, с дополнительными рисунками змей над крыльями²⁴³, на оборотной стороне — крупный крест. Мотив орла уникален в культуре Хараппы, в то время как крест известен много шире; видимо, поэтому М. Уиллер предполагает западное происхождение, отмечая сходный мотив парящего орла в Сузах и Телл-Браке.

Аналогичен хараппскому как по форме, так

и по сюжету каменный амулет из Мургабского оазиса²⁴⁴; медная перегородчатая печать, отлитая в виде орла с распростертыми крыльями, предположительно происходит с Алтын-Тепе²⁴⁵. Рисунки птиц сами по себе не являются необычными и известны в расписной керамике Ближнего Востока с древнейших времен. Однако мотив орла в геральдической позе сравнительно локален; наиболее древние изображения известны на расписной керамике Юго-Западного Ирана (Сузиана)²⁴⁶, но достаточно устойчивая традиция отмечается в ирано-туркменистанском ареале начиная с эпохи энеолита (Сялк-III — Кара-Тепе)²⁴⁷. Не исключено, что в этом регионе и следует предполагать сложение парящего орла, который затем мог перейти с местной художественной посуды на печати. В таком случае и хараппские, и североафганские образцы могут отражать ареал их распространения из предполагаемого центра далее в восточном направлении.

Не исключено, что подобные изделия бытовали и на юге Афганистана. Так, костяная, ромбической формы с уступчатыми сторонами печать-амулет из Мундигака имеется в Национальном Кабульском музее: на одной стороне ее четко вырезан контурный крест, рисунок оборотной стороны неясен. В целом это изделие почти аналогично вышеописанной хараппской печати — отличие заключается лишь в разном материале.

Круглая гипсовая стеатитовая печать из пещеры Шамшир-Гар (Южный Афганистан) сохранила на одной стороне рисунок крылатого верблюда, на другой — птицы с распростертыми крыльями²⁴⁸. Семантика этого образа трудно поддается расшифровке, но, возможно, прав В. Вард, усматривающий в них эмблему, отражающую покровительственную силу. Все сказанное, однако, не может исключать и другого аспекта, связанного с глиптикой ново-хеттского царства, где найдены круглые печати, преимущественно каменные, в центре которых выгравированы орлы, иногда двуглавые, в геральдической позе, окруженные по

²⁴⁴ Сарьяниди В. И. Печати-амулеты мургабского стиля. — СА, 1976, № 1.

²⁴⁵ Хлопин И. Н. Раскопки..., с. 349—350.

²⁴⁶ Contenau G. Manuel d'Archéologie Orientale, t. II. Paris, 1931, fig. 408. Печать в виде орла см.: Pig-gott S. Dating the Hissar..., p. 178.

²⁴⁷ Ghirshman R. Fouilles de Sialk, v. I, pl. LXXIX, A, N 3; C, N 3.

²⁴⁸ Dupre L. Shamshir-Ghar, Historic Cave Site in Kaudahar Province Afganistan. — APAMNH, 1958, v. 46, part. 2, p. 232, fig. 58. Автор датирует печать кушанским временем, что, однако, требует дополнительных доказательств. Но и в таком случае это может отражать тысячелетнюю традицию существования рассматриваемого мотива в древнеафганской глиптике.

²⁴¹ Contenau G. La glyptique Syro-Hittite. Paris, 1966, p. 148—149.

²⁴² Vats M. Excavations at Harappa, v. II. Calcutta, 1940, pl. XCI.

²⁴³ Wheller M. The Indus..., p. 103.

контуру извивающейся плетенкой²⁴⁹. Необходимо отметить, что как рисунки орлов, так и манера оформления контурного ободка бордюром из переплетенной спирали или извивающейся плетенки являются характерным признаком сфрагистики сиро-хеттского мира. В этой связи отметим, что вышеупомянутая печать из дворца с Дашлы-3 единственная, имеющая не гладкий или фестончатый ободок, а бордюр в виде извивающейся плетенки, что усиливает возможные аналогии с сиро-хеттской глиптикой.

Здесь же отметим, что среди печатей, происходящих из хищнических раскопок, имеется печать с ручкой в виде высокого штыря с отверстием на конце — форма необычная для местных печатей, но типичная в сиро-хеттской глиптике²⁵⁰. Принадлежность их к эпохе бронзы документируется рисунком в виде спирали: аналогичное изображение имеется на стратифицированных фаянсовых печатях, происходящих из раскопок Дашлы-3.

К этому же типу относится круглая печать с изображением птицы, но выполненной не в статичной «канонизированной» позе, а, напротив, весьма натуралистично. Это представитель пернатого мира, возможно, гусь, идущий вправо; голова, посаженная на длинную шею, изогнута назад так, что клюв как бы почесывает приподнятое крыло. Близкое изображение, но на каменной печати происходит из Белуджистана, свидетельствуя совместно с бактрийским экземпляром о существовании реалистических мотивов на печатях эпохи бронзы.

Третий тип составляют печати, в центр которых вписаны изображения скорпионов, выполненных в полном согласии с натурой: четыре пары слегка изогнутых ног, расположенных симметрично по обе стороны тела, сильно изогнутый набор хвост и пара маленьких ножек.

Рисунок скорпиона трижды выгравирован на каменном призматическом амулете с Дашлы-1; близкое изображение имеется на каменной печати-амулете из бассейна Мургаба²⁵¹. Медно-бронзовые перегородчатые печати, отлитые в виде скорпионов, известны в древнем Иране как на севере (Гиссар)²⁵², так и на юге²⁵³. Хотя одна печать хараппского стиля из Ура имеет рисунок скорпиона, однако в долине Инда этот мотив пока с точностью неизвестен²⁵⁴. Вместе с тем на месопотамских цилинд-

рах изображения скорпионов не являются редкостью²⁵⁵, где они сопровождают эротические сцены, что, как считают, связано с идеей всеобщей плодовитости. Скорпион идентифицируется также с богиней Иштар (а последняя — с Венерой) касситского пантеона²⁵⁶. С другой стороны, не исключено и иное предположение: скорпионы, ведя ночной образ жизни, скрываясь от яркого солнца и прячась в тени, могли символизировать устрашающую, порой смертельную силу, олицетворяя собой тайные силы природы. В таком случае не исключен и тотемный аспект этих изображений, подобно тому как в шумерских текстах среди списка мифических правителей упоминается и имя скорпиона в качестве племенного или родового тотема²⁵⁷.

Хотя изображения этих паукообразных, типичных для аридной зоны Юго-Западной Азии, могли возникнуть независимо друг от друга, показательно, что в древнем искусстве Южного Туркменистана, Северного Ирана и Афганистана рисунки скорпионов не известны вплоть до появления исследуемых печатей. Однако в Центральном Иране изображения скорпионов, хотя и изредка, но уже появляются на расписной посуде Сялка-III²⁵⁸, а в Гияне они имеются на печатях²⁵⁹. Несколько больше таких изображений в Юго-Западном Иране (Сузиана, Талибакун)²⁶⁰, зато в соседней Месопотамии рисунки скорпионов становятся популярными начиная с художественной керамики позднихассунского периода²⁶¹.

Как видно, намечается хронологическая цепочка, идущая с крайнего юго-запада Ирана (а в опосредствованной форме — из соседней Месопотамии) на северо-восток, так что на смежную афгано-ирано-среднеазиатскую территорию исследуемый мотив попадает сравнительно поздно — в середине II тысячелетия до н. э.

Четвертый тип составляют перегородчатые зооморфные печати, представленные тремя образцами. На одной из них в центре сохранилось изображение идущего горного козла (или барана). Длинные, круто загнутые рога заброшены на спину; непропорционально длинные ноги слегка согнуты, придавая всей позе дви-

²⁵⁵ *Legrain L. Ur Excavations. Oxford, 1963, v. III, pl. 18, № 48—50.*

²⁵⁶ *Ward W. H. The Seal Cylinders..., p. 405.*

²⁵⁷ *Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. М., 1959, с. 167.*

²⁵⁸ *Ghirshman R. Fouilles de Sialk..., pl. LXXVIII, B, N 2.*

²⁵⁹ *Contenau G., Ghirshman R. Fouilles de Tepe-Gijan, pl. 38, N 27.*

²⁶⁰ *Contenau G. Manuel D'Archéologie..., v. I, fig. 298.*

²⁶¹ *Braidwood R., Braidwood L., Tulane E., Perkins A. New Chalcolithic Material of Samarran type and its implications.— INES, 1944, v. III, N 4.*

²⁴⁹ *Contenau G. La Civilization des Hittites. Paris, 1948, p. 50—52; 162, fig. 4, 36.*

²⁵⁰ *Contenau G. La Glyptique...*

²⁵¹ *Сапуаниди В. И. Печати-амулеты мургабского стиля..., рис. 2.*

²⁵² *Schmidt E. Excavations at Tepe-Hissar..., fig. 118.*

²⁵³ *Lamberg-Karlovsky C. C., Tosi M. Shahr-i-Sokhta..., fig. 1; 121.*

²⁵⁴ *Wheller M. The Indus..., p. 103.*

жение вперед. Точно такая же печать происходит из бассейна Мургаба; в Южной Туркмении известны фигурные печати, отлитые в виде козлов с изогнутыми рогами, прототипы которых в изобилии отмечаются в местной расписной посуде предшествующего времени²⁶². Мотив горного козла или барана является настолько популярным на древнем Востоке, что было высказано мнение о его преимущественно тотемном характере на памятниках древнего искусства²⁶³.

Особого интереса заслуживает массивная фигурная печать, отлитая в виде горбатого быка, стоящего на лапке, изображенной в виде извивающегося двуглавого змея или дракона. Профильная фигура быка сохранила морду с круглым глазом и выделенным ртом; голову венчает пара изогнутых навстречу рогов. Подчеркнутый горб и задорно загнутый хвост дополняют общий образ этого популярного животного древневосточного искусства. Обратная сторона в противоположность другим печатям имеет не плоскую, а рельефную поверхность, подчеркивающую мощную мускулатуру тела, детализированную передачу морды с круглым глазом и полуоткрытым ртом; в середине тулова имеется петелька-ручка. Аналогичная манера двусторонней обработки деталей с оборотной стороны засвидетельствована еще в Южном Туркменистане на печати трикефала.

Судя по специально выделенному горбу и некоторым стилистическим деталям, например по форме рогов, это изображение быка индийской породы, хорошо известной по печатям культуры Хараппы, где они определяются эмблемами божеств или даже божествами, которым придан зооморфный облик. С другой стороны, с глубокой древности образ быка являлся популярным во многих частях древневосточного мира, для чего достаточно вспомнить великолепные скульптурные букрании святилищ Хаджилара. В дальнейшем изображение быка последовательно прослеживается в искусстве и многих древнеземледельческих общинников Ближнего Востока. Очевидно, что и рассматриваемая печать может иметь местное происхождение, тем более что изображения быков входят в репертуар расписной керамики ирано-туркменистанского круга начиная с периода энеолита (Сялк III — Кара-Тепе). Известны они в каменной и терракотовой пластике этого обширного региона и в последующее время вплоть до эпохи бронзы. В этой связи отметим металлическую перегородчатую печать из Юж-

ного Афганистана в виде горбатого быка, отнесенную к античному времени²⁶⁴.

В Иране перегородчатые печати подобного типа неизвестны, зато найдены они в Южном Туркменистане. Имеется в виду печать с Алтын-Тепе в форме бычка, стоящего на коротких ногах; морда украшена круглым рельефным глазом, загнутые рога и лепестки-уши венчают голову животного. Намеренно выделенный горб на шее может указывать на индийскую породу быков, если не на влияние сфрагистики хараппской цивилизации.

Хотя образ быка был широко распространен в древневосточном искусстве, конкретный североафганский образец демонстрирует, безусловно, мифологический сюжет, пока не отмеченный в древней сфрагистике Ближнего Востока. Выше уже отмечалось вполне вероятное изображение на этой печати индийской породы быка. Известна в долине Инда и призматическая трехгранная поделка, на каждой плоскости которой имеются хараппские письмена, рисунок крокодила и, наконец, лапья с двумя сидящими в ней птицами²⁶⁵. Из Северной Месопотамии происходит бронзовая табличка, состоящая из трех регистров: на верхних двух изображена заупокойная сцена, на нижнем — лапья, корма и нос который отдаленно напоминают змеиные головы, а вся сцена может отражать нижний (потусторонний) мир²⁶⁶.

Думается, что прав В. Вард, считающий, что в странах с интенсивно развитой системой каналов, например в Египте или Месопотамии, где все движение осуществлялось преимущественно по воде, были широко развиты мифологические представления, что бог рождается в лодке, а не в повозке, как это было распространено у народов равнин и плоскогорий. В таком случае можно предполагать, что печать с изображением быка изготовлена местными, североафганскими мастерами; сам же этот образ имеет преимущественно индийское происхождение. Хотя семантика его не совсем ясна, думается, что в конечном счете она связана с древним мифотворчеством.

В единственном экземпляре известна печать с изображением обезьяны в профиль, сидя-

²⁶⁴ Dupre L. Shamshir-Ghar, pl. 38a. Выше уже отмечалось обнаружение в этой же пещере печати с рисунком орла во фронтальном положении. Не исключено, что в Шамшир-Гар имелись слои позднебронзового века, которые в кушанское время оказались перекрытыми.

²⁶⁵ Dales G. The South Asia Section.— «Expedition», 1968, v. 11, N 1, p. 38.

²⁶⁶ Ward W. The Seal Cylinders..., fig. 856. Известны также лодки-люди, у которых корма и нос трактованы в виде погрудных человеческих фигур. (См.: Dales G. The South Asia..., p. 43).

²⁶² Массон В. М. Протогородская цивилизация юга Средней Азии.— СА, 1967, № 3, с. 181—183, рис. 13.

²⁶³ Marshall I. Mohenjo-Daro..., p. 392.

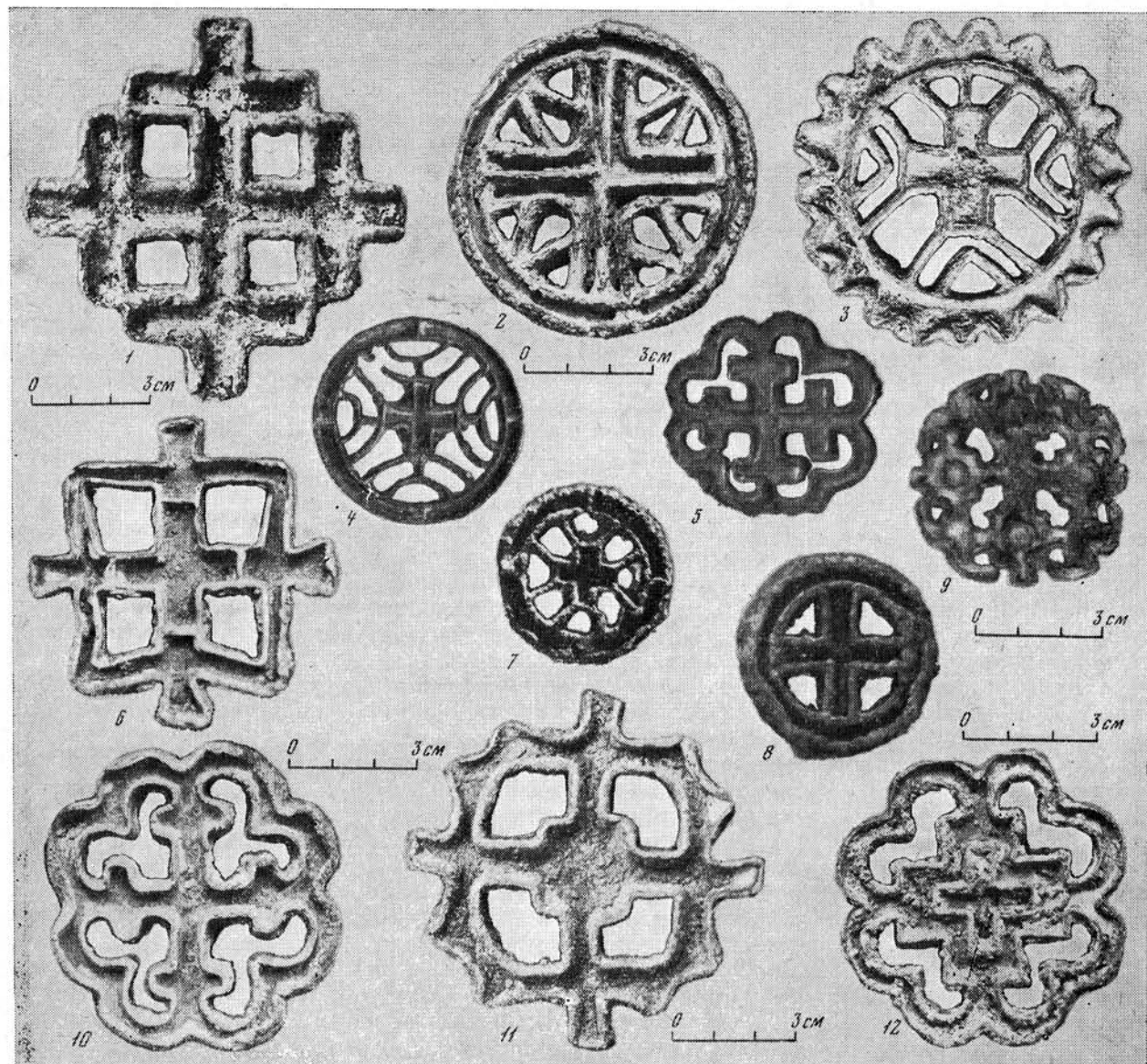

Рис. 48. Печати с крестовидными орнаментами из разграбленных могил Бактрии

щей на короточках, с поднятыми вверх передними конечностями и длинным изогнутым хвостом. Образ обезьяны чрезвычайно редок в древневосточной глиптике и известен в единичных экземплярах и всегда в соподчиненной роли²⁶⁷. Присутствие изображения обезьяны так далеко на севере от мест естественного обитания заставляет предполагать «пришлый» характер самого мотива. Из территориально близких регионов это может быть индийский субконтинент,

²⁶⁷ Ward W. The Seal Cylinders..., fig. 306, 347.

однако там известны лишь терракотовые статуэтки. Зато рисунки обезьяны имеются на сиро-хеттских печатях²⁶⁸, где они определяются как следствие египетского влияния — как известно, бабуины были тесно связаны с божеством Тотом²⁶⁹. Далее будут отмечены возможные соответствия сиро-хеттской и североафганской глиптики, что может указывать на вполне вероятное сложение этого образа здесь под влиянием сфрагистики хеттского круга.

Шестой и наиболее многочисленный тип составляют печати с геометрическими орнаментами, в основе которых находится крест

²⁶⁸ Contenau G. La Desse..., fig. 94.

²⁶⁹ Contenau G. Manuel d'Archéologie..., t. II, p. 821—822.

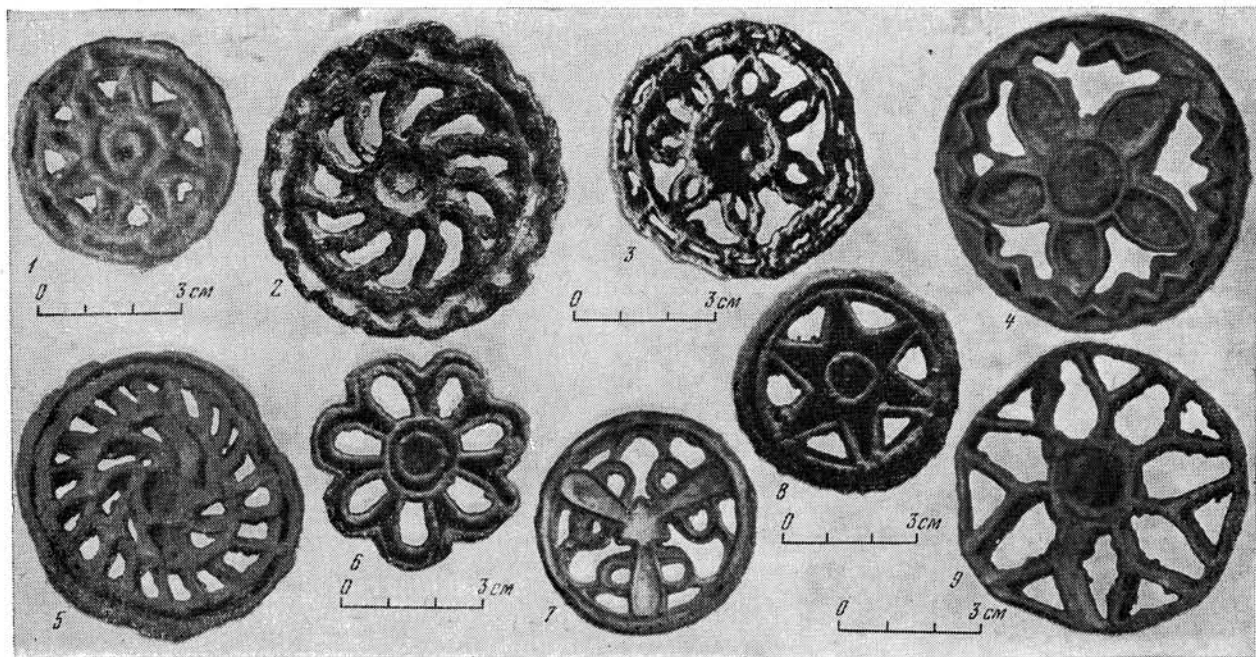

Рис. 49. Печати с розетковидными орнаментами из разграбленных могил Бактрии

или его модификации. Имеются как простые образцы в виде круглой печати, внутреннее пространство которой занимает крупный крест, так и сложные, в центр которой вписан миниатюрный крестик, соединенный с внешним ободком самой печати добавочными соединительными прямыми или полукруглыми полосками. Как разновидность можно отметить круглые печати, внутрь которых вписаны кресты с четырьмя дополнительными лучами, также образующими крест. Наконец имеются круглые печати, внутри которых вписаны крупные кресты, концы которых оформлены либо в виде трезубцев, либо кружков; на одной печати крест образован фестончатыми лопастями. Варианты крестовидного типа являются печати с Дашлы-3, на одной из которых крест оформлен ломаными линиями. На другой — миниатюрный крест заключен в решетчатый щиток, также имеющий по контуру форму креста. Как правило, все такие печати круглые, с гладким или зубчатым оформлением; в единичных случаях отмечены квадратные, но того же орнаментального типа. Особого интереса заслуживают прорезные печати, условно обозначенные как «крест в нимбе». Их центральную часть составляет крупный крест (иногда вписанные друг в друга два креста), концы которого имеют поперечные перекладины, от которых отходят полукруглые фестоны, образующие внеш-

ний контур самой печати. Сквозные прорезные уголки в сочетании с массивными крестами создают впечатление ажурного плетения, подчеркивающего основной символ креста.

Подлинным шедевром медальерного искусства является прорезная печать в виде крупного креста, концы которого оформлены в виде дополнительных уступчатых крестов, пространство между которыми занимают фестоны. Здесь символ креста повторен многократно, что не оставляет сомнений в его основной смысловой нагрузке.

Близко к этому подтипу относятся печати в виде крупных контурных крестов с перекладинами на концах; последние иногда соединены вместе, а в центр вписан дополнительный крестик. С Дашлы-3 происходит прорезная печать, отлитая в виде крупного контурного уступчатого креста, внутрь которого вписан миниатюрный крест.

К седьмому типу относятся печати, основу композиции которых составляют многолепестковые розетки. Число лепестков варьирует от 5 до 8, причем чаще всего встречаются семьлепестковые, имеющих форму вытянутого овала или реже — остроугольных зубчиков.

Как правило, розетки либо вписаны во внешний, часто двойной круг самой печати, либо имеют фестончатое оформление; центральную часть таких печатей составляют вписанные друг в друга кружочки, иногда один кружок.

Печать, внутри которой вписана шестилучевая звезда, возможно, впоследствии будет

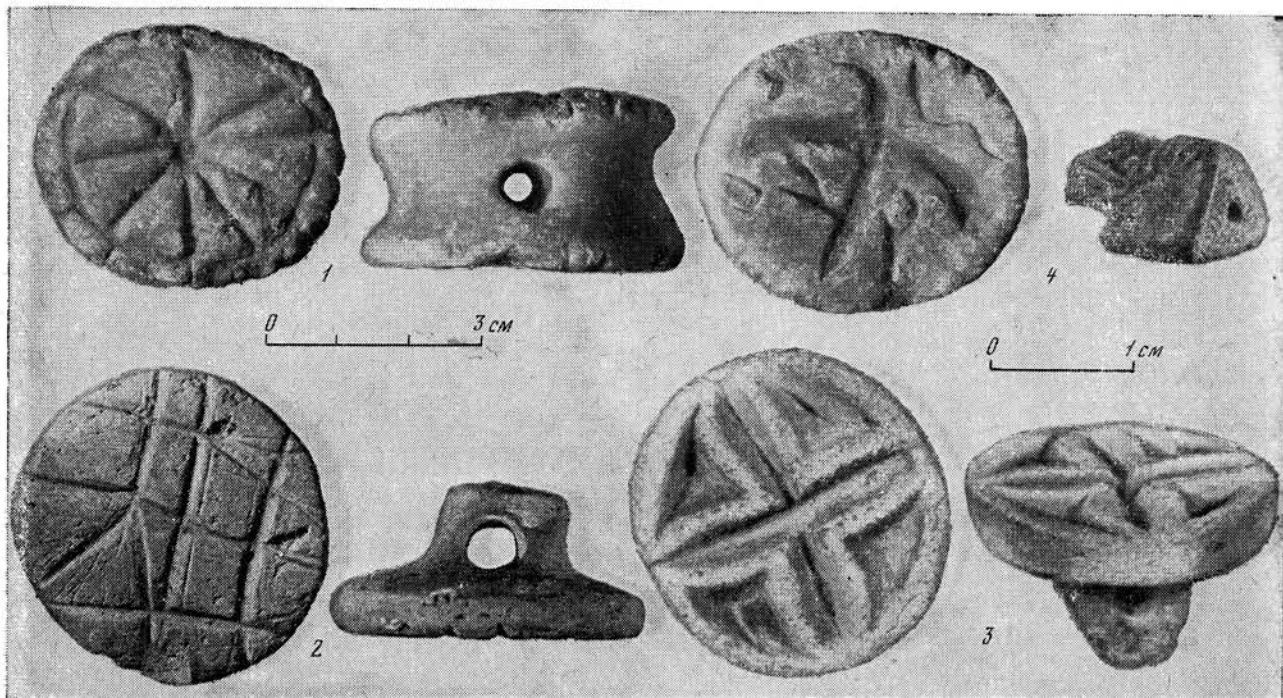

Рис. 50. Дашлы-1. Каменные печати-амулеты и оттиски с них

выделена в самостоятельный тип, точно так же, как трехлопастное изображение на другом образце. Кроме того, имеется четырехлепестковая розетка с квадратом в центре, возможно, относящаяся к печатям крестовидной формы.

Единственным экземпляром представлена круглая печать в виде вихревой розетки, печать, состоящая из серии мелких прямоугольных ячеек, а также полностью прорезные печати неясного типа.

Следующую, но очень малочисленную группу составляют каменные печати-амулеты, преимущественно происходящие с поселения Дашлы-1. Ограниченность имеющегося материала препятствует установлению полной типологии, которая пока может быть представлена лишь в предварительном виде.

Первый тип составляют печати-амулеты с натуралистическими изображениями. Это в первую очередь печать, изготовленная из алебастровидного камня белого цвета. Она имеет цилиндрическую форму со сквозным отверстием по удлиненной оси. С обеих сторон сохранились процарапанные рисунки, причем внешние ободки украшены вертикальными насечками. На одной стороне нанесен довольно схематический орнамент в виде 9-лучевой розетки с неглубоким отверстием в центре. Зато с оборотной стороны изображен более слож-

ный рисунок в виде схематичной птицы, по-видимому орла в геральдической позе; в картушах имеются более мелкие рисунки, среди которых четко читается изображение извивающейся змеи у головы птицы. Само по себе это предельно схематизированное изображение с трудом поддается расшифровке, однако сходный рисунок орлоподобной птицы известен на печатке из Чанху-Даро²⁷⁰ и вместе с вышеупомянутыми аналогичными рисунками Афганистана и Туркменистана входит в один общий круг древней сфрагистики.

Другая призматическая печать, к сожалению, сохранилась лишь частично. Она найдена на поверхности холма, изготовлена из черного камня, имеет в разрезе треугольную форму со сквозным отверстием вдоль длинной оси. На всех трех плоскостях частично сохранились выгравированные рисунки, напоминающие изображение скорпионов.

Следующая печать — прямоугольная, плоская в сечении, со сквозным отверстием по длинной оси, изготовлена из твердого камня черного цвета. С обеих сторон выгравированы рисунки: на одной изображен идущий крылатый лев с раскрытой пастью и загнутым вверх хвостом. Рисунок отличается тонкая моделировка в проработке деталей и, в частности, в трактовке лохматой гривы. Вторая плоскость сильно сбита, так что рисунок с точностью не читается; отметим лишь, что и здесь прослеживаются

²⁷⁰ Маскав Е. Chanhu-Daro..., p. 144, pl. I, N 4.

линии, напоминающие крылья. Изображение крылатого льва более характерно для ассирийского искусства XII—X вв.²⁷¹, но в древней Бактрии этот мотив был широко распространен на местных печатях.

С этого же поселения происходит круглая фаянсовая печать с выгравированным рисунком креста и ручкой-петелькой с обратной стороны, а также терракотовая, на лицевой стороне которой процарапаны пересекающиеся линии.

Две фаянсовые круглые печати найдены при раскопках дворца на Дашлы-3. С лицевой стороны они имеют сходный нарезной рисунок в виде зубчатого круга, от которого в центр отходит закругленная спираль; на оборотной стороне имеются петельки-ручки. Выше отмечалось, что аналогичный спиральный узор имеется на металлических печатях (но с необычно высокими ручками), происходящих из хищнических раскопок.

В верхнем слое дворца Дашлы-3 встречены две круглые стеатитовые печати с ручкой и крестовидным орнаментом, выгравированным глубокой техникой. Близкое изображение имеется среди печатей-амулетов со сквозным отверстием вместо ручки, характерных для новохеттского царства²⁷².

Особняком стоит амулет, происходящий из случайных находок Дашлинского оазиса. Хотя точная хронологическая принадлежность его не определена, думается, что он входит в круг печатей эпохи бронзы. Этот плоский бронзовый ступенчатый ромб имеет два сквозных отверстия в противоположных углах. На одной стороне изображено дерево в виде прямого ствола, от которого снизу отходят две ветви с острыми листочками. Сверху на ветви опускается пара птиц с поднятыми крыльями, но уже вытянутыми как для посадки ногами. Верхушка ствола оформлена в виде расширяющейся кроны короткими, веерообразно расходящимися ветвями, напоминающими пальму.

Мотив «священного дерева» среди других символов труднее всего поддается расшифровке. Однако, как например, на касситских печатях, когда дерево составляет ось композиции, оно изображено реалистично, а на ветви садится пара птиц — в таком случае оно определяется как символ «священного дерева»²⁷³. Предполагается, что «священное дерево» символизирует собой не просто плодородие, а де-

рево, дарующее счастье. В литературе отмечалось, что в Авесте упоминается дерево, на котором собраны семена всех растений мира. Сидящий на дереве грифон трясет ветки, а другая птица собирает эти семена, несет их в небо, где они, смешавшись с дождем, падают вновь на землю и производят новые растения. Думается, что эти данные могут быть с полным основанием сопоставлены с рассматриваемым изображением на дашлинском амулете.

Центральную часть его второй стороны занимает фигура двугорбого верблюда в профиль, мелкие детали на голове читаются плохо, но, видимо, передают украшения. С особой тщательностью проработана плавно изогнутая шея; перед мордой животного изображен обнаженный ребенок, возможно младенец, держащий за повод верблюда. Тонкая моделировка всего изображения документируется напряженной мускулатурой тела животного, оставленного в своем движении вперед туго натянутым поводом ребенка. Мотив верблюда практически отсутствует в Месопотамии и долине Инда, зато в Иране известен в росписи посуды Сялк-III, а в Туркменистане, помимо остеологических материалов эпохи энеолита, известны многочисленные терракоты конца III тысячелетия и, наконец, на амулете из Северного Афганистана II тысячелетия до н. э.

И позднее это животное занимает видное место в искусстве ахеменидского Ирана (рельефы Персепольского дворца) и Бактрии (на монетах, оттисках на сосудах)²⁷⁴, что позволяет выделить афгано-ирано-туркменистанский центр в системе всего Древнего Востока, где в культах и мифах образ верблюда занимал особое место. Отметим, что в Авесте верблюд — самое высокочтимое животное, обладающее наибольшей силой и мощью, что предполагает существование весьма древнего его культа²⁷⁵. Как видно, североафганский амулет демонстрирует сочетание общеизвестного древневосточного символа «священного дерева» с глубокоместным изображением верблюда, занимавшего особое место у восточноиранских племен. В этой связи отметим уже упоминавшийся рисунок крылатого верблюда из Южного Афганистана и бронзовую печать с его изображением.

Ромбической формы амулеты из лазурита и опоки известны на Сапалли-Тепе, где они также имеют по два сквозных отверстия, как

²⁷¹ Porada E. Corpus of Ancient Near Eastern Seals. Washington, 1948, pl. LXXXVI.

²⁷² Contenau G. La Civilization..., fig. 36.

²⁷³ Van Buren E. Symbols of the Gods in Mesopotamian Art. Rome, 1945, p. 40; Ward W. H. The Seal Cylinders..., p. 219—220, fig. 701.

²⁷⁴ Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган.— МИА, 1953, № 73, с. 266.

²⁷⁵ Более подробно см.: Кузьмина Е. Е. Древнейшая фигура верблюда из Оренбургской области и проблема domestикации бактрианов.— СА, 1963, № 2, с. 43—44.

мургабский и дашлинский экземпляры. Сохранившиеся на них гравировки передают рисунки дерева, птиц, возможно орлов, змей²⁷⁶.

Обзор печатей Северного Афганистана дает возможность сделать несколько предварительных выводов. У местных племен существовало два вида изделий подобного рода: металлические печати и каменные печати-амулеты. Хотя символы, изображенные на них, в целом одинаковы, представляется, что металлические перегородчатые печати имели светское назначение, в то время как каменные печати-амулеты — культовое.

В свою очередь перегородчатые печати распадаются на два вида — натуралистический (антропоморфные, зооморфные, паукообразные) и абстрактный (кресты, розетки и др.). Семантика печатей первого вида пока еще с трудом поддается выяснению, но показательно, что она по преимуществу носит мифологический характер (крылатые люди, бык на ладье); вместе с тем печати с изображением скорпионов, обезьяны, орлов, возможно, гусей указывают на существование иных образов. Показательно, что последние изображения выполнены довольно реалистично, но почти все это представители диких, а не домашних видов, что заставляет усматривать в них эмблемы, наделенные особыми свойствами. В этом плане печати как бы продолжают традицию, отмеченную для расписной керамики Ближнего Востока, где по преимуществу изображались дикие животные и птицы, видимо, имевшие тотемное значение.

Вместе с тем налицо более широкое назначение перегородчатых печатей, свидетельством чего являются их отпечатки на глине. В Гиссаре встречено несколько таких отпечатков на глине, причем на некоторых из них сохранились сквозные отверстия от шнура. Все комки глины после отпечатков были обожжены и определяются как бирки торговцев²⁷⁷. Много больше отпечатков встречено при раскопках другого древнеиранского поселения — Шахри-Сохте; хотя большинство их сделано печатями, еще не встреченными при раскопках, имеются отпечатки, точно повторяющие уже известные печати. Принципиально важного значения заслуживает тот документально установленный факт, что в ряде случаев отпечатки производились неоднократно, а главное — разными печатями по одному куску глины²⁷⁸.

В противоположность Гиссару в Шахри-Сохте отпечатки сохранились на сырой, а не на

обожженной глине, причем в большом количестве, что указывает на их хозяйственное, утилитарное назначение.

Создается впечатление, что если не каждый взрослый житель, то по крайней мере все главы семей имели свои печати, игравшие роль семейных символов собственности. Не исключено, что в больших семьях каждый глава семьи имел свою печать, но все они являлись символами каждого конкретного большесемейного коллектива, так что, возможно, этим обстоятельством можно объяснить наличие различных отпечатков на одном комке глины. Вместе с тем налицо религиозно-магический аспект изображений на печатях, получивший свое отражение в вышеотмеченных орнаментах.

В этом отношении показательно исследование, проведенное В. К. Афанасьевой применительно к шумеро-аккадской глиптике. По ее мнению, древняя печать отмечала принадлежность предмета определенному лицу в тесной связи с симпатической магией. «В этом явлении, видимо, и заложена тенденция к развитию печати как знака собственности — от охранный собственности при помощи магии к ее (собственности) юридической охране»²⁷⁹. Думается, что рассматриваемые североафганские печати имели близкое назначение: являясь символом собственности, они вместе с тем сохраняли еще глубокую магико-религиозную семантику, корни которой уходят в предшествующее время.

В этом плане особого интереса заслуживает тот факт, что наиболее популярными изображениями на печатях являются рисунки крестов и розеток. Кресты в различных вариантах и модификациях постоянно присутствуют на многих печатях, либо включенные в центр более общего орнамента, либо имеющие самостоятельное значение. Изображение креста едва ли не самый древний символ в искусстве многих племен Ближнего Востока, где он определяется как имеющий магический смысл оберега²⁸⁰. В таком случае не исключено, что этот древнейший символ, постоянно встречающийся в росписи художественной керамики, был использован в качестве магического орнамента на печатях, все более приобретающих юридическую силу как символа собственности.

Не менее популярны были и изображения розеток или многолучевых звезд в виде центрального круга, от которого отходят лучи в

²⁷⁶ Аскарпов А. А. Сапалли-Тепе, с. 95—96, рис. 47.

²⁷⁷ Schmidt E. Excavations at Tepe-Hissar..., p. 200 Pl. XLIX.

²⁷⁸ Tosi M. Excavations... at Shahr-i-Sokhta, p. 376—378, fig. 277—280.

²⁷⁹ Афанасьева В. К. Мифология и эпос в шумеро-аккадской глиптике. (Автореф. канд. дисс.). Л., 1965. с. 8.

²⁸⁰ Хлопин И. Н. Изображение креста в древнеземледельческих культурах Южной Туркмении. — КСИИ, 1962, вып. 91, с. 14—21; Массон В. М. Протогородская цивилизация..., с. 181.

количестве от пяти и более. Уже отмечалось что символ звезды не характерен для Южного Туркменистана поры энеолита; здесь в росписи посуды имеется солярный символ в виде круга или двойного круга, иногда с зубцами, но число их непостоянно и нередко достигает полутора десятков²⁸¹. Вместе с тем мотив многолучевой, преимущественно шестилучевой звезды или розетки уже известен в Иране начала эпохи энеолита (Гиссар-IV—IC; Сялал-III), возможно, также в значении солярного символа. В этом отношении показательна шумерская и эламская письменность, где имеется шести- и восьмилучевая звезда в значении ан — «небо»²⁸², dingir — «бог», «божество»²⁸³.

Вместе с тем среди дашлинских печатей имеются трехлопастная и даже вихревая розетки, указывающие на более широкое смысловое значение ряда символов, существовавших у местных племен.

Выше уже отмечалось, что североафганские каменные печати-амулеты обнаруживают сходство с амулетами Мургабского оазиса и, что особенно важно, в постхаррапской культуре Джукхар, которую одни авторы определяют как хотя и выродившуюся, но собственно харрапскую (В. Фаирсервис, Ж. Касаль), а другие — как совершенно новую пришлую культуру (С. Пигготт, К. Дикшит). Но независимо от этого все авторы единодушны в том, что печати культуры Джукхар резко отличны от собственно харрапских и имеют западное происхождение²⁸⁴. Наиболее полная коллекция этих печатей происходит с холма Чанху-Даро, из слоев культуры Джукхар. Эти печати-амулеты глиняные или каменные, круглой или овальной формы, со сквозным отверстием или петелькой с тыльной стороны; на одной или на обеих плоскостях выгравированы изображения преимущественно простых геометрических рисунков, реже — животных²⁸⁵.

По Е. Маккею, печати-амулеты культуры Джукхар ближе всего напоминают архаические эламские, которые, однако, по крайней мере на тысячу лет древнее их; с другой стороны, как по форме, так и по рисункам они перекликаются и с хеттскими печатями. Предполагается, что в эламском искусстве могло произойти воскрешение древних форм и рисунков на печатях, которые вероятнее всего имеют западное

происхождение, причем из этого же источника могут происходить печати культуры Джукхар²⁸⁶.

Если сравнить дашлинские и чанхударовские печати-амулеты, то между ними нет прямых аналогий, хотя косвенные данные могут свидетельствовать об их общем происхождении. Отметим, что среди других находок из Северного Афганистана имеются каменные и керамические печати с ручками на обороте и простыми геометрическими орнаментами, что близко соответствует аналогичным печатям из Чанху-Даро²⁸⁷. С другой стороны, амулеты без ручек и с отверстиями для шнура для этого времени известны лишь в долине Инда, Южном Туркменистане, Северном Афганистане и Сузиане. Следует особо отметить индийский амулет с изображением орлоподобной птицы²⁸⁸, близкое соответствие которому (как по форме, так и по двустороннему рисунку) имеется в Северном Афганистане. Рисунки птиц на обоих этих амулетах выполнены предельно схематично, так что отдельные детали (лапки?) читаются с трудом. На афганской печатке показателен рисунок змеи в поле, за головой птицы; хотя подобного изображения нет на этом индийском экземпляре, общая трактовка орлоподобной птицы такова, что Е. Маккей определил ее как рисунок трех змей²⁸⁹, змеи под крыльями орла изображены на амулете из Харрапы²⁹⁰, что весьма показательное в плане выявления общих иконографических параллелей глиптики долины Инда, Туркмении и Афганистана конца II тысячелетия до н. э.

Итак, можно считать установленным, что как печати культуры Джукхар, так и печати мургабского стиля и примыкающие к ним североафганские печати имеют западное происхождение с предположительным центром в Сузиане. Менее ясны параллели с хеттской глиптикой Северной Сирии, где в III тысячелетии до н. э. распространяются цилиндры месопотамского типа и лишь позднее — печати-амулеты с местными изображениями²⁹¹, находящими параллели в индо-афгано-туркменистанских печатях. Думается, что параллели эти носят преимущественно формальный характер и, скорее, отражают одинаковую, но независимую стадию развития глиптики, которая везде в древневосточном мире начинается с так называемых пуговичных печатей. Вместе с тем уже отмечалось, что печати-амулеты как долины Инда, так и дельты Мургаба резко отличны от местных, но

²⁸¹ Массон В. М., Саруаниди В. И. Среднеазиатская terra-cotta..., с. 15.

²⁸² Falkenstein A. Archaische Texte aus Uruk.— Ausgrabungen der Deutschen Forschungsgemeinschaft in Uruk-Warka, 1936, Bd. 2, N 192.

²⁸³ Labat R. Manuel d'epigraphie Akkadienne. Paris, 1953, N 13.

²⁸⁴ Dikshit K. N. Harappa culture and its aftermath.— «Archeocivilization», 1967, N 3—4, p. 28—29.

²⁸⁵ Mackay E. Chanhi-Daro..., p. 140—144, pl. XLIX, L.

²⁸⁶ Mackay E. Chanhi-Daro..., p. 144.

²⁸⁷ Там же, табл. XLIX, № 14, 15 и особенно № 6.

²⁸⁸ Wheller M. The Indus..., p. 103.

²⁸⁹ Mackay E. Chanhi-Daro..., p. 142.

²⁹⁰ Wheller M. The Indus..., p. 103.

²⁹¹ Hogarth D. G. Hittite Seals. Oxford, 1930, p. 103.

предшествующего времени, что, конечно, не случайно²⁹².

Не останавливаясь на чисто археологических доказательствах, отметим, что и в долине Инда²⁹³, и в Южном Туркменистане²⁹⁴, и Северном Афганистане вместе с распространением новых типов печатей полностью прекращается изготовление антропоморфной пластики, что свидетельствует об изменениях в идеологических представлениях местного населения. Заметим также, что многие авторы видят в носителях джукарской культуры индоевропейские племена, пришедшие на индийский субконтинент, причем одно из важных доказательств арийского нашествия усматривается в типе печатей с Чанху-Даро²⁹⁵.

Заканчивая обзор глиптики Афганистана, мы можем сделать несколько предварительных выводов. Намечается три основных этапа в ее развитии. Первый, наиболее ранний этап относится к эпохе энеолита, когда на юге страны (Мундигак и др.) бытуют плоские каменные печати с отверстием для шнура и преимущественно геометрическими орнаментами.

Второй, промежуточный этап характеризуется постепенным видоизменением этих амулетов, все более приобретающих черты типичных печатей. В первую очередь это связано с появлением петелек-ручек и постепенной заменой каменных образцов металлическими. Наконец, в третий этап широко распространяются металлические печати перегородчатого типа, которые теперь известны как на юге, так и на севере Афганистана.

Наряду с этой, в целом местной линией развития древней глиптики в последний, третий этап в небольшом количестве распространяются каменные печати-амулеты, близко напоминающие мургабские и постхарапские образцы. Во всех трех регионах эти специфические амулеты носят явно пришлый характер и имеют не светское, а ритуальное назначение, скорее всего, в виде апотропеев.

Сравнительный анализ показывает, что при местной ирано-афгано-туркменистанской линии развития древней глиптики налицо влияние, идущее со стороны Месопотамии и особенно сиро-хеттского мира. В области сфрагистики эти веяния в первую очередь проявляются в группе каменных печатей-амулетов, что, однако, не исключает использования

новых образов и мотивов в изготовлении медно-бронзовых печатей. Каменные печати-амулеты, практически одновременно появляющиеся в южных областях Средней Азии и Северном Афганистане, с одной стороны, и на индийском субконтиненте — с другой, позволяют синхронизировать эти комплексы с постхарапской культурой долины Инда, но не ранее. Не исключено, что за распространением новых мифологических образов и, надолго полагая, верований скрывается не только простая диффузия новых религиозных идей и представлений, но и приход в середине II тысячелетия до н. э. групп племен в эту часть древневосточного мира из одного общего, более западного центра.

Металлические перегородчатые печати имели преимущественно светское назначение и служили знаками собственности, но не отдельных личностей, а семей (фамилий), групп родственных семей. Все это косвенным образом указывает на существование не личной (в юридическом аспекте), а семейной коллективной собственности, что, помимо всего прочего, документируется различными оттисками печатей, но на одном комке глины. С другой стороны, нельзя не отметить, что в последний период резко увеличивается количество как самих печатей, так и оттисков, что связано с расширением древней торговли, развитием форм собственности и в конечном счете общественных отношений.

Вместе с тем печати все еще сохраняют религиозно-магический смысл, что нашло отражение в изображениях. Их магический смысл бесспорен, причем группа натуралистических изображений отражает мировоззрение местного населения, выраженное в мифологических представлениях, где солярные и космогонические идеи являлись едва ли не наиболее популярными и показательными. В этой связи можно допустить, что наличие натуралистических и абстрактных изображений связано с различным их назначением, когда одни печати могли являться знаком служебного или культового достоинства, а другие — символом собственности.

Отсутствие письменных данных затрудняет конкретизацию подобного предположения, однако не следует и принижать социально-экономический уровень развития местного общества. В этом отношении показательна поистине неисчерпаемая вариантность печатей с крестовидными изображениями; для обычного оберега достаточно было изобразить простой крест, однако на практике мы видим все новые и новые варианты, возможно, указывающие на социальную стратификацию исследуемого общества эпохи поздней бронзы.

²⁹² Сариганиди В. И. Бактрия в эпоху бронзы...

²⁹³ Маскау Е. Chanhi-Daro..., p. 151.

²⁹⁴ Массон В. М., Сариганиди В. И. Среднеазиатская терракота...

²⁹⁵ Heine-Geldern R. The Coming of the Aryans and the end of the Harappa Civilization.— «Man», October, 1956, v. LVI, p. 138.

§ 10. Мелкие поделки

Каменные, кремневые, костяные изделия сравнительно немногочисленны и в основном представлены миниатюрными сосудиками (кочинские чашки, мелкие миски, флаконы, вазочки на высокой ножке); как правило, все они выточены из светлого с прожилками алебастра и тщательно отшлифованы. Но особое место занимают каменные изделия, выточенные из темного стеатита и имеющие форму почки. Один такой образец происходит из центрального святилища круглого храма, второй — из дворца Дашлы-3; оба они имеют низкий бортик, украшенный нацарапанным орнаментом в виде заштрихованных треугольников. Большое количество аналогичных изделий в виде почки происходит из разграбленных могил Бактрии; большая часть их выточена из стеатита; в единичных экземплярах имеются керамические и металлические изделия. Все они, видимо, имеют особое, ритуальное назначение. На это могут указывать фаянсовые и костяные вставки в виде почек из Асмара²⁹⁶ и храма Иштар в Телло²⁹⁷. Такой же формы амулеты из серпантина, встреченные в храме Телл-Брака²⁹⁸, определяются как ритуальные изделия для гадания²⁹⁹.

Вместе с тем отмечается, что изображение почек было наиболее распространено не в Месопотамии, а в долине Инда, что документируется костяными вставками, рисунками на расписной керамике и печатях³⁰⁰. Это дало основание Е. Пораде считать их характерным признаком индийской цивилизации³⁰¹. На основании всех этих наблюдений Дюринг-Касперс прямо допускает распространение этого мотива из долины Инда вплоть до Месопотамии³⁰².

В свете сказанного можно предположить, что и афганские изделия в виде почки имели ритуальное назначение, тем более что одно из них найдено в культовом помещении. Однако следует отметить, что пока подобные каменные изделия известны лишь в Афганистане и, воз-

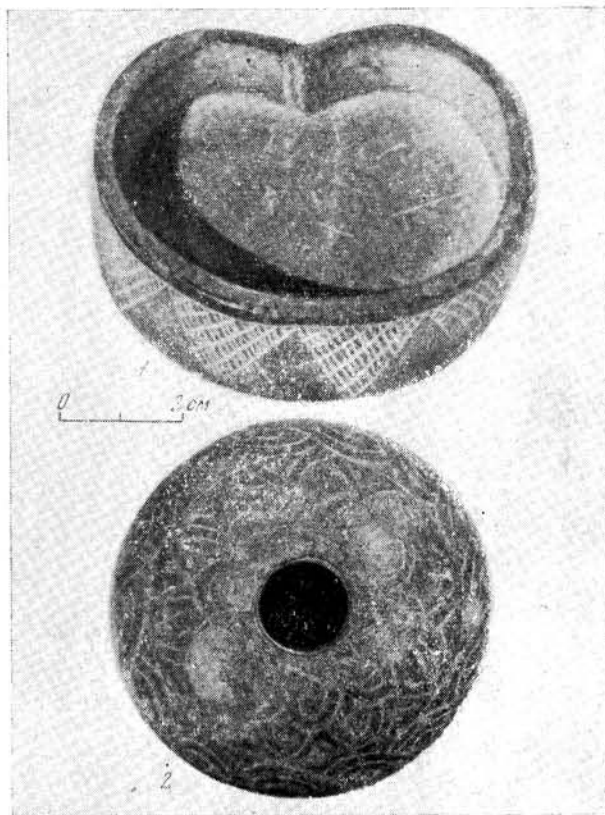

Рис. 51. Дашлы 3. Каменный сосудик из дворца (1) и каменное навершие из разграбленных могил (2)

можно, в Юго-Западном Туркменистане, где в культуре архаического Дахистана встречен аналогичный образец, но не орнаментированный.

При раскопках дворца Дашлы-3 встречены цилиндрические стержни, выточенные из стеатита, концы которых сохранили следы спилов или даже кольцевые надрезы.

Заслуживает интереса грушевидное навершие, по-видимому, булавы, изготовленное из темного камня и происходящее из случайных находок. Сквозное отверстие выделено с одной стороны рельефным валиком, а вся поверхность сплошь покрыта нацарапанным орнаментом. Поскольку подобные навершия ранее в Афганистане известны не были, хронологическая принадлежность этого образца остается неуточненной; отметим лишь близкие по форме навершия из Гьяна³⁰³.

Миниатюрные каменные «колонки» встречаются как в могилах, так и культурном слое поселений (Дашлинский оазис), хотя назначение их до сих пор с точностью не установлено.

³⁰³ Herzfeld E. Iran in the Near East. London, 1969, pl. XXVI.

²⁹⁶ Frankfort H. Tell-Asmar, Khafaje and Khorsabad.—OIP, 1933, N 16, p. 52, fig. 32.

²⁹⁷ Parrot A. Le Temple D'Ishtar. Paris, 1956, fig. 93.

²⁹⁸ Mallowan M. Excavations at Brak and Chagar Bazar.—«Iraq», 1947, v. IX, p. 39—40, pl. XVII, 5, 9—26.

²⁹⁹ Mallowan M. Excavations..., p. 40, 120; During-Caspers E. Some motifs as Evidence for Maritime contact Between Sumer and the Indus Valley.—«Persica», N V, 1970—1971, p. 113.

³⁰⁰ Marshall I. Mohenjo-Daro..., v. I, pl. LXXXVII, N 4; Mackay E. Further Excavations at Mohenjo-Daro. Delhi, 1938, pl. CXL, N 59; Vats M. Excavations..., v. II, pl. LXVII, N 32.

³⁰¹ Leemans W. Foreign Trade in the Old Babylonian Period. Leiden, 1960, p. 33.

³⁰² During-Caspers E. Some motifs..., p. 114.

Думается, что они имели не бытовое назначение. Известны они в перемещенном виде в Афганском Сеистане³⁰⁴, в Южном Туркменистане (особенно в бассейне Мургаба), в Гиссар-III³⁰⁵, а также в Белуджистане³⁰⁶.

В связи с широким географическим распространением показателен тот факт, что во всех этих пунктах миниатюрные «колонки» появляются в одно время — эпоху поздней бронзы, что указывает на существование общего центра, откуда они практически одновременно распространяются в западном направлении³⁰⁷.

Как правило, миниатюрные «колонки» выточены из светлых пород камня (нередко полупрозрачного алебастра), поверхность их тщательно зашлифована, ствол в середине слегка утонщен, на торцовых частях имеются вытесанные желобки, частично переходящие на боковые плоскости. Близкое по типу, но массивное дисковидное изделие из белого алебастра вместе с обычной миниатюрной «колонкой» встречено в одной из могил Дашлы-3.

Кремневые изделия представлены наконечниками стрел и дротиков, вкладышами серпов, проколками для мягкого материала (шкур, кож), сверлами, ножами для разделки туш, боковыми скребками для обработки шкур. Траснологическое исследование, проведенное Г. Ф. Коробковой, показало, что все кремневые орудия, за исключением наконечников стрел, выполнены грубой, с признаками деградации, техникой, в основе которой лежит получение примитивных изогнутых пластин неправильных очертаний, оформленных частично притупливающей ретушью по краю. Зато наконечники стрел выполнены в лучших традициях энеолитической техники, с применением тонкой двусторонней обработки. Наконечники стрел изготовлены из прекрасного качества кремня коричневатого цвета и могут быть подразделены на три типа: 1) ромбические; 2) треугольные черешковые с опущенными жальцами и 3) лавролистные. Типологически близкие наконечники стрел известны в Сапалли-Тепе и бассейне Мургаба.

Костяные изделия (до 25—30 см длиной) в основном представлены изогнутыми рогами оленей, в меньшей степени — джейранов. Один конец их тщательно спилен, другой несет сле-

ды заглаженности от работы. Думается, что подобные изделия использовались в древнем хозяйстве. В меньшем количестве известны проколки с длинным узким стержнем, рабочий конец которого залощен, а другой уплощен. Лишь на одном экземпляре выточено биконическое навершие, что указывает на назначение в качестве костяной булавки. О связях с долиной Инда свидетельствует квадратная пластина со срезанными углами и кружковым орнаментом, изготовленная из слоновой кости.

Антропоморфная пластика в эпоху бронзы практически отсутствует в системе всего Афганистана, если не считать вышеупомянутый комплекс ритуальных изделий, включающий терракотовые статуэтки людей и животных. Так, в Мундигаке антропоморфные статуэтки существуют вплоть до Мундигак-IV, лишь один экземпляр происходит из слоя Мундигак-V и нет их совершенно в последующие периоды³⁰⁸.

Практически неизвестны антропоморфные статуэтки в Гиссаре, Южном Туркменистане периода Намазга-VI, Южном Узбекистане, в долине Инда в постхарапской джукхарской культуре. Вместе с тем весьма знаменательно, что в Южном Туркменистане и долине Инда в предшествующие периоды антропоморфная пластика составляет едва ли не наиболее характерный признак культуры, так что полное исчезновение ее не является случайным, а связано с внешними влияниями, скорее всего с приходом новых племен с другими идеологическими представлениями.

Зооморфная терракотовая пластика весьма ограничена; с поселений Дашлы-1 и 3 происходят две фигурки животных, вылепленные весьма обобщенно. Зато при раскопках дворца Дашлы-3 найдены две гипсовые статуэтки. Одна из них изображает собаку с загнутым вверх хвостом; глаза и шея окрашены черной краской. Ближайшую и наиболее показательную аналогию представляют алебастровые раскрашенные фигурки в одной из могил слоя Гиссар-IIIС³⁰⁹. Вторая статуэтка изображает спокойно лежащего барана: морда его отбита, но сохранились круто загнутые рога; выделяется четко моделированная мускулатура подогнутых под себя ног.

Биконические бусины, выточенные из темного стеатита и часто украшенные кружковым орнаментом, имеются в Мундигаке³¹⁰, но более широко они известны на севере страны. О том, что это именно бусы, а не пряслица, говорит

³⁰⁴ Dales G. Prehistoric Research in Southern Afghan Seistan.— «Afghanistan», 1972, v. XXIV, N, 4, fig. 16, 17.

³⁰⁵ Schmidt E. Excavations..., pl. LXI.

³⁰⁶ Piggott S. Dating..., p. 181—182.

³⁰⁷ Ср. материалы из Тепе-Гиссар, где миниатюрные «колонки» до слоя Гиссар-III вообще известны не были. (Schmidt E. Excavations at Tepe-Hissar..., p. 216—219).

³⁰⁸ Casal J. M. Fouilles de Mundigak..., p. 254, pl. XLII, N 16.

³⁰⁹ Schmidt E. Excavations at Tepe-Hissar..., p. 188, pl. XXXIII.

³¹⁰ Casal J. M. Fouilles de Mundigak..., fig. 138, N 37.

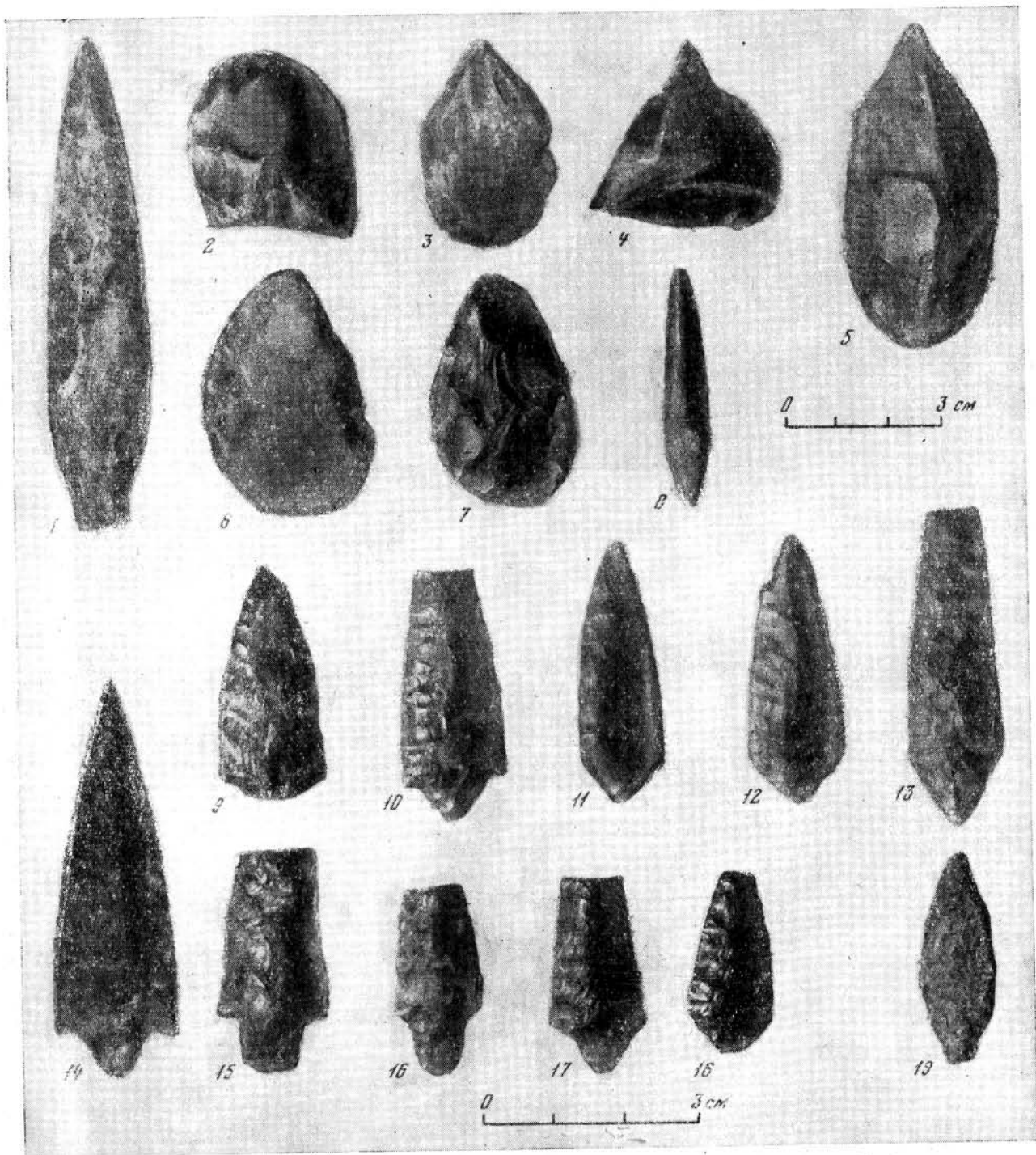

Рис. 52. Дашлы-3. Кремневые орудия

тот факт, что на ряде подобных изделий нацарапанные кружки заполнены белой и красной пастой. В единичных случаях отмечен не кружковый, а зубчатый орнамент.

Биконические бусы широко представлены в Северо-Восточном Иране³¹¹, Южном Туркменистане (особенно в бассейне Мургаба) периода Намазга-VI, в постхарапшской культуре

³¹¹ Schmidt E. Excavations at Tepe-Hissar..., p. 322, pl. LXX; Arne T. J. Excavations..., p. 198-199, pl. XXXIII.

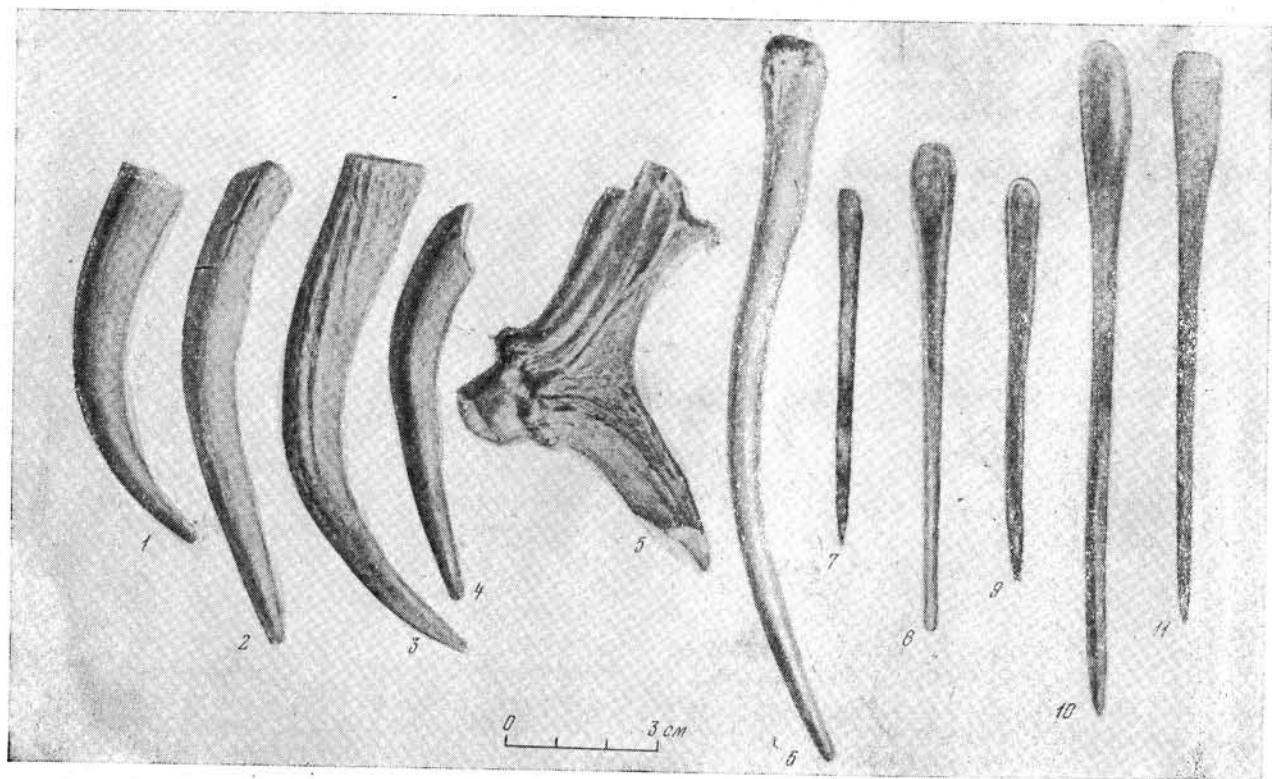

Рис. 53. Дашлы-3. Костяные изделия

Джукхар в долине Инда³¹², что не может быть не поставлено в связь с практически одновременным их распространением в этой части Юго-Западной Азии.

Вообще же бусы из поделочных камней многочисленны и включают единичные изделия из лазурита, бирюзы и сердолика. С Дашлы-3 (круглый храм) происходит пустотелая золотая бусина биконической формы, а из дворца — массивный лазуритовый амулет с круглыми пастовыми вставками и сквозным отверстием для шнура. Встречено всего несколько травленых бус, более распространенных в хараппской цивилизации долины Инда.

Бесспорный научный интерес представляет наборная мозаика, обломки которой встречены при раскопках табахана дворца Дашлы-3. Это плоские плитки, выпиленные по контуру каких-то фигур, причем плоскость их дополнительно покрыта нацарапанными растительными узорами, преимущественно в виде трилистников. Один из обломков сохранил контуры головы и горбатой шеи быка или коровы, причем тонкой гравировкой показаны плавно изогнутые

рога. С оборотной стороны все фрагменты сохранили ганчевую подмазку от раствора, при помощи которого крепилась мозаика.

Относительно близкие аналогии дают памятники монументального искусства Месопотамии, и в частности дворец в Кеше, где было найдено много фрагментов инкрустации от настенных фризов. Фигуры были выпилены из плиток известняка и затем вставлены в темно-серый сланец, за счет чего создавался соответствующий фон. Инкрустации выпилены с большой точностью, аккуратно совпадают с гнездами сланца и нередко покрыты тонкой гравировкой. Основные персонажи: женщины-музыкантши, воины, животные³¹³. Не исключено, что в Дашлы-3 панели особых помещений были инкрустированы наборной мозаикой, что подчеркивало необычность самого сооружения.

Отмеченный месопотамский аспект подобных изделий может быть усилен и стилистическими аналогиями, в первую очередь нацарапанными рисунками трилистников. В месопотамском искусстве они выгравированы на стеатитовых фигурках бычков-андрокефалов из Лагаша³¹⁴, Урука³¹⁵, на стеатитовом сосуде из

³¹² Madjundar N. Explorations in Sind.—MASI, 1934, N 48, p. 58, pl. XXXIII.

³¹³ Langdon I. Excavations at Kish, v. I, pl. XIII, N 1; XLII; Mackay E. Sumerian Palace..., v. II, pl. XXXVI, 1.

³¹⁴ Contenau G. Manuel d'Archéologie..., v. III, fig. 490; Parrot A. Sumer. Paris, 1960, fig. 276.

³¹⁵ Contenau G. Manuel d'Archéologie..., v. IV, fig. 1079.

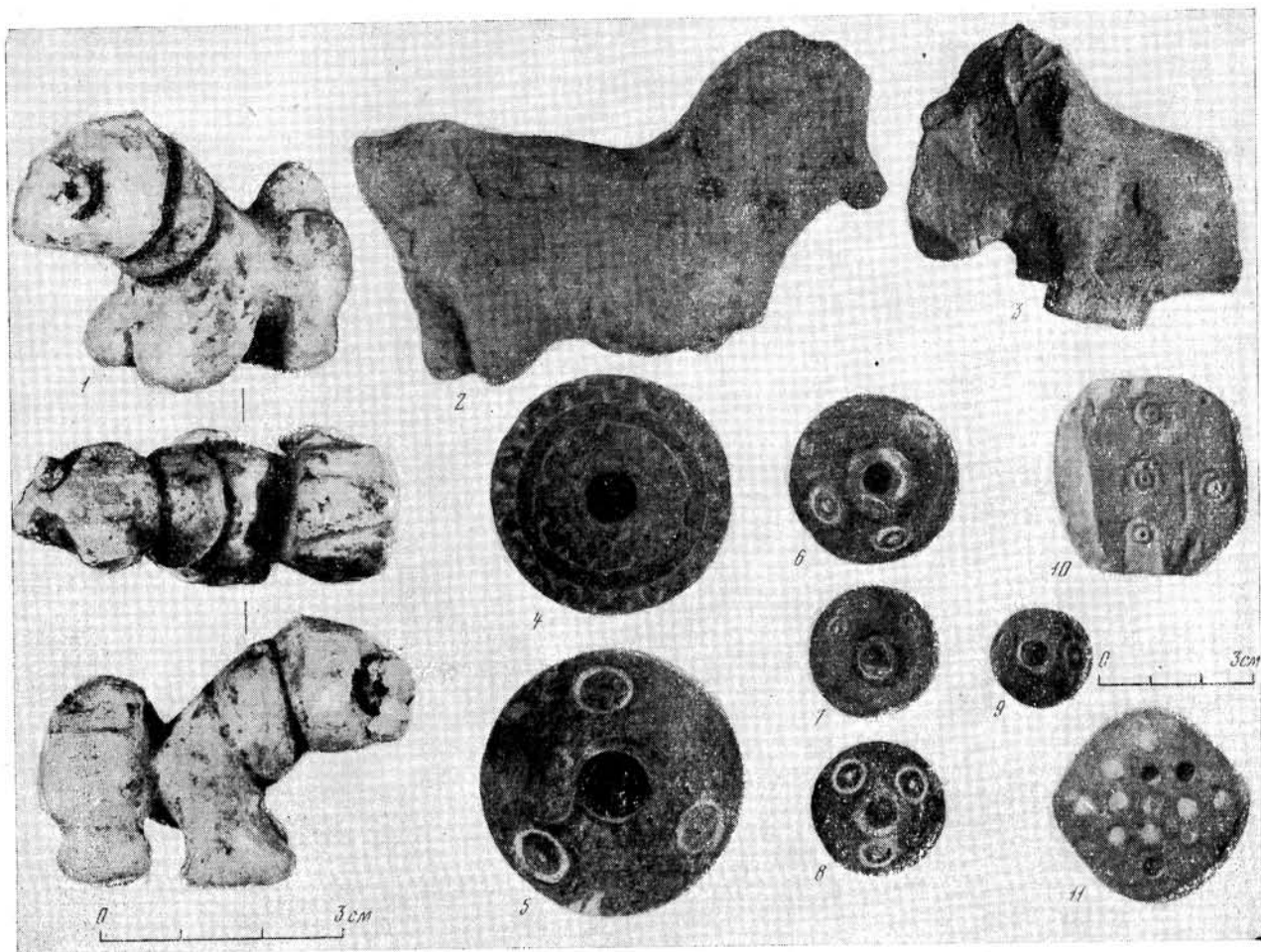

Рис. 54. Дашлы-3. Каменные, костяные и терракотовые изделия

Ура³¹⁶. Предполагается, что рисунки трилистника, подобно изделиям в виде почки, имели религиозное, точнее, астральное назначение³¹⁷, что представляется вполне вероятным.

С другой стороны, отмечается широкое распространение этого мотива в позднехарапском искусстве, что хорошо иллюстрируется трилистниками, которыми декорирован плащ статуэтки бородатого человека из Мохенджо-Даро³¹⁸. Трилистники часто встречаются в узорах, покрывающих стеатитовые и пастовые травленные бусы, а также на каменной подставке из Мохенджо-Даро³¹⁹. Происхождение этого мотива до сих пор остается невыясненным. Учитывая относительную территориальную близость Афганистана с долиной Инда, можно предпо-

ложить, что именно отсюда этот мотив проникает в Бактрию, где он используется в оформлении монументальной архитектуры. Пока лишь можно отметить, что наряду с Месопотамией и Северо-Западной Индией Северный Афганистан фиксирует третий регион в системе Передней Азии, где в искусстве применялись рисунки трилистника.

Вышеприведенный обзор памятников материальной культуры эпохи бронзы выделяет как наиболее вероятный ирано-туркменистанский центр, откуда можно предполагать происхождение исследуемого археологического комплекса, что, однако, потребует дальнейшей конкретизации такого допущения. На основании сравнительных сопоставлений, и в первую очередь керамических комплексов, казалось бы, есть все основания видеть преимущественную близость керамики эпохи бронзы Северного Афганистана с посудой типа Намазга-V в Южном Туркменистане.

Однако в целом прямому генезису соответствующих культур Южного Туркменистана и Северного Афганистана препятствуют многие

³¹⁶ Wooley L. Excavations at Ur of the Chaldees.— «Antiquaries Journal», 1923, v. III, p. 52, pl 35 (U 239).

³¹⁷ Doring-Caspers E. Some motifs..., p. 115.

³¹⁸ Там же, табл. XI, № 4.

³¹⁹ Mackay E. Sumerian Palace..., p. 412, pl. CIV, N 26.

из вышеприведенных наблюдений. Они показывают, что по крайней мере с рубежа III—II тысячелетий до н. э. Иранский Хорасан и крайний юго-запад Средней Азии составляли общую зону существования не только керамических традиций, но и многих других археологических реалий. Неоднократно отмечаемые выше дашлинско-гиссарские параллели несомненно получают в дальнейшем более широкие сопоставления на новом археологическом материале. Но и те, что известны сейчас, дают право выделить Восточный Иран как наиболее вероятный центр, откуда иммигранты в середине II тысячелетия до н. э. попадают в плодородные оазисы Бактрийской равнины.

Не исключено, что другая линия из общего центра ведет в плодородные оазисы Парфии и

особенно Маргианы, где к тому времени здесь уже существовали поселки выходцев из подгорной зоны Южного Туркменистана. Как бы то ни было, одно является бесспорным, что материальные культуры Бактрии и Маргианы второй половины II тысячелетия до н. э. тождественны. Это подтверждается и Бехистунской надписью, сообщающей, что в 523—522 гг. до н. э. Маргиана входила в состав Бактрии³²⁰.

³²⁰ История таджикского народа. М., 1963, с. 157. В свете имеющихся фактов представляется возможным считать, что такое объединение восходит к предшествующему времени вплоть до середины II тысячелетия до н. э. В таком случае целесообразно не выделять самостоятельные археологические культуры, а обозначить материальную культуру Маргианы и Бактрии как бактрийско-маргианский археологический комплекс.